

18.05A 28.77

B18

ЧЕЛОВЕК ИЩЕТ СВОИХ ПРЕДКОВ

АНАТОЛИИ
ВАРШАВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

111191

1/xii	12/ii
26/xii	30/iii
11/	
30/	
21/x	

8/

15/

16/

13/

25/

27/

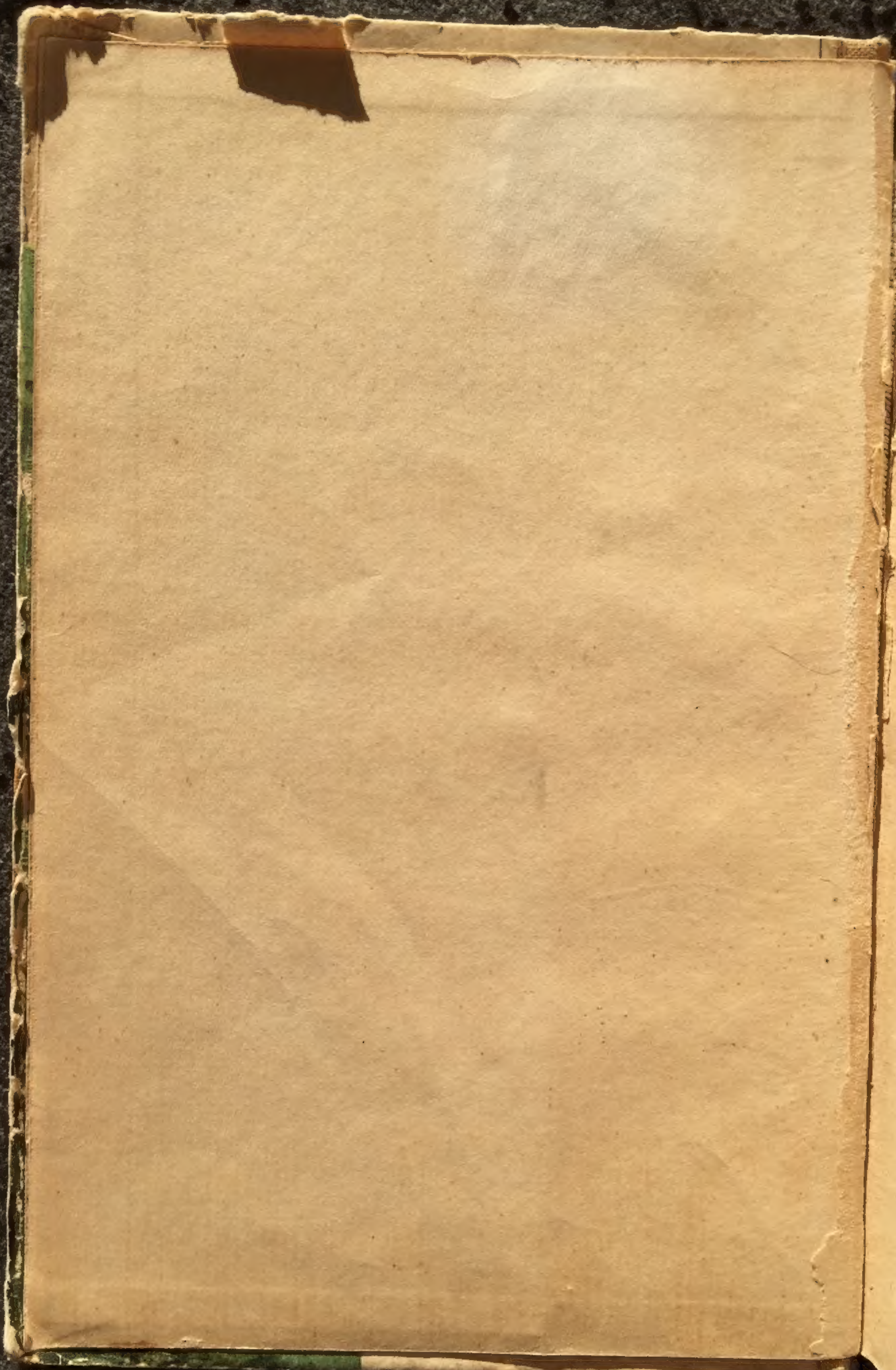
39/

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

8/VI	2/IV	11.2
15/IX	21/IX	14/IV
16/IX	19/II	8.05
13/XI	24/IX	
25/I	4/V	
22/IV		
29/IV		

94 or

11191. 7

94 on.

28₁₃

АНАТОЛИЙ ВАРШАВСКИЙ

к

ПОГАШЕНО

ЧЕЛОВЕК

ИЩЕТ

СВОИХ

ПРЕДКОВ

15111

7

ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ 99
Октябрьского района
г. Москвы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1967

В идеале антропология должна ответить на три простых вопроса: 1) Где родился человек? 2) Когда? 3) Каким образом? Когда она это осуществит, ей как науке нечего будет делать.

Шутки шутками (как бы далеко ни шагнула вперед наука, всегда останутся еще не решенные проблемы), а речь идет об интимных тайнах жизни! О процессах, происходивших тогда, когда их никто не мог зафиксировать. О безумно долгих временах и тысячах и тысячах поколений видоизменявшихся живых существ. О том, чтобы сыскать нить Ариадны в лабиринте, который и не снился грозному владыке Кносса.

Лишь в XIX веке ученые занялись поисками ответа на эти вопросы.

Подняты на поверхность десятки тысяч кубометров земли. Целые жизни посвящены изучению проблемы, о которой с полным основанием можно сказать: она в числе самых любопытных и значительных на свете.

И все же нерешенного здесь сколько угодно. И множество оснований для различных гипотез.

Поиск продолжается. Все новые факты поступают на вооружение ученых. Человек хочет знать своих предков.

О том, что найдено и что не найдено, о великих искателях — Буше де Перте и Фульротте, Дарвине и Геккеле, Дюбуа и Блэке, Дарте и Бруме, Окладникове и Семенове, Кенигсвальде, Лики и многих других — эта книга.

И одновременно о том, как человек стал человеком.

Оформление
Б. Шляпугина

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО		ИСКОПАЕМЫЕ ЛЮДИ СОВРЕМЕННОГО ТИПА	ДРЕВНИЕ ЛЮДИ	ДРЕВНЕЙШИЕ ЛЮДИ	АВСТРАЛОПИТЕКИ	ПЕРИОДЫ КУЛЬТУРЫ
ПЕРИОД	ВРЕМЯ В ТЫСЯЧЕЛЕТИИ	РОСТ СМ	ЧЕРЕПА И ОБЪЕМ МОЗГА (КУБ.СМ)	ВРЕМЯ В ТЫСЯЧЕЛЕТИИ	ПЕРИОДЫ КУЛЬТУРЫ	ПЕРИОДЫ КУЛЬТУРЫ
СОВРЕМЕННЫЙ	30	187	homo sapiens	30	ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ	ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЛОКАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ
ДРЕВНИЙ	40-50	155-160	ПОЗДНИЕ НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ (ЗАПАДНЫЕ)	40-50	МУСТЬЕРСКАЯ КУЛЬТУРА	МУСТЬЕРСКАЯ КУЛЬТУРА
ДРЕВНИЙ	40-60	1070-1600	ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИЕ НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ	40-60		
ДРЕВНИЙ	300-25		РАННИЕ НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ	300-25		
ДРЕВНИЙ	350-30	?	ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ ЧЕЛОВЕК	350-30	АШЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА	АШЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА
ДРЕВНИЙ	400	150-160	(ИННАНТРОП)	400		
ДРЕВНИЙ	400	?	АТЛАНТРОП	400		
ДРЕВНИЙ	500	?	ОЛДОВАЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК	500	ШЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА	ШЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА
ДРЕВНИЙ	500-600	170	ПИТЕКАНТРОП	500-600	ДОШЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА	ДОШЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА
ДРЕВНИЙ	СВЫШЕ 1000	120-140	homo habilis	СВЫШЕ 1000		
ДРЕВНИЙ	1000-600	145-150	АВСТРАЛОПИТЕКИ	1000-600	?	?
ДРЕВНИЙ		РОСТ СМ	ЧЕРЕПА И ОБЪЕМ МОЗГА (КУБ.СМ)	ВРЕМЯ В ТЫСЯЧЕЛЕТИИ	ПЕРИОДЫ КУЛЬТУРЫ	ПЕРИОДЫ КУЛЬТУРЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	8
---------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Прозрение

Глава I. Таможенный чиновник меняет профессию	29
Глава II. Отшельник из Дауна	47
Глава III. Отшельник из Дауна (Продолжение)	69
Глава IV. Господин учитель Фульротт	94

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В поисках исчезнувших звеньев

Глава I. Родственник с острова Явы	109
Глава II. Вначале были зубы	124
Глава III. Одиссея Ральфа фон Кенигсвальда . .	138
Глава IV. По следам южной обезьяны	151
Глава V. Ущелье Олдовой	170
Глава VI. Предок питекантропа	180
Глава VII. Проконсул и К ^о	189
Глава VIII. Немного теории	196

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Восхождение к человеку разумному

Глава I. Кто такие неандертальцы?	205
Глава II. Охота была главным	230
Глава III. Конец одного мифа	241
Глава IV. Был некогда день...	248
Глава V. Портретная галерея	257
Послесловие	265

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

1

1868 год. Испания. Охотник со своей собакой преследует лисицу. Вдруг собака исчезает. Охотник не понимает, в чем дело. Потом он видит небольшую расщелину. Оттуда доносится слабое тавканье. Охотник разгребает камни и протискивается в щель.

Другой на его месте, разыскав собаку, быть может, на том и успокоился бы. Но он человек любознательный. Он продолжает ползти по наклонному ходу. Стоп! Перед ним груда камней. Дорога перекрыта. Все же можно разглядеть, что впереди пещера.

Охотник поворачивает назад. Он рассказывает о подземной пещере своим друзьям в деревне. Никто не придает этому особого значения.

Случайно семь лет спустя в разговоре с местным землевладельцем о пещере вспоминает один из жителей деревушки.

— Где она? — спрашивает дон Сантьяго Томазо Санц де Саутуола.

— На холме возле вашего дома, — отвечает крестьянин.

Холм назывался Альтамира — Высокий горизонт. И с его вершины были видны окрестные поля с выжженной, иссушенной землей, рощи оливковых деревьев, крестьянские дома, сложенные из серого известняка, с красной черепичной крышей. И где-то, почти на линии горизонта, старый средневековый городок Сантильяно дель Мар с узкими и кривыми улочками и белой громадой собора.

Никто тогда не знал, что здесь открываются иные дали, куда более значительные, и что даже само название холма теперь, когда нам все известно, будет казаться пророческим.

Дон Саутуола спустился в подземный ход. Но, увидев большие и тяжелые камни, чуть ли не наглухо замуровавшие пещеру, не стал заниматься расчисткой. Он лишь немного покопал у основания камней — ему хоте-

лось узнать, насколько глубоко они сидят в земле. И нашел несколько костей животных.

Саутуола показал находку приятелю, Хуану Виллана, профессору геологии в Мадриде. Тот внимательно осмотрел их и сказал: «Кости принадлежат бизону, дикой лошади и давным-давно вымершему гигантскому оленю. А расщеплены они вдоль, — рассудил Виллана, — очевидно, потому, что кто-то хотел полакомиться костным мозгом... Древние кости, — задумчиво сказал ученый, — очень древние».

2

Миновало четыре года, прежде чем Саутуола вошел в пещеру. Могло пройти и еще больше, если бы в 1878 году он не побывал на второй Всемирной выставке в Париже. Там среди прочих экспонатов были выставлены — интереснейшая новинка! — первые орудия труда древних людей.

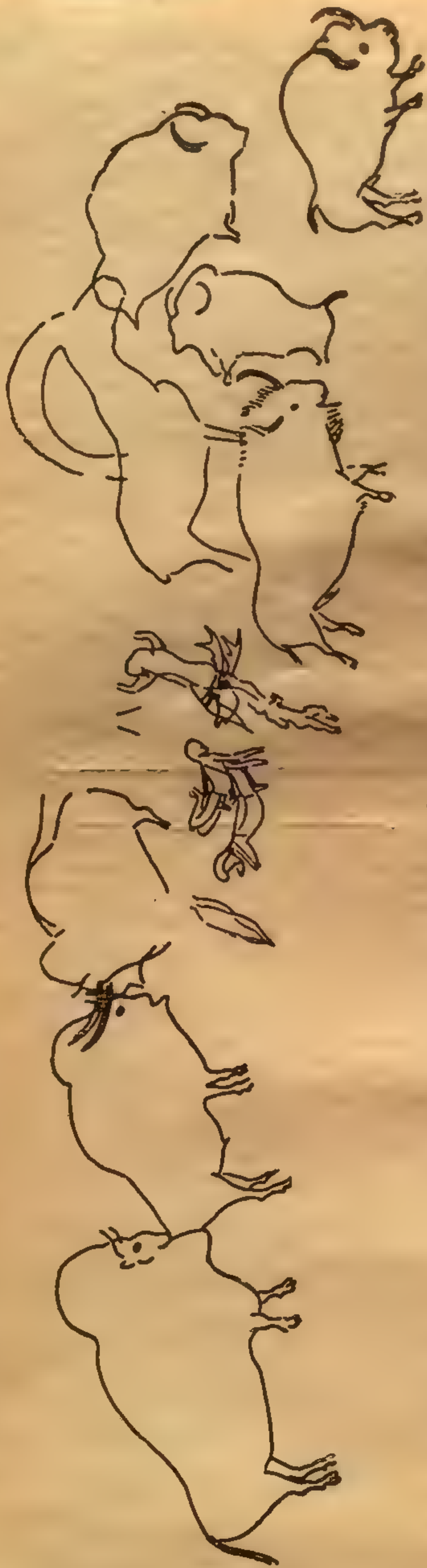
Скребки, остроконечники, ножи, резцы из камня и тут же кости животных, расщепленные так же, как и кости из Альтамиры, разожгли воображение Саутуолы.

Весной 1879 года он принялся за работу. Он не был новичком: уже до этого исследовал несколько пещер и неплохо знал методику раскопок. К тому же успел в Париже побеседовать на сей счет с опытными людьми.

... Примерно в пятидесяти метрах от входа, недалеко от того места, где открывался довольно большой подземный зал, Саутуола увидел низкий коридор, который вел в боковую пещеру. Ход привлекает его внимание, и он решает начать работу именно с этой пещеры. Но прежде бегло осматривает большой зал. Он находит скелет пещерного медведя — извечного врага людей — и видит на одной из стен какие-то черные, словно краской проведенные полосы.

Впрочем, последнему Саутуола не придает ровным счетом никакого значения.

В маленькой пещере, судя по всему, очевидно, долго жили люди. Пробираясь им сюда было нелегко. Каменные стены узкого коридора очень близко подходили

друг к другу, и не более метра отделяло ребристые своды от пола. Потом проход расширялся, а в самой «комнате» можно было уже стоять во весь рост. Земля была утрамбована и хранила следы золы от бесчисленных костров.

День за днем спускается сюда Саутуола, и все растет число найденных им грубо оббитых кусков кремня, таких же, как орудия древних людей, которые он видел на выставке в Париже. И костей и зубов древних животных.

— Возьми меня с собой, отец, — просит Саутуолу двенадцатилетняя дочка Мария.

— Там темно, сыро, холодно, — пробует обороняться отец.

Девочка настаивает, и однажды утром Саутуола сдается. Он привычно роется в маленькой пещере, а девочка, которой наскучило наблюдать за его работой, путешествует по подземелью.

— Папа, — говорит она внезапно, — папа, смотри — быки!

— Где? — несколько озадаченно спрашивает Саутуола. — Тебе, наверное, показалось.

— Нет, — говорит девочка. — На потолке, вон там!

— На потолке? — Саутуола поднимает глаза — и в самом деле, как он это сам не заметил? — прямо на потолке целое стадо бизонов! Животные резвятся, пасутся, несутся во

Мет-
оды
сши-
ате»
во
рам-
олы
ется
стет
убо
ких
лю-
вы-
й и
бой,
двев-
ия.
од-
сья
од-
ет-
ма-
ко-
за
по
не-
ки!
да-
—
оч-
ла
ом
е-
е-
ые
во

весь опор. Тут же дикая ло-
шадь, и вепри, и дикая свинья.
В мерцающем свете карбидной
лампы все они словно живые.

Лежа на спине, долго и
внимательно разглядывает их
Саутуола. И когда он подни-
мается и дотрагивается рукой
до росписей, чувствует: крас-
ка еще местами словно сы-
рая!

3

Откуда в пещере, в кото-
рую с незапамятных времен
никто не входил, эти изобра-
жения? Сделанные так смело,
так пластично, так мастерски?

Саутуола едет к Вилланове.
На следующий день они оба
спускаются в пещеру.

...Впоследствии поколения
исследователей, художников,
просто любителей древностей
и искусства будут восхищаться
немеркнущими красками, уди-
вительнейшей точностью в пе-
редаче повадок животных, зре-
лостью рисунков, той ролью,
которую здесь играют свет и
тени, прекрасным знанием ху-
дожниками перспективы. Впо-
следствии тома и тома будут
написаны об одной только пе-
щере Альтамира, а доистори-
ческие росписи, живопись на-
ших пещерных предков будут
изучать студенты искусство-
ведческих факультетов во всем
мире. Впоследствии открытие

Саутуолы, вернее, его дочери будет — и по праву — считаться одним из основополагающих в науке о человеке.

Но это все будет потом. А пока Саутуола и Вилланова как замороженные смотрят на невиданную картинную галерею.

Рисунки первобытных людей?

Похоже, что так. Ведь вход в пещеру был завален, насколько можно судить, в очень далекие времена. Животные — древние, многие из них давным-давно вымерли. А вот и куски затвердевшей краски — не такой, как современная. Вот раковина, служившая палитрой!

На каждом шагу исследователей поджидают неожиданности. Большая группа бизонов, та, которую увидела Мария, нанесена, оказывается, поверх другой росписи, более примитивной, сделанной углем. А на другой стене той же пещеры, между двух буланых, с развевающимися гривами, во весь свой естественный рост изображенных коней, они видят три отпечатка человеческой руки. Один сделан намазанной краской рукой, в двух других случаях обведен контур прижатой к стене руки...

Известие об открытии попадает в местную печать. Оттуда — в мадридские газеты.

Росписи, сделанные доисторическими людьми!

Кто раньше слышал о холме Альтамира? Теперь он становится знаменитым. И даже сам испанский король, с семьей, свитой, слугами, изволит прибыть во владение Саутуолы. Правда, ему, как и всем прочим смертным, приходится, для того чтобы посмотреть росписи, сгибаться в три погибели и чуть ли не ползти на четвереньках. Но что поделаешь — искусство требует жертв. В память о высоком посетителе кто-то из подхалимов выжигает свечой на стене неподалеку от входа: «Альфонс XII», — надпись эту можно видеть и сегодня.

4

По совету Виллановы Саутуола садится писать отчет о своем открытии. В 1880 году его книга выходит в свет. После рассказа о найденных в пещере орудиях и костях

Настенная живопись. Пещера Альтамира.

древних животных следует описание найденных росписей. Есть в книге и репродукции. Их сделал некий приглашенный Саутуолой художник, глухой мастер, француз.

Книга выходит в свет, и... начинается скандал.

Росписи в пещере вовсе не древние. Их исполнил по заказу Саутуолы тот самый художник, который иллюстрировал книгу, — таков слух, пущенный противниками нового открытия.

И этому верят, как, впрочем, и рассуждениям о том, что первобытные люди ничем-де не отличались от горилл, а посему ничего рисовать не могли.

— К тому же как могли рисунки, сделанные охрой, сохраниться на протяжении тысячелетий в темном, сыром, промозгом подземелье? — спрашивают недруги Саутуолы.

И добавляют: владелец Альтамиры посетил пещеру во второй раз лишь через четыре года после того, как побывал там впервые; именно тогда и были изготовлены росписи. Недаром художник, давний знакомый Саутуолы, жил у него в те годы!

Проходит еще несколько месяцев. Лисабон. Здесь собирается международный конгресс антропологов и археологов. На повестке дня среди прочих вопросов дискуссия об альтамирских росписях.

Доклад делает Вилланова.

— Ни один современный художник, — говорит он, — если, допустим, даже стать на ту точку зрения, что совершен подлог, не сумел бы так детально и правдиво, с таким точным знанием анатомии изобразить животных, населявших землю в глубокой древности. Большая раковина, служившая палитрой, и бесформенные затвердевшие куски краски, изготовленной из охры, животного жира и древесной сажи были найдены в тех же слоях, что и орудия и кости животных, которые изображены на рисунках.

Его выслушивают не перебивая — вежливость превыше всего. А потом поднимается председательствующий. Он спокоен и немногословен, этот ученый господин с длинной, хорошо ухоженной бородой. По его мнению, дело не заслуживает никакого внимания. Родина искусства — Древний Египет. До этого не было никакого искусства да и не могло быть. То, что утверждают Вил-

ланова и Саутуола, противоречит не только здравому смыслу, но и всему тому, что известно о развитии человечества.

И добавляет:

— Думаю, дискуссию можно на этом закончить. Впрочем, может быть, кто-нибудь хочет взять слово?

Нет, никто не хочет. Никто даже не хочет (казалось бы, чего уж проще!) съездить и на месте разобраться в предмете спора.

... Древность, каменный век даже для многих ученых еще понятия совершенно неопределенные. Что там говорить о консерваторах, которые по-прежнему верят библии! Но даже те, кто стоит на прогрессивных позициях, на позициях науки, тоже многого еще не знают. Более того, им кажется, что доводы Виллановы и Саутуолы противоречат данным, с таким трудом в последние годы полученным наукой.

— В каменном веке, — утверждают они, — жили примитивные люди, которые не умели рисовать. Кто доказывает противоположное, льет воду на мельницу старых воззрений, помогает ретроgrадам по-прежнему считающим, что первые люди ничем не отличались от людей, живущих в девятнадцатом веке.

5

Огорченные, но непоколебленные, возвращаются домой Саутуола и Вилланова.

Незадолго до конгресса они послали статью во французский научный журнал. Редакция пообещала выслать на место своего сотрудника.

Может быть, он сумеет разобраться в том, кто прав, кто виноват? Ведь нужно только одно: непредвзятое мнение.

И снова неудача. Лишь мельком поглядел инженер Гарле росписи, значительно больше времени уделив сочинению отчета. Закончил он его так: «Мне кажется, я достаточно убедительно доказал, что росписи вполне современного происхождения. Вероятнее всего, они сделаны между первым и вторым посещением пещеры господином Саутуолой, в 1875—1879 годах».

Говорили и иное: росписи сделаны римскими солдатами. Утверждали... Да, впрочем, мало ли что еще утверждали...

Не верили! В лучшем случае, считали, что если дон Саутуола сам и не шарлатан, то, значит, он и его друг стали жертвой шарлатанов. Или мистификаторов.

Испугавшись за свою академическую карьеру, Вилланова вскоре вообще отошел от всего этого дела.

А Саутуола замкнулся в себе. Те самые газеты, что еще недавно превозносили его, теперь помещали на него карикатуры. В защиту Саутуолы попытался было выступить художник Тот самый, что иллюстрировал книгу Саутуолы. Он клялся, что все обвинения облыжны.

Ему не верили: одна, мол, шайка.

В 1888 году Саутуола умер. Пятью годами позже скончался и Вилланова.

Об Альтамаре забыли. Для ученого мира она не существовала.

А между тем всего лишь несколько месяцев спустя после смерти Виллановы во Франции, в одном из уголков долины реки Везера, произошло прелюбопытное событие.

6

Здесь, километрах в двух к югу от местечка Лез-Эйзи, находился небольшой грот Ла Мут, принадлежавший одному местному крестьянину. Добрых тринадцать лет вел в нем раскопки французский археолог Далó, даже не подозревая, какие богатства таятся за одной из стен грота. Далó стены не интересовали, его интересовал пол пещеры. И когда он счел свои раскопки законченными, то поблагодарил хозяина и уехал в Париж. А тот недолго думая превратил грот в загон для овец. Прошло еще немного времени, и, поскольку у фермера завелась лавчонка, грот заполнился ящиками и бочками. Овцы переселились на свежий воздух.

А надо сказать, что грот был возле самой проезжей дороги. И вот однажды около новоявленного склада оказался еще один исследователь, известный ученый Ривьер. Собственно, находился он тут проездом, но по-

Местечко Лез-Эйзи.

сколько уж оказался рядом, испросил разрешения войти. Фермер не возражал. В руках у Ривьера была палка. Ее он и пустил в ход, решив простучать стенки грота — уж очень показалась ему подозрительной одна из них. И случилось маленькое чудо: то, что раньше принимали за скалу, оказалось лишь спрессованной тысячами землей, — палка Ривьера проделала в стенке отверстие! Заглянув в него, ученый увидел, что пещера уходит вглубь.

Ривьер, однако, спешил. Ему надо было ехать дальше. И он попросил хозяина никого не пускать в пещеру, пока не вернется.

Проходит день, другой, третий. Хозяин, человек нетерпеливый, буквально сгорает от любопытства. В конце концов он приглашает двух парнишек, одного постарше, другого помоложе, великих специалистов — они излазили чуть ли не все гроты и пещеры в округе, — и вручает каждому по свечке.

— Поглядите, что там, в пещере, — говорит он им. Ребятам не нужно это повторять. Они расширяют отверстие и отправляются в путь.

Возвращаются они назад лишь тогда, когда от свечек остаются одни огарки.

Пещера как пещера, говорят они. Не очень большая, местами высокая. Но вот на стенах какие-то лошади. Есть и другие рисунки.

Владелец грота находит Ривьера.

— Могут ли быть рисунки? — спрашивает он ученого.

Ривьер несколько недоуменно смотрит на него, а потом проделывает тот же путь, что и мальчишки.

Они правы!

Тут были росписи. Были и выцарапанные костью на стенах рисунки, гравюры, как их впоследствии стали называть ученые.

...Пятнадцать лет назад Ривьер, вместе с другими участниками лисабонского конгресса, не поверил Саутуоле. Вспоминал ли он об этом, разглядывая настенные изображения в Ла Муте? Не исключено. Но главное — в другом. За прошедшие пятнадцать лет ученые узнали много нового. И Ривьер видит, что выцарапанные на стенах вновь найденной пещеры изображения животных очень напоминают изображения, выгравированные на древних изделиях из кости.

По счастливому стечению обстоятельств, именно в это время в Бордо заседает съезд французского «Общества прогресса знаний».

На приглашение Ривьера посетить Ла Мут охотно отзываются многие ученые.

Они подтверждают: Ривьер прав, говоря о единстве стиля изображений в пещере и известных уже мелких доисторических гравюр на кости.

Так как же все-таки? Принадлежат найденные росписи первобытным людям или нет?

— Да, — говорит Дало, тот самый Дало, что не догадался ткнуть палкой в стену. И утверждает, что ему тоже в другой пещере, Пэр-нон-Пэр, попадались подобные изображения.

— Это не может быть подделкой, — говорит и Пьетт, чьи находки кремневых орудий в свое время воодушевили Саутуолу.

Идет 1895 год, и прежние сомнения начинают понемногу рассеиваться.

Ученик Пьетта, молодой исследователь аббат Брейль, вместе со своим приятелем Капитаном летом 1901 года отправляются все в ту же долину Везера. Конечный пункт — пещера Ле-Комбателль. Вход в пещеру удивительный, правда не для данных мест: через дом. Дом прилепился к скале и частично примыкает к входному отверстию пещеры. Оно наверху, и владелец дома приставил туда лестницу. Служит пещера, вернее, ее передняя часть кладовкой.

Ривьер успел уже тут побывать и ничего особенного не нашел.

Но это не обескураживает Брейля и Капитана.

...Они идут узким ходом, который потом расширяется, идут с фонарями, не спеша и осматривают стены. Сверкают известняковые натеки, снизу навстречу тянутся столбы и столбики ледяных сталагмитов. Не так-то просто за осклизлыми подтеками, за сеткой естественных трещин и царапин разглядеть хоть что-нибудь похожее на рисунок.

И все-таки вот они, рисунки! Здесь — мамонт. Вон там — олень. Вот лошадь, древняя дикая лошадь, вымершая тысячелетия назад. Медведь. Рядом еще звери.

Изображения выцарапаны на стенках.

Одни достигают трех четвертей метра. Другие, поменьше: десять — двадцать сантиметров. Есть и такие, где поверх штриховки нанесена краска — черная, коричнево-красная.

Брейль решает скопировать все рисунки. Он еще не знает, что это не так легко. И дело не только в условиях работы — пещера темная! Дело еще в том, что, как позднее выяснится, здесь в общей сложности чуть ли не триста изображений: лошади, бизоны, медведи, олени, мамонты, горные козлы, львы, носороги, лисицы, рыбы, змеи. И тридцать девять человеческих фигур, в большинстве в масках.

Брейль работает не покладая рук. На четвертый день поутру он внезапно слышит за собой чье-то тяжелое дыхание. Брейль оборачивается и видит своего недавнего знакомого — Пейрони, местного любителя-археолога. Молодые люди подружились несколько дней назад.

— Извините, — говорит Пейрони, — сейчас отдышусь. И он рассказывает Брейлю, что, вспомнив еще об одной пещере, которую в свое время заметил с другой стороны этой же горы, решил ее исследовать. Прихватил фонарь и отправился туда с самого утра.

... Вначале ему пришлось пробираться ползком: проход был довольно узкий. Лишь местами каменный извилистый коридор, сделанный самой природой в скале, несколько расширялся, и его ребристые бурые стены позволяли передвигаться более свободно. Потом началась сама пещера. Здесь можно было спокойно стоять во весь рост, а местами потолок был столь высок, что очертания его терялись в полумраке. И кругом — на стенах, на потолке — в мерцавшем свете фонаря, казалось, двигались, колыхались какие-то фигуры.

Изображения зверей! И, в отличие от тех, что нашли Брейль и Капитан, не выцарапанные в камне, а написанные красками! Черные, белые, красные, коричневые! Кое-где во весь рост!

8

Неделю спустя Пейрони и Брейль входят во вновь открытую пещеру. И с этого момента Фон де Гом становится одним из интереснейших подземных музеев древней живописи. Молодые исследователи насчитывают чуть ли не две сотни рисунков. «Набор» такой же, как и в Ле-Комбателль, но более впечатляющий!

Восемьдесят бизонов! Сорок диких лошадей! Двадцать три мамонта! Семнадцать оленей!... Целые вереницы животных. Местами одни поверх других. На каменных сводах пещеры, на ее потолке, сделанные сажей и охрой и какими-то другими минеральными и растительными красками, секрет которых не раскрыт еще и поныне! Краски переходят одна в другую, линии смелы и точны — действительно кажется, что их нанесла искусная рука современного художника.

В подземелье темно. Откуда-то сверху струйкой бежит по стене вода, и многие рисунки покрыты застывшей коркой, словно сама природа хотела предохранить их от порчи.

Нет. ту
тельства
обмане. С
оно в т
конно с
времен.

Позво
год наз
из крупн
возражав
удосужив
И значит
справедл

Следу
в своей
специаль
чери Сау
ние добр
... Ко

попросит
Альтами
еще одна
назад.

— По
не сообщ

— А
Боялись

В сво
Оба уч

действит

Долг

Брейль.

Ее д

сложнос

изображ

Впосл
речь иде
торые по
раз в т
смертны
расписы
Монну

Нет, тут скептикам придется нелегко! Тут все обстоятельства ясны, и речи не может быть о подделках, об обмане. Открытие совершено специалистами. И сделано оно в том районе, что уже чуть ли не полсотни лет законно считается центром исследования доисторических времен.

Позвольте, но если так, то, значит, двадцать один год назад правы были не Ривьер и не Картальяк, один из крупнейших французских археологов, особенно рьяно возражавший против открытий в Альтамире и так и не удосужившийся туда съездить, а Саутуола и Вилланова! И значит, помимо всего, была допущена жестокая несправедливость!

Следует отдать должное Картальяку. Убедившись в своей ошибке, он публично об этом заявил, выпустив специальную книгу. И лично попросил прощения у дочери Саутуолы, Марии, за то, что поставил под сомнение доброе имя ее отца.

... Когда он к ней за этим приехал, а заодно и чтобы попросить разрешения осмотреть и исследовать пещеру Альтамира, Мария сказала, что по соседству находится еще одна пещера с росписями, найденная несколько лет назад.

— Почему же, — спросил Картальяк, — никто об этом не сообщил ученым?

— А люди боялись, — ответила дочь Саутуолы. — Боялись, что вы снова не поверите.

В свою поездку Картальяк взял с собой и Брейля. Оба ученых теперь многого ожидали от Альтамиры. Но действительность превзошла все их ожидания.

Долго и тщательно изучают пещеру Картальяк и Брейль.

Ее длина двести восемьдесят метров. И в общей сложности в ней насчитывается не менее ста пятидесяти изображений. И каких!

Впоследствии один искусствовед напишет: «Здесь речь идет об одной из вершин искусства, о вершине, которые попадают раз во многие сотни лет, может быть, раз в тысячелетия. Когда Фидий создавал свои бессмертные фигуры для Акрополя, когда Микеланджело расписывал Сикстинскую капеллу, когда писал свою Монну Лизу и другие творения Леонардо да Винчи — это

были аналогичные вершины. В них нашло свое выражение все то лучшее, что могла дать та или иная эпоха». А открытия продолжают. И фронт их все ширится.

9

Граф Бегуен был крупным ученым — археологом и палеонтологом. Он после смерти Картальяка занял кафедру в Тулузском университете. Его три сына, имея, так сказать, живой пример перед глазами, только и мечтали что о пещерах и открытиях. Профессор вполне одобрял увлечение своих ребят и охотно брал их с собой в экспедиции.

Неподалеку от деревушки в Пиренеях, где летом 1912 года проживала семья, текла речушка. Летом она была достаточно смирная, но весной бурливая и шумная. Речушка проложила себе дорогу в горе, и один из ученых, еще до того как сюда приехал Бегуен, обратил внимание, что от естественного туннеля, проделанного рекой, внутри горы отходит вглубь какая-то пещера. Он рассказал об этом Бегуену, но тот не слишком заинтересовался сообщением: маловероятно, чтобы в пещере, запертой рекой, селились люди. А лазить по всем окрестным пещерам у него не было ни времени, ни желания.

Мальчишки слышали разговор. И приняли решение: проникнуть в пещеру. Сами, по секрету от отца, соорудили плоскодонку, просмолили ее, захватили моток веревок, лопаты, кирку, фонари и в один прекрасный день, ничего, конечно, не сказав профессору, спустили лодку на воду.

... Она проходит под нависающим каменным карнизом — надо пригнуться, и вот уже лодка в середине горы. Речка продолжает свой путь, делает петли, уходя в крошечную тьму, и лодку несет в неведомое. Местами на перекатах ее заносит, того гляди, опрокинешься. Впереди скала. Она надвигается, она все ближе и ближе. Ребята видят узкую каменную кромку берега. Один из них соскакивает и придерживает лодчонку. Самое время: река низвергается куда-то вниз.

Теперь можно и осмотреться. Зажжены фонари, и при их свете ребята видят на стенах изображения кос-

матых диких лошадей, оленей, бизона, в которого попала стрела. А там, дальше, вроде бы и люди, но с какими-то звериными головами.

Мальчики — старшему всего четырнадцать — идут вперед. Узкий ход приводит их в большое помещение. Это своего рода зал, очень красивый, со сталактитами и сталагмитами. А посередине зала — озеро. Гладкое-гладкое, буквально как застывшее. Лишь изредка с потолка падает капля. Всплеск, круги. И снова сонная тишина. Тысячелетняя тишина.

Ребята возвращаются назад и обо всем рассказывают отцу. Тот на следующий день отправляется вместе с ними. И приходит в восторг: пещера действительно сказочная, а главное — снова древние гравюры!

10

Бегуен садится составлять отчет во Французскую академию: пещер с изображениями зверей пока еще открыто не очень много, и каждая новая — это событие. А его сыновья тем временем продолжают изучать пещеру. Они заметили на одной из стен большого зала, в углу, на высоте примерно десяти метров, какое-то отверстие.

Мальчишки протискиваются сквозь каменную щель. Впереди старший брат, Луи. Ход очень узкий и упирается вроде бы в стену. Тупик? Нет, здесь завеса из сталактитов. Удар киркой, еще удар — и Луи пробивается вперед. Вдруг он останавливается. «След, — говорит он, — след босой ноги».

И действительно, след. Хорошо отпечатавшийся, окаменевший след человеческой ноги. И не один!

Проход расширяется. И снова зал. Стены его желтовато-белые. Снова следы человеческих ног. Скелет змеи. В углу кучка костей. Вот следы костей медведя.

Один из человеческих следов мальчики аккуратно вырезают и захватывают с собой.

Профессор Бегуен хочет все посмотреть своими глазами. С трудом протиснувшись сквозь подземную трубу, весь в ссадинах и кровоподтеках, он входит наконец в найденный зал.

Человек-олень из пещеры.
«Трех братьев».

Человек и медведь не могли здесь жить одновременно. Кто кого выгнал? Кто тут был раньше, кто позже? На этот вопрос еще предстоит ответить, а пока мальчишки идут все вперед и вперед. Ходы, еще один зал с озерком. Снова ходы.

Будет ли конец сюрпризам в этой пещере? Внезапно Бегуен замечает какой-то холмик из глины. Он всматривается повнимательнее и вдруг кричит: «Смотрите, смотрите!» И действительно, есть что посмотреть. То, что показалось ему издали и в темноте кучей глины, на самом деле сделанные в глине изображения двух бизонов, самки и самца.

Вокруг бизонов следы ног. Такое впечатление, словно здесь танцевали.

Ритуальные танцы?

... Два года спустя один местный крестьянин на своем полуфранцузском, полуиспанском наречии сказал Бегуену (речь шла все о той же горе): «Вы не знаете Дующей дыры? Там всегда из-под земли дует холодный воздух». Бегуену не нужно это говорить дважды. Он-то понимает, в чем дело. Но мальчишки его все-таки опередили и на этот раз. Когда он поднялся к тому месту, о котором говорил крестьянин, они уже успели расширить отверстие.

Раздобыли веревку, и младший спустился на ней на глубину восемнадцать метров. Возвратился он только через час, уже когда все начали беспокоиться. И первое, что он сказал, было: «Огромная пещера. И сотни изображений».

Бегуен окрестил эту пещеру пещерой «Трех братьев». Она находится в той же горе, что и предыдущая, Тюк д'Адубер. Но есть ли между ними проход — это не выяснено и до сих пор. Зато удалось найти в новую

пещеру другой ход. Правда, здесь нужно добрых сорок метров ползти на животе, но все-таки это как-то проще, чем вытаскивать человека на веревке. Впрочем, здесь, так же как и в Тюк д'Адубере, с тех пор побывало не больше десяти — двенадцати человек, в том числе, конечно, и неутомимый Брейль.

Сколько точно в пещере «Трех братьев» рисунков, неизвестно и сейчас. Одни говорят — триста, другие насчитывают и того более. Но один из них знаменит: фигура с ногами человека. Ноги согнуты в коленях, и одна поднята словно в танце. Голова оленья, на грудь спускается борода. Вместо рук медвежьих лапы. Для завершения красы — лошадиный хвост.

Первобытные люди — теперь в этом уже не сомневается никто — умели и любили рисовать. В древнекаменном веке, в палеолите, пятнадцать, двадцать, двадцать пять тысяч лет назад, существовала живопись!

11

Пятнадцать, или двадцать, или двадцать пять тысяч лет назад человек, ничем по сути не отличавшийся от нас, вышел из подземного зала и направился к своей стоянке. Думал ли он тогда, что подземную галерею, которую он, быть может, последний покинул, будут с такой жадностью изучать и исследовать его далекие-далекие потомки, такие далекие, что он наверняка и помыслить о них не мог! Исследовать потому, что в этих росписях — отблеск давних дней, от которых не осталось ничего, кроме рукой этого человека запечатленного куска жизни.

Впрочем, последнее не совсем верно. Мы, конечно, многое бы потеряли, не дойдя до нас нетленные рисунки и росписи палеолита. Многое, но не всё. Ибо самое главное, что сохранила нам пусть не всегда в достаточном порядке, пусть не всегда достаточно четко и ясно от времен росписных пещер и еще гораздо более древних времен матушка-земля, — это орудия. Орудия, которыми пользовался человек, бесхитростную утварь, остатки жилищ — все то, без чего он не мог обходиться и что с убедительнейшей силой рассказывает нам о его жизни.

И, к счастью, фрагменты останков наших предков, найденные в земной толще, относящиеся к самым различным, порой немыслимо давним эпохам. Разысканные в разных уголках планеты, они вместе с орудиями труда, начиная с самых примитивных, позволяют в самом общем виде восстановить великий путь, пройденный человечеством. Еще точнее: помогают понять, как человек стал человеком.

...Людей давно интересовало: кто они? Каково их происхождение? На эти вопросы было множество ответов. Суть их, возведенная в догму всеми религиями мира, была такова: человека создал бог, создало высшее существо, готовенького, такого, как мы с вами. Этому верили, верили многие века.

Но сто с небольшим лет назад нашлись смельчаки, которые не побоялись поднять знамя восстания против старых представлений. Их интересовали не сказки, а наука. И они считали, что тайну происхождения человека и его родословную нужно искать не на небе, а на земле.

...Десятки тысяч лет. Сотни тысяч лет. Миллионы лет назад — такова гигантская школа времени.

И от всех этих давних эпох — теперь-то мы это хорошо знаем! — лишь обломки костей и обломки орудий. Иногда — уже в более близкие к нам тысячелетия — несколько сотен палеолитических росписей.

Идти по таким зыбким следам — это подвиг.

Еще бóльший подвиг — восстановить истину. Истину, казалось бы навек похороненную во тьме минувших времен.

... Сто с небольшим лет назад никто ничего не знал.

Часть первая

ПРОЗРЕНИЕ

В

шом гор
мальчик
имя, хот
де Крев
лери на

Впро
ственни

...М

но заня
ной исто
в настоя
как и во

Ему

он зачи

Оте

Так,

рано, У

свою к

К семи

он поп

О,

коей з

зовет,

романс

соврем

Напол

генера

Боргез

В х

В 1788 году, всего за год до того, как во Франции началась Великая революция, в небольшом городке Ретель, во Французских Альпах, родился мальчик. Ему дали имя Жак. Типичное крестьянское имя, хотя отец его и мать были дворянами — отец Буше де Кревекер, таможенный чиновник в городке Сен-Валери на Сомме, мать — из семьи де Перт.

Впрочем, свою родословную де Перт вели от родственников Жанны д'Арк.

... Мальчик рос бойким и подвижным. Отец был вечно занят своими коллекциями (он увлекался естественной историей и постепенно превратил свой дом в Абвиле в настоящий музей), а мать — нарядами. А Жак... Жак, как и все мальчишки, играл в войну.

Ему хотелось стать моряком. Жан Барт, Лаперуз — он зачитывался их подвигами.

Отец был настроен более прозаически.

Так, уже в четырнадцать лет, в те времена мужали рано, Жак де Кревекер пошел по стопам отца — начал свою карьеру в таможенном ведомстве. И успешно. К семнадцати, прослужив некоторое время в Марселе, он попадает в Геную.

О, эта Генуя! Молодой человек знакомится здесь с некоей знатной особой. Ее имя он так никогда и не назовет, хотя опишет ее впоследствии в одном из своих романов столь подробно и красочно, что ни у кого из современников не возникает сомнений: речь идет о сестре Наполеона, Полине Бонапарт, юной и красивой вдове генерала Леклерка, ставшей в Италии принцессой Боргезе.

В жизни было все как в романе: романтические про-

Буше де Перт.

гулки, -кавалькады, маскарады, письма-признания, дуэли...

Но служба есть служба. Обоюдоострая континентальная блокада, которую Наполеон затеял, чтобы поставить на колени Англию, все усиливается. И дел у чиновников таможенной службы все больше.

Увы, Буше де Кревекер должен покинуть Геную. Прощай, любовь! У принцессы Боргезе очередное увлечение.

А Жак — в очередном служебном путешествии, на сей раз по всей Италии и Центральной Европе: готовит материал для секретного доклада. Императора интересует эффективность принятых против Англии экономических мер.

И вот Булонь. Отсюда — так планируется — начнется десант в Англию. У инспектора таможенной службы Буше де Кревекера нет свободной минуты.

Но звезда Наполеона уже закатывается. Пройдет еще несколько лет, и неистовому корсиканцу станет ясным: над Тауэром не будет развеиваться его флаг. Где уж об этом думать после Березины!

Поразмышлять о причинах своих неудач Наполеон сможет на острове Святой Елены.

А во Францию тем временем возвращаются Бурбоны.

2

Таможни остаются таможнями при любых властителях. Но годы быстрого продвижения по службе для Жака де Кревекера — в прошлом.

Таможенный чиновник тянет свою лямку.

В конце концов Париж надоедает ему. И он подает рапорт с просьбой перевести его в Абвиль.

Не хочет служить в столице? Ну что ж. В Париже найдется ему замена.

В 1824 году Буше де Перт, как он теперь все чаще себя именует, переезжает в Абвиль.

Это город его юности.

3

Юность уже позади — ему тридцать шесть. И в Абвиль он уезжает потому, что господин директор таможни предпочитает быть первым в своем провинциальном бюро, нежели одним из многих, равных ему по положению чиновников в столице.

Но, говоря по совести, Буше де Перта гораздо больше, чем дела служебные, волнуют вопросы творческие. И он вполне удовлетворяет свое тщеславие, сочиняя стихи. Романтические, а иногда и сатирические. Он пишет пьесы, романы.

Он пишет ученые трактаты: политика, социология.

Он человек увлекающийся. И проблемы, которые в те годы обсуждаются во Франции, не оставляют его безучастным. Книги выходят одна за другой. С 1829 по 1838 год он выпускает в свет «Романсы, баллады и легенды», «Мнение господина Кристофа о запрещениях в торговле», «Новости», «Речи к рабочим», «Сатиры, сказки, романсы», «О мужестве и храбрости, о гражданском мужестве».

О последнем он знает не понаслышке. Право, не каждый таможенник отважится доказывать, что таможенные барьеры приносят больше вреда, чем пользы.

И вдруг — полная перемена курса. Буше де Перт с головой уходит в совершенно новое для него занятие: начинает искать в окрестностях Абвиля кости древних животных. И камни со следами, как он уверяет, обработки. По его мнению, это орудия древних людей.

Очередное увлечение теперь уже пятидесятилетнего оригинала?

Так, собственно, и воспринимают это его некоторые знакомые.

— Поэт, — говорят они. — Фантазер. Древние люди... Вот чудак!

Но дело в том, что кости допотопных животных и странные, вроде бы оббитые или обтесанные камни вовсе не фантазия.

Они существуют, существуют реально, и Буше де Перт их не придумывает.

К тому же, уж если рассказывать все по порядку, то вовсе не Буше де Перт первый заинтересовался сделанными в Абвиле находками древних костей и камней и не он первый выдвинул идею, что между ними существует связь.

... Абвиль — городок небольшой. И нет ничего удивительного, что, когда сюда шестью годами позднее де Перта попадает молодой двадцатичетырехлетний врач Казимир Перье, он становится сначала знакомым, а потом приятелем таможенного директора.

Со студенческих времен Перье волнует одна идея.

В том, что он к ней снова возвращается в Абвиле, немалую роль играет его величество случай.

Абвиль, хотя и небольшой городок, вовсе не захолустье. Напротив, он давно уже разбогател на торговле, здесь несколько фабрик. И издавна немалый порт.

В 1830 году, как раз в тот год, когда в Абвиль приезжает Перье, в городе решают построить канал: пора straightify путь судам, что вечно тянутся по большой дуге, которую описывает вокруг города своенравная река Сомма.

Канал — это прежде всего земляные работы. С утра до ночи в предместье Хокке грохочут драги. Они роют, роют и нет-нет извлекут на свет какую-нибудь доисторическую редкость: кости различных «допотопных» животных, бегемота, носорога, слона. Их никто никогда не видел во Франции.

А помимо того, подчас в тех же слоях попадают забавные камни: иные побольше, иные поменьше, то вроде бы оббитые, иногда заостренные, иногда грубо отесанные, но нередко и отполированные.

Перье знает: камни называют громовыми. Считается, что они падают с неба и расколоты молниями. Еще говорят, что это результат воздействия воды, выветривания, одним словом, сил природы.

Но так ли это?

И так ли уж не прав французский ученый Жюссье, который в свое время подал в академию записку, доказывая, что «громовые» камни — орудия древнейших людей?

Жюссье тогда подняли на смех. Но ведь хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Может быть, действительно эти словно приспособленные, чтобы их можно было держать в руке, суживающиеся кверху камни служили некогда, в очень далекие, никому неведомые времена какими-то пусть примитивными, пусть очень грубыми, но все же орудиями?

Разумеется, если стать на ту точку зрения, что некогда существовали люди, для которых и такое примитивное орудие было благом.

Перье, собственно, и стоит на этой точке зрения.

Он внимательно изучает найденные камни, сам делает кое-какие раскопки и в 1835 году приходит к выводу: «громовые» камни — изначальные орудия человека.

Поскольку же камни встречаются в тех же слоях, что и кости вымерших в давние эпохи во Франции животных, следует признать, что человек был некогда современником этих животных.

Он высказывает еще одну мысль: судя по различным формам орудий, по тому, как они изготовлены, их необходимо различать между собой.

Тесаные — очевидно, более поздние. Грубооббитые — более ранние.

... Буше де Перт — председатель абвильского Общества естествоиспытателей. И он сначала с некоторым недоверием слушает доводы Перье. Да и далек он от подобного рода мыслей.

Но он человек любознательный. И случай тут действительно интересный.

В 1836 году Буше де Перт вместе с Перье видит, сам видит, как драга освободила из многовекового земляного плена древние кости и несколько «громовых» камней.

... Зброшены стихи, зброшены романы.

Поэзия поиска увлекает директора таможни.

Четыре года трудятся де Перт и Перье: у них обширные планы расширить поиски, создать музей.

В 1841 году Перье скоропостижно умирает.

Де Перт продолжает работу один. Теперь уже на свой страх и риск.

Задача нелегка. Он это сознает. Он сам напишет (говоря от своего имени и имени покойного друга): «Мы обращаемся к будущему. Нынешнее поколение скажет: это сумасбродство. Будущее поколение скажет: быть может».

... Он уже немолод, Буше де Перт. И ему все как-то не удастся достичь чего-нибудь серьезного в жизни: немного писатель, немного политик. Но в общем дилетант, любитель.

Может быть, именно теперь он на верной стезе?

Буше де Перт понимает: нужны новые и веские доказательства. Разве не утверждал Кювье, самый известный и наиболее авторитетный из естествоиспытателей Франции, что, в отличие от животных, ископаемых людей никогда на земле не было! И что, следовательно, человек не мог быть современником мамонта и пещерного льва.

Не говоря уже о более древних животных!

Летом 1844 года чуть ли не возле самого своего дома в присутствии двух коллег по Обществу естествоиспытателей Буше де Перт в одном и том же слое земли находит грушевидной формы камень с отполированными краями и часть зуба древнего слона.

Естественно, он сообщает об этом в Париж. Там к его словам относятся скептически.

Годом позже, подведя итог своим исследованиям, Буше де Перт издает обширный труд: «О кельтских допотопных древностях». И отправляет его во Французскую академию. К книге приложено письмо: автор покорнейше просит академию назначить комиссию для проверки выводов.

Комиссию назначают. Но только ее члены так и не находят времени прибыть в Абвиль. В том же году Буше де Перт обращается к директору Парижского музея, предлагая передать ему коллекцию древних камней.

Ответа он не получает.

В 1847 году Буше де Перт предлагает свою коллекцию академии. Отказ. Да и что удивительного? Постоянным (слишком постоянным!) секретарем здесь Эли де Бомон, геолог, ученик Кювье. Он не верит, что люди и древние слоны жили в одно и то же время. По господствующей теории, той, что защищает де Бомон, сие не должно быть!

— «Эти грубо обработанные камни, несмотря на все их несовершенство, наводят нас на след древнего человека» — так пишет де Перт... Какая чушь!.. «Предки Ноя жили некогда в Пикардии? Пикардия — очаг человеческой цивилизации?» Очень приятно, какому истинному французу не польстят столь патриотические утверждения? Но в общем, это несерьезно. Да и чего, собственно, ожидать от этого сочинителя? Камни, кости, фантазии... Надоел он, признаться, до смерти.

7

У себя в Абвиле, говоря об одном своем приятеле, Буше де Перт замечает: он принадлежит к числу тех людей, которых принято называть несчастными, ибо ничто им не удастся. И даже в тех случаях, когда, казалось бы, в их руках все шансы, последние все равно в конечном итоге оборачиваются против них.

И с горечью добавляет:

— Я тоже принадлежу к их числу.

... Это, наверное, очень трудно: быть уверенным в своей правоте, быть пролагателем новых путей и не находить ни у кого отклика.

Но Буше де Перт не сдается: одержимостью, цепкостью, фанатичной уверенностью в правоте своего дела он напоминает другого знаменитого искателя, чьи находки двумя десятилетиями позже прогремят на весь мир, — знаменитого Шлимана. Как и Шлиман, он рожденный исследователь. Как и Шлиман, он лишь на

пятом десятке займется делом своей жизни. Шлиман — отыскивая Трою, он — орудия древних людей. Как и у Шлимана, у него, помимо неиссякаемой веры в свою правоту, удивительнейшее чутье.

Впрочем, хотя де Перт с жаром доказывает существование «допотопных» людей, он вовсе не считает их нашими предками. Он так прямо и говорит: «Те, чьи следы мы находим, не имеют наследников на земле, а мы не являемся их сыновьями». Так же, как и млекопитающие, их современники, они были уничтожены. Люди, принадлежавшие ко временам антиделювиальным (предшествующие потопу), они жили во времена, не имеющие никакого отношения ко всем традициям и воспоминаниям.

... Насмешки, издевательства одних. Презрительное молчание других.

«Они боялись, — напишет Буше де Перт, — они опасались быть причисленными к союзникам еретика. И они упрямо воздвигали на моем пути самое страшное препятствие — молчание».

Надо отдать справедливость Буше де Перту: он не менее упрямо твердил свое: человек гораздо старше, нежели принято думать. И об этом свидетельствуют кости очень древних животных — животных, чей давний возраст неоспорим. Кости, которые находят в одних слоях с древними орудиями человека.

8

Идут годы, и в дело вмешивается еще один любитель (дипломированные ученые по-прежнему не хотят ничего знать об ископаемых орудиях). И он считает, что абвильский таможенный чиновник совершенно неправ в своих утверждениях.

Фамилия любителя — Риголло. Как и покойный Казимир Перье, он врач. Живет в Амьене. И не ленится приехать в Абвиль для того, чтобы там, на месте, показать полную несостоятельность теорий де Перта.

Но Риголло — человек честный. Когда он видит коллекции неутомимого таможенника, когда ему показывают места находок, когда он знакомится с доводами своего противника уже не понаслышке, а, что назы-

вается, из первых рук, он начинает сомневаться в собственной правоте.

Возвратившись домой, Риголло принимается за раскопки. Амьен тоже расположен на Сомме. И у него, как и у каждого приличного города, есть предместье. Оно называется Сен-Ашель.

Запомним это имя. Оно нам еще встретится в нашей книге: этим именем будет назван целый период в истории «допотопных» орудий (ашельский), а сам Сен-Ашель станет местом многих важных и славных для истории первобытного общества находок.

Так вот, Риголло, к своему удовольствию, находит в Сен-Ашеле обработанные камни — такие же, как в Абвиле. И так же, как и в Абвиле, они лежат в слоях, в которых удачливый исследователь видит кости все тех же слонов, носорогов, бегемотов.

Конечно, с камнями нужен глаз да глаз. Точно так же, как и Буше де Перт, Риголло тоже испытывает сомнения и муки: очень уж все непросто с этими камнями. Если «узнать» грубые, массивные, топорно сработанные рубила или не менее грубые каменные ножи при известной сноровке еще не очень сложно, то с отщепами дело обстоит хуже. Нужен был опыт для того, чтобы разобраться, где отщеп природный (мало ли осколков валяется вокруг), а где — результат работы человека.

... В 1854 году Риголло выпускает книгу. Он подтверждает выводы де Перта!

Господа ученые из Парижа молчат. Как? Несколько камней и кучка костей древних животных являются доказательством того, что у человечества длинная-предлинная история? Гораздо более длинная, чем об этом рассказывается в библии? (Епископ Ушер исчислил: 4004 года!) Сие не может быть! Человек не мог так давно жить на свете. И пользоваться столь несовершенными орудиями.

... Бойтесь эпигонов! Бойтесь тех, кто свободное развитие науки стремится втиснуть в прокрустово ложе раз навсегда данных схем. Кто всю свою энергию направляет не на поиски нового, а на то, чтобы «сохранять в чистоте» ими же самими приспособленное для своих целей «учение».

Эли де Бомон и в его лице официальная наука по-

прежнему непреклонны: новые теории расходятся с тем, что говорил Кювье!

Кто знает, доживи Кювье до открытий Буше де Перта (смерть унесла блистательного ученого в расцвете сил в 1832 году), может быть, он и изменил бы свое мнение: перед лицом новых фактов, перед лицом научной документации противника!

Но то Кювье! А Эли де Бомон продолжает отстаивать «чистоту учения» от еретика и скандалиста, как он именует де Перта. И продолжает трудиться над разработкой некоей странной математико-геологической гипотезы, о которой впоследствии с полным основанием скажут: «Типичный образец того, какие бедствия может принести математика, если употреблять ее во имя ложной идеи там, где в этом нет необходимости».

Будем, однако, справедливы: новизна в постановке вопроса у Буше де Перта оглушительная. Его теории расходятся кардинально с тем, что думает о происхождении человека наука. Они противоречат (хотя Буше де Перт и отрицает это) библии. А главное доказательство — кремневые орудия зачастую настолько несовершенны, что действительно трудно понять: обиты они человеком или это игра природы.

В ту пору все или почти все еще считают, что наш мир в том виде, в каком он существует, недавнего происхождения. Что человек сразу стал таким, каким мы его знаем, каким, по образу и подобию своему, его сотворил господь бог.

... Бегут годы. Вот уже скоро двадцать лет, как будоражит ученый мир своими находками и теориями неистовый искатель из Абвиля.

9

26 апреля 1859 года. В Абвиль прибывает наконец-то ученая комиссия. Правда, не французская. Англичане. Они оказались более деловыми, а главное — более проницательными людьми, чем соотечественники Буше де Перта. Так, во всяком случае, не без горечи скажет сам таможенный директор.

Итак, комиссия. В ее составе знаменитый английский

геолог Чарлз Лайель. В нее входят и крупный палеонтолог Фальконер, и анатом Флауер, и археолог Джон Эванс.

Комиссия смотрит все: места находок, коллекции. Из Абвиля она не ленится проехать в Амьен, где доктор Риголло показывает ей свои находки.

Англичане не только смотрят, но кое-где и копают сами. Сопоставляют, раздумывают, спорят.

И приходят к единодушному мнению: де Перт прав! Об этом во всеуслышание заявляет Лайель в своей книге, которая появится в конце 1859 года. Она озаглавлена «Древность человека, доказанная геологией».

Лайель — человек мужественный: ведь еще недавно он сам тоже выражал сомнение в существовании «допотопных» людей!

А в своей речи, посвященной аналогичным находкам в Англии (теперь с легкой руки Буше де Перта в поиск включаются любители древностей не только во Франции), Лайель все в том же 1859 году скажет: находки, сделанные недавно во время систематического обследования пещеры Бриксхэм, должны, как мне кажется, постепенно подвести к той мысли, что скепсис, с которым до сих пор относились к степени доказательности находок в пещерах для определения возраста человечества, по меньшей мере чрезмерен.

И все в том же 1859 году молодой в ту пору Альбер Годри, впоследствии один из крупнейших французских палеонтологов, едет в Сен-Ашель. И буквально чуть ли не в первый же день находит в этой Мекке археологов в одном и том же слое девять древних полированных рубил, зубы древнего быка и кости гиппопотама, слона и носорога!

Годри публикует соответствующую статью в «Вестнике Французской академии наук».

В 1861 году во Франции выходит книга «Новые исследования к вопросу о сосуществовании людей и больших ископаемых млекопитающих, которые были типичны для последней геологической эпохи». Ее автор — бывший юрист, ставший профессиональным геологом, — Эдуард Лартё. Он тоже поддерживает де Перта. И доказывает, что найденные в долине реки Маас и в Ориньяке фрагменты костяных изделий с выгравированными

изображениями животных принадлежат тем же людям, чьи кремневые оббитые камни начали теперь находить вместе со скелетами древних животных.

10

Вскоре после того, как книга Ларте вышла в свет, один французский коллекционер присылает ему ящик с костями и камнями.

Найдены они в гротах и пещерах Лез-Эйзи, в уже знакомой нам долине Везера.

К посылке приложено письмо. Автор сообщает, что это лишь незначительная часть сокровищ, которые хранит долина.

Ларте, хотя ему шестьдесят, скор на подъем. Недолго думая он отправляется по указанному адресу. Туда же в Лез-Эйзи он вызывает своего друга, англичанина Генри Кристи.

Кристи тоже любитель.

И очень богатый человек.

Он вообще человек очень колоритный, банкир и этнограф Генри Кристи. До сорока лет с беспримерной удачей и тщанием он зарабатывал деньги, а потом целиком занялся тем, что было истинным его призванием, — исследованием культуры отсталых племен. Восточная Азия и Скандинавия, Канада и Британская Колумбия, Куба и латино-американские страны, — Кристи немало успел объездить и повидать.

Теперь его интересует вопрос о происхождении человека.

О чем же говорят английский банкир и французский юрист? О том, о чем не раз уже беседовали: судя по новейшим открытиям, прошлое человека отодвинулось на несколько десятков тысячелетий назад. А на сколько — непонятно, этого толком не знают и геологи.

Такова общая платформа.

Ну, а если конкретно, то не удастся ли здесь, в долине Везера, установить хотя бы самые общие периоды для этих давних времен. Естественно, что Ларте, как геолога, больше интересуют внешние условия, их изменения на протяжении веков. А Кристи займется изуче-

нием того, как приспособлялся к меняющимся условиям человека.

...Долина действительно чрезвычайно своеобразна. Впоследствии ее назовут «древней Помпеей» — так много бесценных следов пребывания древних людей разыщут тут ученые.

Но пока все это — или почти все — сокрыто в бесчисленных гротах с каменными навесами, в таинственных пещерах. Словно каменные соты, здесь обрывистые, известняковые склоны глубокого ущелья.

...Ла-Микок, Ле-Мустье, Ла-Мадлен — имена этих и ряда других деревушек, а то и просто отдельных крестьянских хуторков, прилепившихся у края обширного и диковинного ущелья, войдут в историю: здесь будут найдены следы и останки древних людей.

Ларте высказывает любопытную мысль (хотя кажущуюся теперь совсем простой): чтобы разобраться в дебрях давнопрошедших времен, нужно классифицировать находки. Помочь может то обстоятельство, что каждый слой земли с остатками костей и орудий, как правило, должен быть моложе, чем слой, ему предшествующий, лежащий на большей глубине, и старше, чем слой, за ним следующий. Надо твердо установить последовательность слоев в том или ином месте, иначе говоря — последовательность изменений сохранившихся в этих слоях костей и орудий. Тогда, имея материал для сравнения, можно будет расширить поиск в других местах и получить общую картину.

И вот вскоре в глубине одного из гротов Ларте и Кристи находят вход в пещеру, а там по меньшей мере четырехметровый слой со следами пребывания человека.

Шельское рубило в руке.

Орудия. Мустьерский инвентарь.

На пологом склоне вырытой рабочими глубокой ямы так и остались запечатленные на века разноцветные ленточки: слои с остатками золы, древесного угля, костей, обработанных кремней, пищевых остатков; и слои светлые, чистые, обмытые дождями, иссушенные ветрами, соответствовавшие тем периодам, иногда очень долгим, когда пещера не была заселена.

Точка зрения, выдвинутая Ларте, подтверждалась тут отлично. В верхних слоях находились сравнительно хорошо обработанные, хотя, разумеется, не слишком разнообразные первобытные каменные рубила, как стали теперь называть найденные де Пертом орудия, а также различные остроконечники, скребки и прочие орудия труда. И рядом кости древних лошадей, и кости оленей. Все это относилось ко временам относительно более близким к нам. Ниже шел слой с более грубыми орудиями.

А под этим слоем находился слой с еще более примитивными орудиями и с костями носорогов и бегемотов.

Так, в конце концов, Ларте в 1866 году (Кристи к тому времени умер) устанавливает, что эпоха каменных орудий, эпоха палеолита, как теперь стали называть тот давний период, когда человек не знал ни

бронзы, ни железа, подразделяется, во всяком случае, во Франции на три периода.

В наиболее давний, быть может, десятки тысячелетий назад, здесь жили бегемоты и тропический слон, — этому периоду соответствуют наиболее древние, наиболее примитивные орудия из тех, что были найдены в Сен-Ашеле и Абвиле.

Затем последовал холод. Пещерный медведь, мамонт пришли на смену тропическим животным. А человек стал жить в пещерах, приручив огонь.

И, наконец, третий период. Ледник ушел, началось время охоты на оленя. Орудия улучшились, стали разнообразнее, целенаправленнее, более эффективными, усовершенствованными, хотя по-прежнему еще достаточно первобытными.

11

Дело продвигалось. И даже быстрее, чем за двадцать лет до этого предполагал Буше де Перт.

...Благообразный старик, с бородой клинышком, с бравой выправкой — можно подумать, что он всю жизнь был кадровым военным, — носит теперь с новой идеей: разыскать «допотопных» людей. Тогда бы он заставил умолкнуть записных скептиков! А самое главное — наука получила бы неопровержимые доказательства древности человеческого рода! И неопровержимое подтверждение, что «громовые» камни действительно орудия людей.

Он обещает своим рабочим царское вознаграждение — двести франков (напомним: самый ловкий и сноровистый рабочий зарабатывал в ту пору шестьдесят — семьдесят франков в месяц!). Это действует. В 1863 году ему преподносят чудесный сюрприз: обломок человеческой челюсти, которую находят — так, во всяком случае, ему говорят — в одном слое с древними орудиями в его излюбленной пещере на берегу Соммы.

Буше де Перт вне себя от восторга. И напрасно, потому что челюсть эта совсем не древняя. Но де Перт упорствует: в пылу увлечения он вступает в яростный спор со своими английскими почитателями.

Самое комичное во всей этой истории, что теперь кое-кто из французских ученых, добрых четверть века высмеивавших ученого, горой стоят за него. Доказывают то, что челюсть никакая не древняя, англичане!

Среди собранных им рубил тоже подчас попадаются теперь фальшивые: спрос растет, орудия стали модой. Недаром, видно, один из историков, несомненно хорошо относившийся к искателю, любил (дело уже было в XX веке) рассказывать следующий анекдот.

— Была, — говорил он, — у меня кузина, которая в молодости жила в Абвиле и каждый день совершала прогулки в его окрестностях. Во время этих прогулок она обратила внимание на крестьянина, который частенько сидел на обочине дороги: дробил булыжники и оббивал один о другой обломки. Однажды она спросила его, чем он занимается. «Ну как же, — вежливо ответил крестьянин, — изготавливаю доисторические орудия для господина де Перта».

Но анекдоты анекдотами, а у Буше де Перта все больше последователей.

И он еще успевает дожить до одного из счастливейших дней в своей жизни.

12

Летом 1867 года в Париже открылась Всемирная выставка. Она занимала невиданную в те времена площадь — сто шестьдесят тысяч квадратных метров, ровно в два раза большую, чем выставка в Хрустальном дворце в 1851 году в Лондоне. Говорили, что устроителям она обошлась в два с половиной миллиона долларов — сумму по тем временам громадную.

Выставка вызвала широкий интерес: семь миллионов посетителей почтили ее своим присутствием. Лето было теплое, и людской поток не прерываясь вливался в широкие двери.

Она и в самом деле была занятная, эта выставка. Посредине находился овальной формы сад, а в самом центре его — древний храм и статуя Хефрена, чья пирамида вторая по величине после Хеопсовой. А вокруг сада располагались концентрические галереи,

Европеоид из
каждая посвящ
истории труда,
сырью, машинам
ные целым стран
В числе сам
Франции.

ни, что теперь
четверть ве
о. Доказыва
тичане!
ас попадают
стали мод
ненно хоро
уже было

ина, которая
ь совершала
тих прогул
орый частень
ники и обби
просила его
иво ответил
орудия для

Перта все
счастливей-

Всемирная
емена пло
ров, ровно
ьном двор
строителям
олларов —

миллионов
Лето было
лся в ши-

выставка.
а в самом
рена, чья
ой. А во-
галерей.

Европеоид из Кро-Маньона. (Реконструкция М. Герасимова.)

каждая посвященная определенной теме выставки: истории труда, истории изящных искусств, индустрии, сырью, машинам. Были, конечно, и разделы, посвященные целым странам.

В числе самых крупных павильонов был павильон Франции.

Именно здесь и находилась одна из изюминок выставки: зал «Галлия до употребления металлов».

Здесь у самого входа стоял большой ящик. Это о нем в официальном каталоге и в специальном объявлении сообщалось, что все его содержимое действительно дело рук человека. В ящике находились найденные Буше де Пертом орудия.

А рядом с этими, как определили специалисты, относившимися к давним временам четвертичного периода орудиями были выставлены для всеобщего обозрения орудия, соответствовавшие другому времени, когда люди уже населили пещеры, — в основном их разыскали Ларте и Кристи.

Были ещё и еще ящики.

Предыстория, как стали именовать новую науку, получила путевку в жизнь.

13

А годом позже свершилась давняя мечта де Перта: при строительстве железной дороги в долине Везера в гроте Кро-Маньон, всего в каких-нибудь двухстах метрах от одноименной деревни, нашли останки древних людей. Вместе с костями животных и все теми же примитивными орудиями — камнями. Они действительно существовали, древние охотники за мамонтами и оленями, творцы орудий, которые нашли и опознали Перье, де Перт, Ларте!

Итак, грот Кро-Маньон. Здесь в далекие-далекие времена разыгралась какая-то трагедия. Даже теперь, по прошествии столетий веков, было понятно: и женщина с ребенком, и старец, и трое мужчин были убиты, умерли насильственной смертью.

Луи Ларте, сын Эдуарда Ларте, который по поручению отца (тот был болен) тщательно исследовал находку, запишет в своем дневнике: «Следы людского населения в кроманьонском гроте принадлежат одному и тому же типу древних охотников... В начале они, вероятно, использовали грот лишь как место сборища для дележа добычи, раздобытой во время охоты в окрестностях. Позднее они селились там постоянно».

Запомним: Кро-Маньон. Первые бесспорные останки живших многие тысячелетия назад людей. 1868 год.

Пока это только начало.

Второго августа того же года, счастливого для будущей науки о происхождении людей — антропологии, как ее назовут, члены абвильского Общества естествоиспытателей и друзья провожают в последний путь Буше де Перта.

...Наследники жгут его рукописи. И книги. И еще в 1875 году власти пытаются задержать выход в свет книги некоего Виктора Мэнье. Только потому, что в ней рассказывалось о многотрудной жизни де Перта. И говорилось, что ученый прав в своих рассуждениях о древности человеческого рода.

Но зато к этому времени другая книга совершает триумфальное шествие по всему свету.

Называется она «Происхождение видов». Ее автор Чарлз Дарвин.

Глава II

ОТШЕЛЬНИК ИЗ ДАУНА

I

В начале 1831 года (в ту пору Буше де Перт еще понятия не имел о «громовых» камнях и писал свой роман «Эмилия», заставивший плакать многих чувствительных дам) в министерстве внутренних дел Англии произошел примечательный разговор.

Вызванный к самому министру виконту Мельбурну двадцатипятилетний капитан корабля его величества английского короля «Бигль» Роберт Фиц-Рой был спрошен в упор:

— Верно ли, что на корабле доставлены против их воли в Англию туземцы с Огненной Земли?

Несколько ошарашенный таким вопросом, а глав-

ное не понимая, почему вдруг такой, с его точки зрения, пустяк заинтересовал министерство, Фиц-Рой подтвердил:

— Да, конечно. Я арестовал одного из них, ибо члены его племени украли у меня лодку. Его окрестили на борту, и он получил имя Йорка Минстера. «Бигль» привез в Англию и огнеземельскую девушку, которой дали имя Фуэджиа Баскет. Третий — мальчик, по имени Джеймс Баттен.

— Баттен, — переспросил министр, — пуговица? Почему вы дали ему такое имя?

— Но ведь это очень просто, — терпеливо объяснил капитан. — Я уплатил за него несколько перламутровых пуговиц.

— А как зовут еще одного? — осведомился министр. — По имеющимся у меня данным, есть еще и четвертый.

— Четвертый скончался, — мрачно сказал Фиц-Рой.

— Скончался? Царствие ему небесное, — ответил министр. — Я надеюсь, он был крещен?.. А вот оставшихся трех человек вам придется доставить назад на родину.

— Почему? — удивленно спросил Фиц-Рой.

— Потому, — ответил министр, — что пока вы находились в путешествии, в Англии был принят новый закон.

2

Конечно, закон об отмене рабства был в данном случае лишь одним из благовидных предлогов для того, чтобы отправить «Бигль» в долгое и дорогостоящее путешествие.

В основном же «Биглю» вменялось в обязанность составить «в интересах науки» подробные морские карты восточных и западных берегов Южной Америки и прилегающих островов, «которые облегчили бы плавание судов в этих водах».

Но и это было в лучшем случае лишь полуправдой.

Если учесть, что уже по меньшей мере четверть века, утратив свои североамериканские колонии, Англия стре-

милась обосноваться в Южной Америке, что английские суда стояли здесь во всех портах, поддерживая тех, кто боролся против испанского владычества, а английский премьер-министр Каннинг за четыре года до этого заявил: «Коль мы достаточно ловко поведем дело, освобожденная Испанская Америка станет английской», то истинные причины похода «Бигля» следует признать несколько иными.

Дело было не только и не столько в научных целях (хотя отрицать их полностью, конечно, не приходится), сколько в том, чтобы проложить дорогу дальнейшим колониальным захватам Англии. В том числе и путь через проливы Огненной Земли из Атлантического океана в Тихий — к Новой Зеландии и Австралии.

«Бигль» и займется этим в ближайшие пять лет. И возможно, что в лучшем случае в историю морских исследований или колониальной экспансии Великобритании вошло бы его путешествие, если бы капитану Фиц-Рою, который был человеком неглупым и образованным, не пришла вдруг в голову идея пригласить на корабль натуралиста.

Адмиралтейство не возражало. Но поскольку речь шла о науке, а не о разведке, никакого вознаграждения натуралисту не предусматривало.

Сие означало, что он должен был совершить путешествие на свой счет. Если его это устраивало, разумеется.

3

Так, в августе 1831 года английский ботаник Генсло получил письмо от своего знакомого, профессора астрономии Пикокка.

В письме было сказано:

«Мой милый Генсло!

Капитан Фиц-Рой предпринимает путешествие для съемок южной части Огненной Земли, посетит позднее много островов Южного моря и вернется через Индийский архипелаг...

Мне предложили рекомендовать подходящее лицо,

которое могло бы сопровождать экспедицию в качестве натуралиста; к нему бы отнеслись со всем вниманием... Если бы Леонард Дженнинс мог поехать, какие сокровища он привез бы домой, так как корабль был бы предоставлен в его распоряжение, где только он счел бы необходимым или желательным произвести свои исследования. Хотя идеального натуралиста и не существует, не могли ли бы вы кого-нибудь серьезно рекомендовать?..

Остаюсь, мой милый Генсло, искреннейше ваш
Джордж Пикокк».

Поскольку ни упомянутый в письме Дженнинс (он был священником сразу двух приходов), ни сам Генсло поехать не могли, а предложение и в самом деле было заманчивое, Генсло рекомендовал Пикокку одного своего молодого друга, который давно уже мечтал о подобном путешествии.

Звали этого молодого человека Чарлз Дарвин.

4

С раннего детства Чарлзу внушали: он должен стать врачом. Врачом, и очень крупным, был его дед Эразм, врачом, и тоже хорошим, был его отец. Но один лишь вид крови приводил Чарлза в ужас. Всего два раза поприбывал он на операциях (дело было еще до применения хлороформа) и оба раза вынужден был уйти.

Отцу, который уже однажды высказал ему свое недовольство («Ты только думаешь об охоте, собаках, ловле крыс и осрамишь себя и всю нашу семью»), пришлось вновь делать внушение сыну. Поняв, что врача из Чарлза не выйдет, Роберт Уоррен Дарвин предложил ему другую карьеру — пастора.

Чарлз, боготворивший отца, обещал подумать. И согласился. Скрепя сердце заставил он себя сдавать экзамены. Но мысли его были далеки от богословия.

Его интересовало совсем другое: насекомые, птицы, растения, минералы. В школе он знал всю местную фауну уже в десятилетнем возрасте.

Если Генсло
юноше — Дарвин
тому, что видит
знает, что у Да
резвый, чужды
способность
Но против
с чьим мнением
Как знать, о
величайших от
закончил бесед
ко в том случа
век посовещает
Здравомысл
Джошуа Ведж

Зоология, минералогия, ботаника имели весьма малое отношение к пасторским делам (хотя в ту пору многие пасторы в Англии занимались естественными науками). И Чарлз, который не мог хитрить сам с собой, начинает все более задумываться в правильности выбранного, нет, навязанного ему пути.

Одному своему товарищу он сказал: «Я не могу ответить епископу утвердительно на его вопрос (при посвящении в сан): «Верите ли вы, что вы внутренне продвинуты святым духом?» — И добавил: — Именно поэтому я не могу сделаться духовным».

Охота, страсть к стрельбе, прогулки верхом... И служение науке. Под этим подразумевались занятия естественными дисциплинами в студенческих кружках, собиранье жуков, посещение всех тех мест, «где можно найти толпы натуралистов». И, разумеется, «выходы в поле».

У Генсло, человека блестящих знаний, слушает Дарвин в Кембридже курс лекций по ботанике. И становится его близким другом. Под влиянием все того же Генсло он начинает серьезно заниматься геологией.

Он зачитывается знаменитым «Путешествием» Гумбольдта, собирается отправиться на Тенериф.

И вдруг столь заманчивое предложение!

5

Если Генсло останавливает свой выбор на этом юноше — Дарвину всего двадцать два, — то вовсе не потому, что видит в нем законченного ученого. Он просто знает, что у Дарвина удивительная наблюдательность, трезвый, чуждый предвзятостям ум, отличная работоспособность.

Но против поездки восстает единственный человек, с чьим мнением Дарвин не мог не считаться, — его отец.

Как знать, было ли бы впоследствии сделано одно из величайших открытий в истории науки, если бы отец не закончил беседу с Чарлзом словами: «Я соглашусь только в том случае, если хоть один здравомыслящий человек посоветует тебе ехать».

Здравомыслящий человек нашелся. Дядя Дарвина, Джошуа Веджвуд, оказался совсем другого мнения, чем

доктор Дарвин. И взялся ответить на все многочисленные возражения, которые высказал своему сыну Дарвин-отец.

И не только ответил, но убедил старика Дарвина.

Так получилось, что спустя три дня после того, как Чарлз Дарвин вынужден был отказаться от лестного предложения, он послал (из Кембриджа) Генсло новую записку. В ней было сказано: «Я только что прибыл. Вы догадаетесь почему. Отец изменил мнение. Надеюсь, место еще не отдано другому...»

Оно едва не оказалось отданным. Близкий знакомый Дарвина, Вуд, друг Фиц-Роя, получил от последнего письмо, в котором капитан высказался против кандидатуры Дарвина. Фиц-Рой надеялся, что с ним поедет один его приятель.

Но тот отказался.

В последний момент дело чуть было снова не сорвалось. Фиц-Рой, на беду Дарвина, оказался приверженцем теорий Лафатера. А согласно Лафатеру, человеку с такой формой носа, как у Дарвина, нечего было делать в затейной экспедиции: нос, считал Фиц-Рой, свидетельствует о том, что Дарвин не обладает ни энергией, ни решимостью, необходимыми для такого путешествия.

Все же Фиц-Рю пришлось побороть свои сомнения и согласиться с предложенной кандидатурой — времени на размышление уже не оставалось.

10 декабря 1831 года «Бигль» вышел в море. Шторм, однако, заставил судно вернуться.

21 декабря была сделана вторая попытка. И снова неудача: не тот ветер.

Не миновать было третьей. 27 декабря — рождество уже прошло, и матросы успели протрезветь — «Бигль» снова вышел в море.

На сей раз благополучно.

Все было бы просто великолепно, если бы не морская болезнь. Она так донимала Дарвина, что он, по его словам, отчаянно падал духом и горячо раскаивался, что поехал.

«Бедствие это огромно», — напишет он в своем дневнике.

Оно не заставило его отступить. Хотя и причинило немало горя.

С собой в путешествие Дарвин берет по рекомендации Генсло недавно вышедшую книгу. Она называется «Основы геологии» и принадлежит перу молодого и не очень еще известного геолога. Фамилия геолога — Лайель.

— Прочтите непременно эту книгу, — говорит Генсло. — Но не обращайтесь внимания ни на что, за исключением фактов. Что касается теории, то она совершенно дикая.

6

На Тенерифе Дарвину не удалось побывать: в Европе свирепствовала холера, нужно было выдержать двенадцатидневный карантин. Сие было не в характере Фиц-Роя.

Но пик Тенерифа, красочно описанный Гумбельдом, освещенный лучами восходящего солнца, с корабля был виден хорошо.

Море было тихое.

... Так начиналось это путешествие, о котором позднее в письме к невесте Дарвин скажет: «... во время последующих пяти лет, бывших вследствие деятельного образа жизни, который я вел, можно сказать, началом моей настоящей жизни, все мое удовольствие происходило от того, что творилось в моей душе: восхищение видами, блуждание среди диких пустынь и великолепных лесов, шагание по палубе бедного маленького «Бигля» ночью... построение теорий и собирание фактов в молчании и одиночестве».

Теории и факты, факты и теории — в этом у Дарвина не будет соперника.

Но пока Дарвин только начинает свой путь. Он наблюдает. Читает. Размышляет.

7

Между прочим читает он, и внимательно, книгу Лайеля. Это странная книга: в ней опровергается все то, чему учили Дарвина в школе. Да и в университете. Взгляд Лайеля прямо противоположен тому, что гово-

рят о происхождении Земли, о геологии и зоологии Кювье и Эли де Бомон.

Конечно, заслуги Кювье, который открыл целый мир вымерших животных и привел в систему все сделанные им и до него находки ископаемых позвоночных, чрезвычайно велики. Но именно Кювье употребил весь свой блестящий талант ученого и полемиста для того, чтобы доказать: современный мир, с современной фауной и современными народностями, — не очень древний мир и существует лишь со времен последнего потопы.

Таких потопов, геологических катастроф, Кювье считывал четыре. И доказывал, что после каждого потопы мир населялся сызнова. И что между предыдущими и последующими эпохами не было, таким образом, никаких связей.

Теория катастроф очень хорошо увязывалась со священным писанием. А поскольку священное писание все еще довлело над умами ученых и далеко не один только Кювье считал, что библия вполне научно объясняет происхождение жизни, то не только он, а почти все ученые того времени придерживались таких взглядов.

Не надо забывать: в 1830 году, когда вышла книга Лайеля, Кювье, этот человек, учившийся вместе с Шиллером и ставший во времена Наполеона бароном, а во времена Людовика XVIII пэром Франции, этот баловень судьбы, пред чьим авторитетом преклонялась чуть ли не вся наука века, был еще жив! И выступить против проповедуемых им воззрений, приобретших характер всеобщности, — для этого нужно было обладать и убежденностью и мужеством.

И тем и другим, очевидно, Лайель обладал в полной мере. И он опирался на собственные работы: ему тоже немало пришлось побродить по свету, занимаясь геологическими исследованиями. И чем больше он наблюдал за размывающей работой рек, за деятельностью ледников и особенно вулканов, тем более спорными представлялись ему выводы Кювье.

... Дарвин читает эту книгу, в которой говорится о том, что изменения в климате могут происходить медленно, в связи с изменениями в очертании материков и морей, что все изменения в природе происходят постепенно, непрерывно. Что настоящее связывается с про-

шедшим, а внезапных разрывов, как учили приверженцы теории катастроф, не было.

И еще одну мысль подчеркивает Лайель: Кювье неправ, когда доказывает, что в третичных слоях нет видов животных, которые живут и сейчас. И он неправ, считая, что появление одних видов и исчезновение других происходило сразу чуть ли не целыми сериями. На самом деле одни виды появлялись в то время, как другие сохранялись, а третьи постепенно исчезали.

На смену чудесам в этой книге пришли вполне объективные причины, целый механизм причин, который поддается изучению и наблюдению.

...Пройдет немного времени, и Дарвин признает «великое преимущество методов Лайеля для занятия геологией».

Но не только. Книга Лайеля вообще дает пищу его уму.

8

«Бигль» — небольшой барк водоизмещением всего в двести двадцать пять тонн. Он принадлежит к числу тех судов, которые английские моряки давно и не слишком вежливо называют «гробами»: уж очень легко такого рода суда становятся жертвой непогоды.

При всем том судно достаточно устойчиво и с честью выходит из тяжелых ситуаций.

Команда на нем хорошая, капитан — прирожденный моряк.

Корабль маленький, и места на нем мало. Дарвин вынужден довольствоваться каютой на двоих, вернее, уголком каюты. Целые дни проводит он, примостившись за краем стола для карт. На ночь в каюте вешается гамак. Гамак нередко нужен и днем: морская болезнь по-прежнему не дает покоя ученому.

Как только болезнь проходит, он снова берется за дело. Микроскоп и секционный нож всегда к его услугам, и сети каждый раз приносят что-нибудь интересное.

...Острова Зеленого Мыса. Скалы Св. Павла — крошечный островок, затерянный в Атлантическом океане. Сан-Сальвадор. Рио-де-Жанейро.

Корабль время от времени делает остановки, и тогда Дарвин может вдоволь побродить по берегу. Впрочем, что значит побродить? Дарвин работает: острый взгляд прирожденного натуралиста даже в самых обыденных, казалось бы, явлениях видит новое, нужное науке.

Экскурсии, собирание коллекций, наблюдения над птицами, насекомыми, червями. Удивительные вулканы. Девственные земли. Малоизвестные животные. Тропические леса.

О таких «университетах» можно только мечтать.

В одну из своих экскурсий Дарвин вблизи Монтевидео находит череп мегатерия — огромного ископаемого древнейшего ленивца, о котором писал еще Кювье.

Но ведь в этой части света и сейчас живут ленивцы — правда, поменьше размером.

Может быть, Лайель не так уж не прав?

...Привезенных домой огнеземельцев высаживают в бухте Вулья.

9

В Монтевидео Дарвин получает присланный Генсло второй том «Основ геологии» Лайеля. Тот самый, в котором Лайель рассматривает теоретическую проблему происхождения видов. И доказывает, что для каждого вида есть определенный предел изменчивости. Это подстегивает мысль Дарвина: у него другие соображения — он имел достаточно времени, чтобы убедиться в трудности определения границ между видами.

После Бразилии, Уругвая и Аргентины — Чили. Затем Перу. Здесь Дарвин проведет целый год. Таити. Новая Зеландия. Потом — идет уже пятый год плаванья — остров Маврикия, остров Святой Елены.

Вокруг всего света!

...Светящиеся насекомые и фосфоресцирующее море, летучие рыбы и гигантские муравейники, пауки-аэронавты и мигрирующие бабочки, коралловые, вулканические острова.

Землетрясения, грозы, ураганные дожди.

Разные небеса и разные люди. Разные обычаи. Разная фауна, разная флора.

Молодой путешественник все больше задумывается над связями, которые существуют между животными и растениями, между человеком и животным, между прошлым и настоящим.

В октябре 1836 года «Бигль» возвращается в Англию.

10

Корабль возвращается в Англию, и с ним вместе повзрослевший на пять лет и два дня Дарвин.

С карьерой священника покончено. Нужно привести в порядок коллекции, написать «Дневник путешествия».

В 1837 году Дарвин переезжает в Лондон, и следующие два года — одни из наиболее напряженных и наполненных работой в его жизни. Появляется ряд его статей, отчетов.

В 1839 году Дарвин женится на своей двоюродной сестре, дочке дяди Джошуа Веджвуда — Эмме Веджвуд.

Проходит год, другой. У Дарвина неважно со здоровьем. Это какая-то странная болезнь: рвота, общее недомогание, спазмы сосудов. Впервые она началась еще в 1837 году.

В чем дело, никто толком не знает. Отец считает, что это результат перенесенной Дарвином в Южной Америке инфекционной лихорадки — в крови постоянно присутствует какой-то яд. Другие утверждают, что это своего рода неврастения.

Диагнозов много. А лечения определенного нет. Ясно одно: утомительная жизнь в Лондоне не способствует улучшению здоровья.

Дарвин решает переехать в деревню. Выбор падает на небольшую деревушку Даун в графстве Кент, милях в двадцати от Лондона.

В Дауне три улицы и едва ли три сотни жителей. Но именно это и прельщает Дарвина.

Признаться по совести, дом, который он покупает, не очень красив, обычный приземистый провинциальный английский каменный дом. Зато уж вместительный. Впрочем, по мере того как у Дарвина будет расти семья, понадобятся и кое-какие пристройки.

Здесь Дарвин проведет последующие сорок лет своей

жизни. Лишь изредка принимая немногочисленных гостей. И еще реже выезжая сам: в основном только лечиться. Ему немного помогают горячие воды.

Иногда, в особенности после курса лечения, ученый чувствует себя лучше. И все же слабость, звон в ушах, бессонница, головокружения не проходят.

Его сын Френсис впоследствии напишет: «Сорок лет кряду у человека буквально не было дня, когда он чувствовал бы себя вполне здоровым, как другие люди. Вечно ему приходилось вести войну против усталости и болезни».

Но Дарвин работает.

В 1839 году выходит его знаменитый «Дневник». Сначала в виде третьего тома «Рассказа о съемочных плаваниях судов Его Величества «Адвенчур» и «Бигль» в годы 1826—1836 с описанием их исследований южных берегов Южной Америки и кругосветного плавания «Бигля». Затем, тут же, отдельным изданием. Пишет Дарвин и работы, посвященные зоологии и геологии.

Но интересуют его общетеоретические проблемы.

Еще в октябре 1838 года ему на глаза попадает «Опыт закона о народонаселении» пастора Мальтуса. Дарвина меньше всего волнуют социологические выводы пастора. Но мысль о том, что в природе существует борьба за существование, близка ему.

Впоследствии в «Автобиографии» он скажет: «Будучи хорошо подготовлен, чтобы принять борьбу за существование... поразился, что при известных обстоятельствах благоприятные изменения стремятся сохраниться, а неблагоприятные — исчезнуть». И подчеркнет: «Здесь, таким образом, я имел в конце концов теорию, с которой можно было бы работать».

... Все чаще в «Записных книжках» Дарвина появляются следующие или им подобные записи: «Если виды порождают другие виды, т. е. если они изменяются, их раса не погибает окончательно...», «Если дать простор нашим предположениям, то животные — наши братья по боли, болезни, смерти, страданию и голоду, наши рабы в самой тяжелой работе, наши товарищи в наших удовольствиях — все они, быть может, ведут свое происхождение от одного общего с нами предка, нас всех можно было бы слить вместе».

Проблема, которая интересует Дарвина, — та же, о которой вскользь упоминал Лайель: проблема происхождения видов. И это проблема кардинальная. Уже хотя бы потому, что она теснейшим образом связана с возникновением жизни на Земле, появлением и развитием всего живого. Включая, разумеется, и человека.

Что думает о видах ученый мир?

Все живое, будь то животные или растения, подразделяется на великое множество групп, отличающихся друг от друга и в которые входят существа, или индивидуумы, похожие друг на друга. Бесспорно, виды — некая общность. Это не означает, что между отдельными индивидуумами не могут быть различия. И даже такие, которые приводят к образованию тех или иных рас, даже подвидов.

Но разнообразия относятся только к частностям, к явлениям привходящим. Основная структура того или иного вида остается постоянной. Таким образом эти группы, или виды (ну, например, собака, лошадь, мышь), представляются вполне определенными, постоянными в том смысле, что никто никогда не видел, чтобы кошка превратилась в собаку. Из поколения в поколение продолжается все тот же вид.

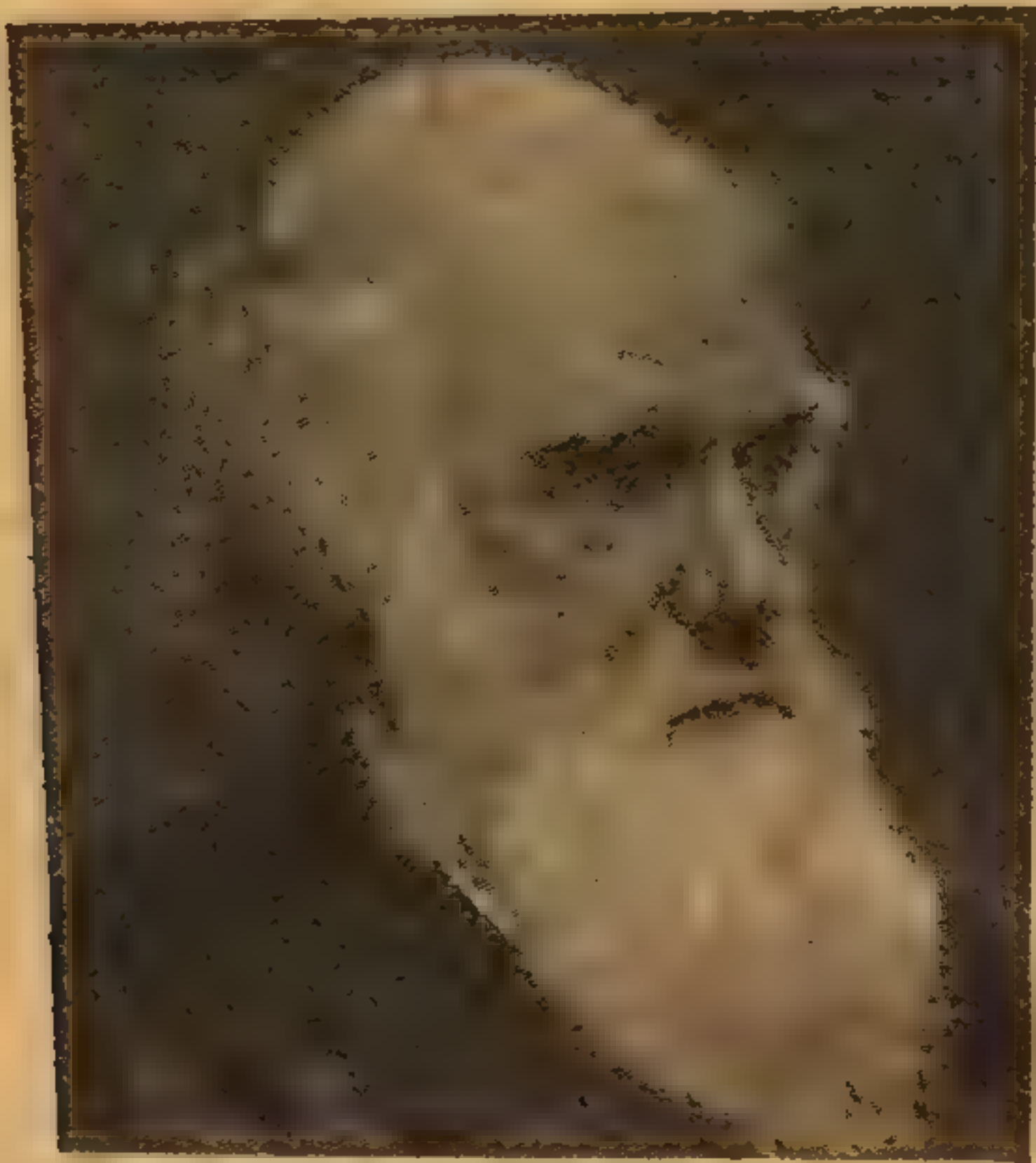
Если два различных вида, даже близких, скрещиваются, они обычно не дают потомства. А если, паче чаяния, от такого союза родится живое существо, оно уж определенно не даст потомства. Пример — мул.

Но как сложились эти разнообразные модели, вроде бы неизменяемые и автономные, а такими они представляются большинству ученых.

Каким образом вообще появилось на нашем земном шаре все бесчисленное множество населяющих ее органических существ?

Еще вопрос: существует ли единство происхождения органических существ или каждая из сотен тысяч различных форм, населяющих теперь Землю, совершенно независима от остальных и возникла отдельно?

Традиционное мнение (его отстаивает и такой крупный ученый, как Кювье) таково: все организмы прямо вылились в те формы, в которых мы их встречаем. Каж-

Ч. Дарвин.

дый вид был создан таким, каким мы его видим сейчас. С тех пор он только то и делал, что воспроизводился без устали, верный сам себе. Кошка, созданная кошкой, всегда была кошкой. Так же, как собака собакой. Так же и лошадь лошадью.

Разве не писал знаменитый шведский натуралист Карл Линней: «Видов столько, сколько различных форм было создано в

самом начале. Видов столько, сколько различных форм произвел в начале мира всемогущий; эти формы произвели множество других, но всегда подобных себе?»

Однако существует и другая теория: органические формы не только не были созданы раз навсегда в «начале всех времен», но некогда были совсем иными.

Подобную эволюционную точку зрения высказывали еще древнегреческие философы. Высказывали ее некоторые ученые и более поздних времен.

Лишь в XVIII веке в творениях некоего Жоржа Луи Леклерка, графа де Бюффона, она впервые приобретает несколько более широкую известность.

12

Бюффон был человеком деятельным. О нем рассказывали, что он работал каждый день с шести часов утра, одетый в роскошный кафтан, в отлично завитом париксе, в белоснежных кружевных многослойных манжетах. Случалось, правда, что чернила брызгали с гусиного пера на манжеты, но, поскольку Бюффон был богат, это его не смущало.

В юности его влекли к себе занятия физикой и мате-

матикой. И именно в этом качестве сын советника парламента из Бургундии избирается в возрасте двадцати шести лет членом-корреспондентом Академии наук по секции механики. Впрочем, у него нет никаких особых открытий, он известен главным образом как переводчик книг Ньютона.

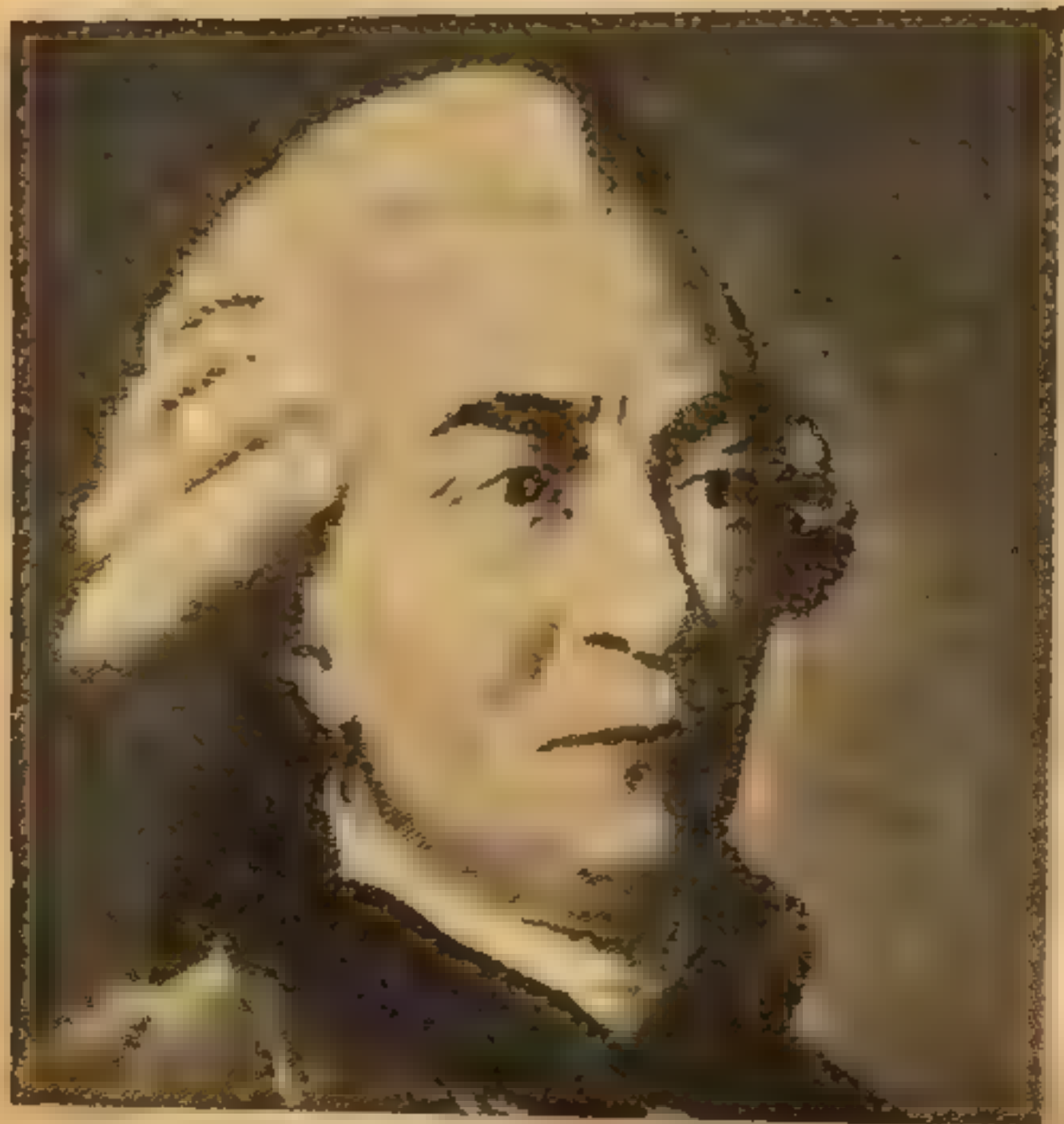
На свою стезю Бюффон становится только несколько лет спустя, когда дю Фай, генеральный интендант Королевского Сада, находясь на смертном одре, назначает его своим преемником. В некоторой степени интуитивно. Но отчасти и потому, что Бюффон к тому времени опубликовал несколько дельных статей по лесоводству, минералогии и удобрению земли: он занялся всем этим, получив по наследству от матери большое имение.

И вот вчерашний физик с головой уходит в проблемы естествознания. И делает это настолько успешно, что сорока двух лет от роду, в 1749 году, выпускает в свет первый том своей колоссальной «Естественной истории», монументальнейшего труда, который будет выходить добрых полсотни лет, законченный уже учениками Бюффона.

История мира и Земли, происхождение и развитие жизни на нашей планете, судьбы растительного и животного мира, место человека в природе — все это интересует и волнует Бюффона. Написана книга блестяще. И не без оснований, говоря о ней, один из крупных современных нам историков, Кальметт, заметил: «Здесь впервые сделана, и удачно, попытка популяризовать науку, отнюдь не принижая ее».

Да, у Бюффона были свои маленькие слабости: он гордился, например, полученным за научные заслуги титулом графа и требовал, чтобы все так его и называли: «господин граф». Любил читать лекции придворным дамам, которые ровным счетом ничего не понимали в тех высоких материях, о коих шла речь. Но он был человеком работающим (действительно трудился по двенадцать часов в день) и настоящим ученым, чьим девизом станут знаменитые слова: «Гений — это терпение». Впрочем, не одно только данное изречение Бюффона станет достоянием потомков. «Стиль — это человек», — говорим мы также часто, повторяя его слова.

Так вот, Бюффон, который был уверен в том, что ма-

Ж. Бюффон.

тысяч лет, имел свои соображения и по поводу происхождения видов. С точки зрения сегодняшней, он далеко не во всем был прав, идеи его были иногда и путаными и противоречивыми, но все же именно он высказал во всеуслышание ту еретическую мысль, что на протяжении веков многие виды были заменены другими. И написал: «Наименее совершенные, наиболее слабые, наиболее грузные, наименее деятельные, наименее вооруженные и приспособленные виды либо уже исчезли, либо исчезнут со временем». И, решительно отвергая идею катастрофических переворотов, утверждал: «Нас не должны занимать причины, действующие редко, внезапно и бурно: они не составляют обычного хода природы; нас интересуют явления, имеющие место каждый день, изменения, которые следуют друг за другом и возобновляются непрерывно».

Подобные мысли и кое-какие другие (Бюффон, например, признавал Солнце праматерью Земли и «всего священного синклита планет») церковники объявили плодом старческого слабоумия!

Знал ли Дарвин эти воззрения Бюффона? Да. И даже счел нужным впоследствии заметить: не оставаясь на неопределенных намеках, встречающихся у классических писателей, должно признать, что первый из писателей новейших времен, обсуждавший этот предмет в научном духе, был Бюффон.

терия без движения никогда не существовала, что движение столь же старо, как и материя; который утверждал, что «сами небеса изменялись»; который хотя и осторожно, но все же утверждал, что геологические слои не могли сложиться за сорок дней потопа, описанного в библии, а приписывал (в то время это была неслыханная дерзость!) Земле возраст в семьдесят пять

Сторонником эволюции, или, как ее в те времена нередко называли, трансформизма, помимо Бюффона, был еще один очень крупный ученый.

Звали ученого Жан Батист Пьер Антуан де Монне, кавалер де Ламарк. Он родился в Базентене, на Сомме, в 1744 году, и хотя не имел, так же как и Дарвин, ни малейшей склонности к деятельности священника, все же, смирившись с желанием отца, поступил в семинарию. А когда отец умер, сбежал оттуда и в семнадцать лет записался добровольцем в армию: денег у него не было, да и откуда им быть у одиннадцатого сына бедняка-офицера...

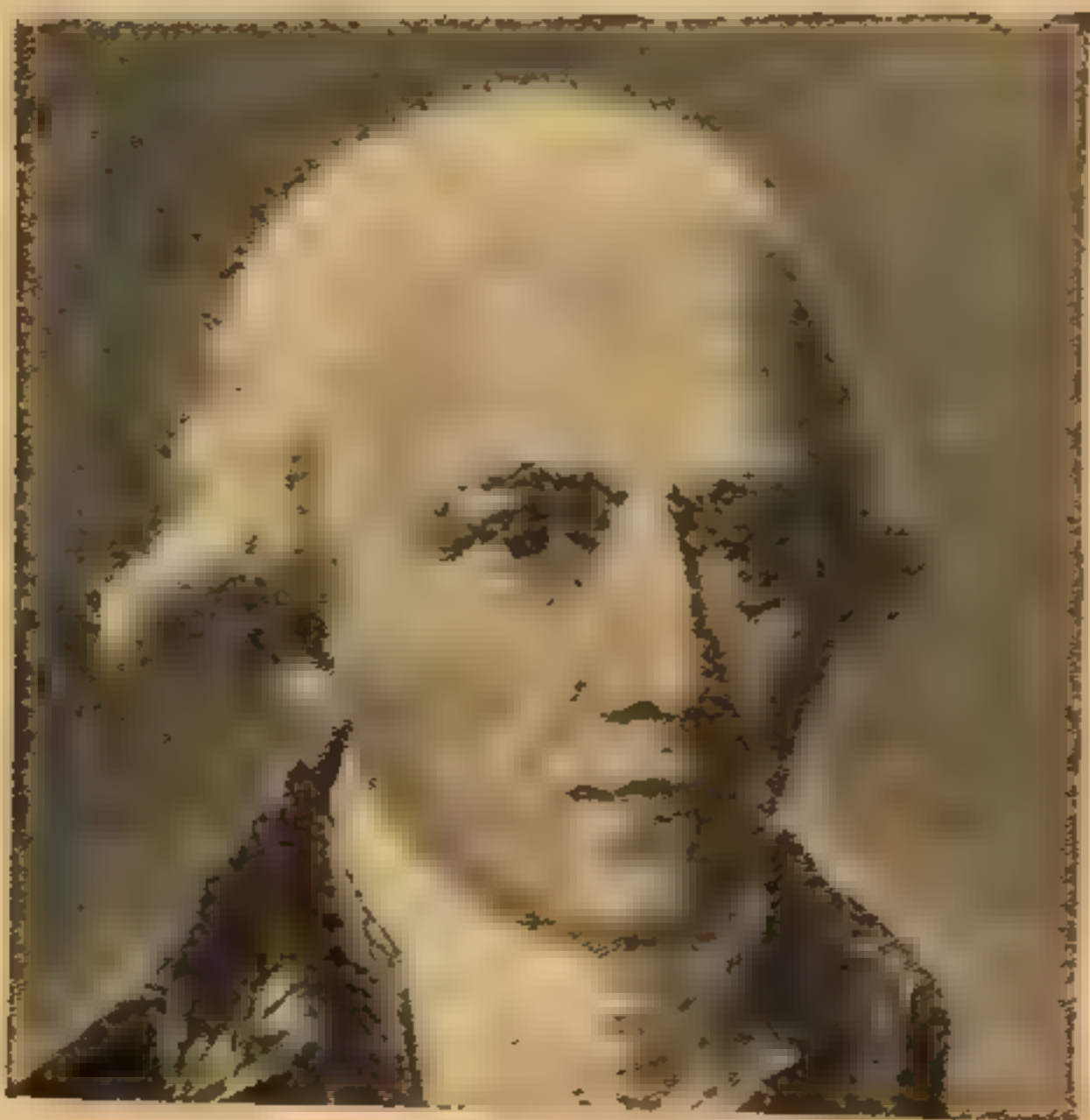
Итак, Ламарк тоже становится офицером. Но ненадолго: вскоре он получает ранение и вынужден покинуть королевские знамена. Проходит несколько лет, и он отправляется искать счастья в Париж: поступает служащим в банк и пописывает статейки в газете. Зарабатывает он, в общем, гроши, но ему хватает на книги и билеты в концерты, а обед... Да бог с ним, с обедом.

Зато юноша может читать, размышлять, учиться. Интересы его разносторонни. Музыкант, он занимается медициной. Ботаник, он следит за направлением ветров, за рождением, движением и смертью облаков, за всеми перипетиями капризной, вечно меняющейся парижской погоды.

В 1776 году появляется написанный им мемуар по метеорологии. Ламарк и в последующие годы будет увлекаться ею, но его научная карьера начнется все-таки с ботаники. И именно ботаника, его многолетний конек, позволяет Ламарку сначала познакомиться, а потом и снискать расположение старика Бернара де Жюссье, создателя садов Трианона. Для последнего — ботаника единственная стоящая вещь на свете, и он охотно учит юного любителя. К ним временами присоединяется и некто Жан-Жак Руссо.

Ламарк не просто любитель. В 1778 году у этого молчаливого и скромного работяги выходит в свет отличная работа: «Флора Франции».

За первым изданием тут же следует другое. Третье появится в 1802 году.

Ж. Ламарк.

К тому времени много воды утечет. Поклонник руссоизма в 1789 году заявит себя «решительным другом свободы, равенства и республики». А за два-три года до этого его примечает Бюффон. Думал ли сановитый граф, что этот бедняк, что этот бывший солдат без определенного, казалось бы, будущего, станет в какой-то мере продолжателем его дела, во всяком

случае, в главном — в пропаганде эволюционных идей? Трудно сказать. Так или иначе, несколько поворчав, по своему обыкновению, Бюффон поручает Ламарку занятия со своими детьми и помогает ему стать членом-корреспондентом Ботанического сада. Последнее весьма кстати: Ламарк получает возможность продолжать занятия ботаникой в Германии и Австрии.

Казалось бы, путь Ламарка вполне определился.

Но судьба порой бывает прихотлива. Революционное правительство считает необходимым учредить во Франции две кафедры зоологии.

И вот ботаник, библиотекарь Музея естественной истории, в 1793 году становится заведующим кафедрой зоологии.

Семнадцать лет спустя он выступит против укоренившихся в естествознании догм.

Это произойдет в 1809 году, в том самом году, когда в двухстах двадцати километрах от Лондона в старинном английском городе Шрусбери, в трехэтажном красном кирпичном доме, расположенном над крутым обрывом реки Северн, в семье врача Роберта Уоррена Дарвина родился его пятый ребенок, сын Чарлз.

Именно в том году появится на свет «Философия зоологии» Ламарка.

И речь в ней идет о взаимоотношениях и связях живых существ и их эволюции.

Эволюция! Ламарк не боится этого слова. Он вообще ничего не боится, шестидесятипятилетний старик, по-прежнему едва сводящий концы с концами: у него много детей, а жалованье профессора зоологии весьма невелико — Наполеона интересуют не столько ученые, сколько маршалы.

Собственно говоря, впервые свои идеи Ламарк, правда вкратце, высказал несколько ранее: во вступительной лекции к курсу зоологии, которую он прочел в Париже в Музее естественной истории 11 мая 1801 года. И в своем курсе «Гидрогеология» в 1802 году Ламарк тоже писал о том, что лик Земли, а соответственно и ее животный и растительный мир менялся на протяжении веков и тысячелетий постепенно. А раз так, то новые условия должны были порождать и соответствующую приспособляемость организмов, новые возможности органов да и новые органы. Естественно, считал Ламарк, для этого необходимо время.

... Это тогда Кювье, который уже был знаменит и авторитетен, с усмешкой заявил: «Безграничное время, которое играет такую роль в религии магов, не менее важную роль играет и в измышлениях Ламарка».

Измышления? Но если разобраться, что, собственно, доказывает Ламарк? Он считает, что все виды, включая человека, происходят один от другого — от простого к сложному в ходе постепенных изменений, трансформаций, прогрессивной анатомической и физиологической эволюции, длившейся тысячелетиями. Что история жизни — это цепочка звеньев: от одноклеточных к сложным млекопитающим. Что не было никаких перерывов в постепенности развития и древние животные, как бы они отличались от нынешних, — их предки. Что животный мир и растительный мир вовсе не возникали каждый раз заново, так сказать, на ровном месте, как это доказывается Кювье. Что все изменения в органическом мире, как и в неорганическом, происходили на основании законов природы, а не вследствие чьего-либо чудесного вмешательства. Что, наконец, внешние факторы, в том числе время, климат, могли способствовать изменению видов.

Кювье, великолепного Кювье, ставшего при жизни классиком, воззрения Ламарка приводят в бешенство. И неудивительно! Ламарк — убежденный эволюционист. Кювье — убежденный и непримиримый сторонник неизменяемости видов и идеи постоянства катастроф.

Еще в молодые годы Кювье однажды написал в письме приятелю: «Я думаю и вижу, что водные животные созданы для воды, а прочие для воздуха, но чтобы они были ветвями, или корнями, или по крайней мере частями того же самого ствола — это, повторяю, как раз то, чего я не могу понять». А в своем пользовавшемся огромной популярностью (оно выдержало десять изданий) «Рассуждении о переворотах на поверхности земного шара» Кювье писал о том, что «среди известных фактов нет ни одного, который мог бы сколько-нибудь подтвердить мнение, что открытые и установленные мной новые роды ископаемых, а также и открытые другими натуралистами — палеотерии, аноплотерии, мегалониксы, мастодонты, птеродактили, ихтиозавры — могли бы быть родоначальниками каких-нибудь современных животных, ставших отличными от них только под влиянием времени или климата».

Кювье, конечно, заблуждается. Но его «Рассуждение о переворотах», увы, становится своего рода евангелием для всех противников эволюционного учения. Это тем более обидно, что Кювье — мы уже имели возможность отдать ему должное — гениальный ученый. Его слова: «Дайте мне зуб ископаемого животного, и я воссоздам всю организацию его и образ жизни» — вовсе не хвастовство.

Не говоря уж о том, что (о ирония судьбы!) своему триумфу эволюционная теория в немалой степени будет обязана именно сравнительной анатомии, — науке, в становлении которой, как и в становлении палеонтологии, Кювье сыграл решающую роль.

■

Шумный и блестящий наполеоновский барон, с огромной головой, украшенной копной рыжих волос, ведет настоящую войну против своего противника.

«Упражнение и неупражнение органа, — гласит один из законов, утверждаемых Ламарком (последний исходил из того, как мы уже упоминали, что внешние условия влияют на формы и организацию животных), — приводит к его развитию или вырождению».

Кювье это не устраивает. А поскольку примеры, приводимые Ламарком в защиту своего тезиса, и в самом деле порой звучат анекдотично, то как не позабавиться и не позлословить?

Протей (саламандра), утверждает Ламарк, наделен лишь остатками органа зрения потому, что, живя в условиях, где не нужны глаза, потерял их вследствие длительного неупотребления этих органов... Очень хорошо.

Тогда, замечает Кювье, может быть, Ламарк согласится, что и он сам тоже мало употреблял свои глаза, иначе бы он не потерял зрения?

Ламарк действительно теперь почти слеп.

Возможно, тут сыграла свою роль и вечная работа с лупой.

— Если бы вы употребляли свои глаза получше, — продолжает Кювье (он специально приходит послушать лекцию Ламарка), — вы бы сумели составить себе лучшее представление о природе, вместо того чтобы предаваться фантастическим вымыслам.

Грубо? Конечно. Но в пылу спора Кювье, быть может, даже и не замечает этого.

— Я прошу вас, Кювье, оставить аудиторию, — тихим голосом говорит Ламарк.

— Вы испугались, — парирует Кювье. — А если нет, то ответьте мне, пожалуйста, еще на один вопрос. Вы по-прежнему утверждаете, что допотопные животные, чьи кости мы находим, предшественники современных видов животных?

— Безусловно, — отвечает Ламарк.

— И вы мне это говорите в лицо?! — взрывается Кювье. — Мне, который доказал обратное?

— Я не верю в вашу теорию катастроф, — спокойно отвечает Ламарк. — Зачем бездоказательно предполагать всемирную катастрофу, если стоит только лучше ознакомиться с ходом природы, чтобы найти объяснение всех наблюдаемых в ней явлений?

Спор остается неоконченным. Он еще долго будет неоконченным, хотя правда, если брать в целом, на стороне Ламарка. При всех ее крупных недочетах теория Ламарка указывает путь вперед.

Кювье стоит на своем: «Эта система (эволюция) может позабавить воображение поэта... но не может выдержать экзамен перед тем, кто хоть когда-нибудь рассекал хотя бы руку...» Или: «Теория эволюции — построение обширное и красивое. К сожалению, фундамент, на котором оно воздвигнуто, ничего общего не имеет с реальностью».

По его мнению, жизнь не могла не прерываться: об этом свидетельствуют раны, которые хранит Земля, следы колоссальных катастроф, которые должны были уничтожить все живое.

... За одиннадцать лет до смерти Ламарк ослепнет совсем. Но работу не бросит. И найдет в себе силы и мужество продиктовать своей дочке Корнелии несколько томов «Естественной истории беспозвоночных животных». В обширном введении (зоология беспозвоночных с этого времени становится самостоятельной научной дисциплиной) Ламарк вновь в сжатом виде излагает свой взгляд на эволюцию форм живой природы.

Он умирает, позабытый чуть ли не всеми, восьмидесяти пяти лет от роду. Коллекции, книги, рукописи — все распродано наследниками. Могила его теряется.

Лишь на три года переживет Ламарка его счастливый соперник. Кювье еще успеет написать свою «Историю естественных наук». И успеет провести знаменитую дискуссию с Жоффруа Сент-Илером в 1830 году. И хотя спор вертелся вокруг различных специальных вопросов и слово «эволюция» не было упомянуто, по сути это был еще один бой между креационистами, то есть теми, кто верил в факт создания видов такими, какие они есть, и эволюционистами. Это тогда Сент-Илер заявил, что ныне живущие животные происходят через непре-

рывную серию поколений от исчезнувших животных до диллювиального мира. А Кювье? Кювье по-прежнему считает, что самым существенным возражением против эволюции является отсутствие переходных форм. Почему их никто не находит? Почему они отсутствуют в различных по времени геологических пластах?

Кювье прав, конечно, ибо они действительно не найдены. И он абсолютно неправ, ибо их еще найдут.

Слишком уж веровал Кювье в *известные* ему факты, за деревьями не увидев леса.

В марте месяце 1832 года, когда Дарвин находился в Байе, восхищаясь изяществом трав и красотой цветов, в Париже вспыхивает эпидемия холеры. За несколько месяцев она унесет восемнадцать тысяч жертв. В том числе и знаменитого Кювье.

... У истории свои капризы. Как не вспомнить, что подобно Бюффону, приютившему в свое время Ламарка, Ламарк в грозном 1794 году вытащил из неизвестности прозябавшего в нищете Кювье и взял его в Ботанический сад, сумев разглядеть в способном парнишке из Монбельяра ученого божьей милостью!

Глава III

ОТШЕЛЬНИК ИЗ ДАУНА (Продолжение)

1

Рассматривая ситуацию, сложившуюся в естественной науке в тридцатых — сороковых годах прошлого века, крупнейший русский естествоиспытатель и пропагандист дарвинизма в России Климент Аркадьевич Тимирязев однажды написал: «... Общие данные, приобретенные наукой об ископаемых существах — палеонтологией, еще более убеждают во мнении, что все существа находятся в родственной связи, что все они одного происхождения и представляют видоиз-

менения нескольких типов, которые, в свою очередь, особенно если обратить внимание на их начальное развитие, сходны между собой в основных чертах.

Всех этих данных и даже меньшего числа их было достаточно для некоторых естествоиспытателей, чтобы признать происхождение органических существ из одного источника путем медленного изменения».

Но этого не происходит. Потому, в частности, что (так рассуждают противники эволюции), если одни формы переходят в другие, «если они постоянно изменяются, то эти переходы должны быть всего очевиднее между формами наиболее близкими — между видами; эти изменения должны всего яснее обнаруживаться в признаках наименее важных, в признаках видовых».

Итак, отсутствие соединительных звеньев между видами и неизменчивость видов в исторические времена — вот главные козыри, заставляющие большинство естествоиспытателей отказаться от предположения о единстве происхождения органических существ. И выступать против эволюции.

И, конечно, традиционность мышления. И боязнь гипотез, которые представляются ненаучными только лишь потому, что речь в них идет о непривычных представлениях. И ограниченность кругозора: если *сегодняшние* факты чего-то не подтверждают, значит, этого нет.

И еще одно. Стройной теории эволюции, достаточно убедительной и основанной на недвусмысленных фактах, — теории, кладущей конец, как напишет впоследствии Ленин, «воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и «незыблемые», не существовало.

Ее еще предстояло создать.

Этим и занимается в тиши своего дома в Дауне Чарлз Дарвин.

Пока он, быть может, еще далек от четкого понимания всех составных частей огромной работы. Одно представляется ему непреложным — существуют законы исторического развития органического мира.

Выявить их и объяснить — его задача.

Задача гигантская. И она по плечу только гиганту: не так-то просто выступать против господствующего мнения века.

Чтобы расшатать старые, привычные, господствующие представления, воссоздать действительную, а не мнимую картину происхождения и развития жизни на Земле, чтобы показать ошибочность господствующих естественно-исторических представлений, надо было прежде всего опровергнуть привычные догмы о виде.

Известно, что Коперник тридцать лет писал свой знаменитый трактат. Ньютон семнадцать лет обосновывал закон всемирного тяготения. Вильяму Гарвею понадобилось десять лет, чтобы открыть законы кровообращения.

Дарвину, чтобы осуществить задуманное, понадобится более двадцати лет.

«Гений — это терпение». Так ведь говорил Бюффон?

2

Достоверно известно: когда Дарвин покидал Англию, он меньше всего на свете был озабочен теорией эволюционизма вообще, теорией происхождения видов в частности. Да и не было никаких оснований над этим задумываться: все было ясно и просто. Если у него и было какое-либо мнение на сей счет, то оно полностью укладывалось в рамки креационизма.

В 1836 году Дарвин уже стоит на иных позициях.

Что произошло?

Кое о чем мы уже упоминали: большое впечатление, произведенное на Дарвина книгой Лайеля. Главное же — наблюдения и размышления во время путешествия.

... Конец ноября 1832 года. Дарвин вблизи Монтевидео. Производя раскопки, он, мы уже говорили, находит остатки ископаемого мегатерия. И первое, что ему приходит в голову, когда он рассматривает древние кости, — это насколько похожи некогда существовавшее, давно вымершее животное и благополучно здравствующие мегатерии, населяющие и ныне эту округу.

Случайность? Быть может. Но, согласно теории Кювье, большие мегатерии давних времен были уничтожены в ходе тех революций, что неоднократно сокрушали земную поверхность. И новые мегатерии либо по-

явились из других мест путем миграции, либо были созданы заново. Так? Допустим. В обоих случаях тогда не должно быть никаких родственных связей с угасшими видами. Да и почему бы новым видам быть похожими на старые? А уж коль они похожи, и похожи в главном — в общей форме, в структуре, даже в мозаичном рисунке панциря, — то не проще ли предположить, что это явные признаки родства, и видеть в древних животных предшественников нынешних?

Еретическая идея? Зато она гораздо проще, естественнее и, может быть, вернее объясняет факты, нежели теория катастроф, которые (вот они, уроки Лайеля!) то ли были, то ли не были или, точнее, то ли играли ту роль, которую им приписывает Кювье, то ли нет.

Правда, сам Лайель, говоря о непрерывности преемственности геологических эпох, не упоминает о биологической преемственности. Но если принять первое, разве не логично признать и второе?

... 1835 год. Галапагосские острова, усеянные вулканами, в чьих кратерах так много лавы, что, как напишет впоследствии Дарвин, кажется, что присутствуешь при самом акте творения. Острова находятся в тысяче километров от берегов Америки, глубоко в океане, кусочек земной тверди посреди бесконечной водной равнины.

И вот что удивительно: их фауна и флора явно напоминают фауну и флору тех земель Америки, что находятся в таком далеком соседстве.

Это сходство поражает путешественника. Не свидетельствует ли оно, однако (на сей раз здесь уже не время, а расстояние), об общем происхождении? Не происходят ли галапагосские виды, несколько, конечно, трансформированные, от тех видов, что характерны для материка?

Дарвина поражает и огромное количество разнообразных черепах: кажется, что чуть ли не на каждом острове своя разновидность. Так что же, считать, будто «творец» для каждого острова создал особый вид? Не проще ли, не вернее, что эти разновидности происходят от одного основного корня и, приспособляясь к условиям своего существования, колонизовали различные острова? На одном они побольше, на другом поменьше, на одном более мясистые, на другом менее...

Впоследствии —
записные книжки, к
рые, как он однажды
сказал, к крайнему за
тумлению. И вырази
сделать для того.

Одна из этих
говорила, что бо
двигаться своим
повелем, чтобы
деленными фор
сколько проще
шее: пусть тя
закону, и это
ствиям — пусть
твердым зако
томки их буду

Что касается
о тех временах
упорно работа
напишет: «В
менчивости ж
отбора не бол
лении, по кото
результатом т
... Широко
зами высоког
ботающего в

И если подумать поосновательнее, то должна же быть какая-то причина, почему антилопы живут, допустим, в Африке, а сумчатые — в Австралии? Может быть, именно потому, что общий предок первых жил в Африке, а вторых — в Австралии?

Революционная мысль Дарвина, как подчеркнет много лет спустя Тимирязев, — мысль, шедшая вразрез с воззрениями всех без исключения авторитетов того времени, зарождается не в пыли библиотек или музейных коллекций, а лицом к лицу с природой.

3

Впоследствии — мы это уже знаем — Дарвин заведет записные книжки, куда будет заносить все те идеи, которые, как он однажды напишет своему знакомому, относятся к крайне запутанному предмету — видам и вариететам. И выразит уверенность, что он кое-что сумеет сделать для того, чтобы внести ясность в вопрос.

Одна из этих записей гласит: «Астрономы когда-то говорили, что бог наперед определил каждой планете двигаться своим особым путем. Таким же образом бог повелел, чтобы каждое животное было создано с определенными формами в определенных странах; но насколько проще и величественнее могущество, повелевавшее: пусть тяготение действует согласно известному закону, и это приведет к таким-то неизменным последствиям — пусть животные будут сотворены, и тогда по твердым законам смены одних поколений другими потомки их будут такими-то».

Что касается бога, то много лет спустя, вспоминая о тех временах, когда по приезде домой он особенно упорно работал над разработкой своей теории, Дарвин напишет: «В конце концов я пришел к неверию... в изменчивости живых существ и в действии естественного отбора не больше преднамеренного плана, чем в направлении, по которому дует ветер. Все в природе является результатом твердых законов».

...Широчайшие дали разворачиваются перед глазами высокого и веселого джентльмена, неустанно работающего в своем доме в Дауне. «Моя теория, — за-

пишет он, — придала бы интерес сравнительной анатомии современных и ископаемых форм, она привела бы к тщательному рассмотрению скрещивания, воспроизведения причин изменения с целью узнать, откуда мы исходим и куда стремимся...»

4

К 1839 году теория эволюции посредством естественного отбора, которая краеугольным камнем ляжет в здание нового естествознания, в основных чертах продумана. Но нужны еще факты и факты, проверенные, твердые, неотразимые факты, нужно еще много исследовать.

Колоссальная работа скрыта от чьих бы то ни было глаз. Только вкратце, только в самых общих чертах записывает Дарвин ход своих рассуждений. Он делает это начерно, карандашом, где-то в мае — июне 1842 года, запись для самого себя, с пометками и исправлениями, — мысль обгоняла руку. Долгое время это первое, еще очень краткое, торопливое изложение, суммирующее обуревающие его мысли и намечающее план дальнейших действий, оставалось никому не известным: его найдут лишь спустя четырнадцать лет после смерти Дарвина случайно под лестницей, в шкафу. Этот шкаф, как засвидетельствовал сын Дарвина — Френсис, его первый биограф, не употреблялся для бумаг, но скорее как склад для предметов, которые не хотят уничтожать.

Один из советских исследователей творчества Дарвина, автор отличной монографии о нем, профессор А. Д. Некрасов, проникновенно напишет: «У великих художников, давших миру свои великие произведения искусства, мы находим нередко первые эскизы их, намеченные скуными линиями... Знатоки иногда ценят такие эскизы не менее самой картины, и это понятно: благодаря скупости линий основное, интимное и существенное здесь нередко выступает резче и яснее, чем в большой картине, где масса деталей, линий, красок слишком отвлекает от главного. Мы можем сравнить «Очерк 1842 года» с таким эскизом или наброском гениальной картины».

Дарвин работает. И ему нелегко.

Помимо всего прочего, ему мешает нездоровье. Подумайте сами: человек в среднем может работать три, от силы четыре часа в день. И этого зачастую слишком много для ослабленного постоянной болезнью организма. И тогда он вновь вынужден все откладывать, ехать лечиться (за двенадцать лет, например, с 1842 по 1854 год — шестьдесят недель!).

... В доме — железная дисциплина. Дарвин встает рано. Перед первым завтраком короткая прогулка. С восьми часов до полдесятого работа. Отдых на диване (ему читают вслух газеты и какой-нибудь роман: все, что не относится к науке, Дарвин предпочитает воспринимать на слух). Снова работа: с пол-одиннадцатого до часа. Прогулка. Кофе. Чтение журналов, диктовка корреспонденции. Отдых: курение (Дарвин позволяет себе редко; гораздо больше он любит нюхательный табак, но, сознавая, что это, как он сам говорит, привычка вредная, держит нюхательный табак в дальней комнате, чтобы не каждый раз за ним ходить). Прогулка. С половины пятого до половины шестого снова работа. Отдых, чтение. Обед. Две партии в триктрак с супругой (Дарвин очень досадует, если проигрывает). Чтение научной литературы. Отдых. В пол-одиннадцатого постель.

И все-таки где-то в 1844 году наступает резкое ухудшение здоровья. Дарвин чувствует себя плохо. Но находит в себе силы спешно продиктовать — на сей раз более расширенное — изложение своей теории. Двести тридцать одна страница большого формата.

И составляет письмо жене. Оно датировано пятым июлем 1844 года и начинается словами:

«Я пишу это на случай моей внезапной смерти, как мое самое торжественное и последнее желание, которое ты, я вполне уверен, будешь рассматривать, как если бы оно было внесено в законной форме в мою последнюю волю, что ты дашь на напечатание очерка 400 фунтов стерлингов... Я хочу, чтобы мой очерк вместе с этой суммой был передан какому-нибудь компетентному лицу, дабы побудить его постараться исправить и расширить очерк. Я передаю ему все мои книги по естественной истории, которые или подчеркнуты, или в конце которых

сделаны указания на страницы с просьбой их заботливо просмотреть и принять их во внимание... Я желаю также, чтобы ты вручила ему все записки на коричневой бумаге...»

Это — на крайний случай. На тот случай, если он вдруг внезапно умрет. Не dokonчив работу. Потому что Дарвин не считает ее завершенной.

До этого тяжелого года Дарвин держал и свои мысли и свою работу в секрете. Никто не знал, что он занимается проблемами трансформации, что у него собрана куча материалов в подтверждение теории, которой будет суждено совершить переворот в естествознании.

Теперь он решает посвятить в свои дела Джозефа Гукера, крупного ученого-ботаника, одного из близких друзей.

«Я почти убежден, — пишет он ему, — что виды (это все равно что сознаться в убийстве) не неизменны».

Все равно что сознаться в убийстве! Конечно, это шутка. Но как много она говорит о состоянии умов в те времена!

Постепенно ему становится лучше. Годом позже в письме к тому же Гукеру Дарвин сообщает: «Надеюсь, что следующим летом закончу свою книгу о геологии Южной Америки, затем немного займусь зоологией, а потом «ура!» моей книге о видах».

Его зоология займет гораздо больше времени, чем он рассчитывал. Целых восемь лет.

6

Иногда его охватывают сомнения. Верны ли все-таки его доводы?

К тому же быть уверенным самому — это еще полдела. Нужно убедить других! Нужно передать им свою уверенность!

Дарвин понимает: это нелегко. Разве мнение большинства ученых не прямо противоположно его собственному? Разве высказывали они сочувствие трансформизму? И если даже кое-кто из ученых собратьев вроде бы и склоняется более или менее к признанию этой опаль-

ной теории, никто из них не отваживается высказать открыто свои чувства или выражают их так неопределенно, с такими осторожными оговорками...

Что делать! Эволюционизм не в почете: он дискредитирован в глазах многих. Все то, что до сих пор говорится в его защиту, неопределенно, слабо по доказательствам, многим представляется авантюристичным.

— Органические существа, — твердят противники этого учения, — не могли произойти из одного источника. Если органические существа изменяются, то виды должны быть изменчивы; если виды изменчивы, то они должны были бы измениться на памяти истории или оставить доказательства своей изменчивости в образе переходных форм или форм предков. Но этого не наблюдается в природе.

Они твердят все время одно и то же. Одно и то же, только разными словами.

Сколько предубеждений нужно побороть, сколько ложных предвзятостей победить! И какой весомой и значительной должна быть его аргументация!

Дарвин великолепно понимает тот риск, которому он собирается подвергнуть свою репутацию в глазах ученых собратьев. Уважаемый своими коллегами натуралист — и вдруг становится на сторону фантазеров (разве не сравнивал Кювье теорию ненавистного ему Лаве с «заколдованными замками старых романов»?)! И он достаточно искушен (давно уже прошли те времена, когда на палубу «Бигля» взошел восторженный юноша, свято веривший в библейские догмы и непогрешимость теорий Кювье), чтобы заранее представить себе, как нелегко победить традицию, или, точнее, рутинерство, что в данном случае одно и то же. И как трудно будет ему проложить дорогу своей теории! Теории, не оставляющей места неразберихе форм, возникающих якобы случайно (или по воле провидения — что, в конечном итоге, опять-таки одно и то же!) и исчезающих в результате каких-то вселенских Помпей! Теории, суть которой сводится к тому, что жизнь — непрекращающаяся эпопея, в которой все существа взаимосвязаны, где одно возникает из другого. Кто знает, не примут ли его, как он сам напишет в письме к Дженнинсу в 1845 году, за полнейшего сумасшедшего? И не получит ли он, вер-

нее всего, больше пинков, чем пенсов (по-русски говоря, больше синяков и шишек, чем пирогов и пышек), как он об этом скажет в письме к Гукеру в 1849 году?

И он сознает еще одно: вопрос о происхождении видов — вопрос не только научный. Выражаясь современным языком, это вопрос идеологический. Здесь затронуты интересы церкви...

Дарвин знает все это. Но он не из тех, кто отступает перед трудностями. И не из тех, кто думает о своей безопасности. В особенности тогда, когда дело идет о борьбе за научную истину.

7

Итак, к чему вкратце сводятся рассуждения Дарвина? К тому, что в природе происходит процесс, в какой-то степени аналогичный изменению культурных форм в результате селекции, который производят люди, если хотят вывести новые породы животных или растений.

Значит, накапливающее действие отбора. В природе — естественного отбора. Что же такое естественный отбор? Выживание наиболее приспособленных. Естественный отбор неразрывно связан с борьбой за существование, обусловлен ею.

Каковы же следствия выживания наиболее приспособленных, следствия естественного отбора? Во-первых, совершенствование строения и функции организмов. Дарвин впоследствии сформулирует это так: «Выражаясь метафорически, можно сказать, что естественный отбор ежедневно, ежечасно расследует по всему свету мельчайшие изменения, отбрасывая дурные, сохраняя и слагая хорошие, работая неслышно, невидимо, где бы и когда бы только ни представился к тому случай, над усовершенствованием каждого органического существа по отношению к условиям его жизни, органическим и неорганическим». Во-вторых, вымирание форм (особей, разновидностей, видов, родов, целых групп), неприспособившихся к изменившимся условиям и вытесняемых новыми, более приспособленными формами.

И еще одно важнейшее следствие естественного отбора видит гениальный ученый: расхождение признаков. Означает оно вот что: один родоначальный вид может дать начало нескольким новым видам.

... Все яснее становится Дарвину, что отсутствие промежуточных форм между близкими видами объясняется вымиранием промежуточных разновидностей в результате борьбы за существование. И несовершенством современных ему знаний: исследовано ведь еще так мало! То же самое относится к возражениям тех палеонтологов, что доказывают, будто те или иные виды, якобы не связанные с предыдущими, появляются вдруг. Вовсе не вдруг! Просто еще недостаточно исследованы предшествующие слои земли. При этом нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что природа достаточно хорошо заботится об уничтожении следов живущих.

Стоит только отбросить сковывающую догму о неизменяемости видов, о непостижимости органических форм — и все становится на место. Виды могут изменяться, и это вполне согласуется с общими данными науки о формах и строении организмов — морфологией. И с данными эмбриологии. И с данными геологии.

Естественный отбор, накапливая наследственные изменения, создал все виды. Это его стараниями создано все бесчисленное разнообразие органических существ, быть может, всего лишь из нескольких примитивных, первоначальных форм, а быть может, и из одной. И, таким образом, все живущее и существующее, в принципе, можно представить себе в виде некоего генеалогического древа, ствол которого — первоначальный источник, а ветви, ветки, листья соответствуют подразделениям, которые им дают классификаторы.

8

Чем больше размышляет Дарвин, тем значительнее представляется ему его теория, которая так хорошо помогает понять, почему исчезают виды, а исчезнув, не возникают вновь; почему ископаемые остатки отличаются от современных форм тем больше, чем они древнее; почему фауна того или иного периода является

более или менее промежуточной между той, что была до нее, и той, что была в последующие времена; почему в одной и той же области древние формы похожи на те, что здравствуют и поныне; почему взятый в целом животный и растительный мир значительно прогрессировал по сравнению с временами давноминувшими.

Их много, этих «почему»... Чего стоят одни лишь рудиментарные органы, которые очень ясно показывают, что органические структуры вовсе не всегда были такими, какими мы их знаем теперь, и что их нынешнее обличье уходит корнями в прошедшие уже этапы развития. А открытие, сделанное русским ученым Карлом Максимовичем Бэром, о сходстве зародышей всех позвоночных на ранней стадии развития? Не свидетельствует ли это об общности происхождения?

Дарвин кое-чем обязан Ламарку. Но подход у него совсем другой. Впрочем, в ту пору Дарвин отчасти, очевидно из-за недостаточного знакомства с работами французского ученого, может быть, даже излишне критически относится к Ламарку, хотя и признает в нем одного из своих предшественников. Более справедливую характеристику деяний этого прозорливого ученого он даст позднее, в 1872 году: «Ламарк был первым, чьи выводы по этому предмету [то есть по вопросу об изменчивости видов. — А. В.] остановили на себе внимание... Ему принадлежит заслуга: он первый остановил всеобщее внимание на вероятности предположения, что все изменения в органическом мире, как и в неорганическом, происходили на основании законов природы, а не вследствие чудесного вмешательства...»

9

У Дарвина — голуби всех видов: они нужны для работы. Он посещает выставки и ярмарки. Он беседует с селекционерами. Измеряет объем черепа у кроликов, оперирует бульдогов и гончих. Он высаживает травы и считает, сколько их выросло, а сколько погибло. Он наблюдает за муравьями и за пчелами. И не пропускает ни одной статьи или книги, имеющей хоть какое-либо отношение к его главной идее.

Его...
Дарвина, добродетельного
долго, советует ему пас...
Дарвина, добродетельного
никогда возьмет да обгонит.
То же самое ему говори...
В 1857 году Дарвин с...
два года. К концу 1858...
вина книги.
Но она никогда не у...
в том виде, в каком была

10

В один из июньских...
дит пакет. Он распечатывает...
ним его собственная теория...
ба за существование. О...
наиболее приспособленн...
И я автора Дарвина...
Рассел Уоллес, путеше...
года три находится в...
ему о своих открытиях...
любезными письмами...
подготавливает большой...
материал для которого...
Но о плагиате не...
потому, что Дарвин н...
словом не обмолвился...
за существование и с...
ленных. Правда, идея...
ния общей теории из...
видами нет принципа...
цал. Но не больше...
Дарвин потрясен...
«Ваши угрожающие...
оправдались... Я...
ного совпадения: с...
6
Человек ищет с...

Его папки пухнут, приходится заводить все новые. Каждая из задуманных глав грозит разрастись в целый том.

Лайель, чья книга когда-то стала откровением для Дарвина, озабоченный тем, что работа тянется так долго, советует ему поспешить. Не получится ли так, что Дарвина, добросовестного до предела Дарвина, кто-нибудь возьмет да обгонит.

То же самое ему говорит и Гукер.

В 1857 году Дарвин считает, что у него еще дел на два года. К июню 1858 написана уже примерно половина книги.

Но она никогда не увидит света. Во всяком случае, в том виде, в каком была первоначально задумана.

10

В один из июньских дней 1858 года Дарвину приходит пакет. Он распечатывает его, читает и видит: перед ним его собственная теория в кратком изложении. Борьба за существование, естественный отбор, сохранение наиболее приспособленных.

Имя автора Дарвину знакомо. Это Уоллес, Альфред Руссель Уоллес, путешественник и ботаник, который уже года три находится в переписке с Дарвином, сообщая ему о своих открытиях и замыслах. Дарвин отвечает ему любезными письмами и даже рассказывает о том, что подготавливает большой труд о видах и разновидностях, материал для которого собирал двадцать лет.

Но о плагиате не может быть и речи. Уже хотя бы потому, что Дарвин ни в одном из писем к Уоллесу ни словом не обмолвился о главном — о принципе борьбы за существование и о сохранении наиболее приспособленных. Правда, идею, и весьма общую для формирования общей теории идею, что между разновидностями и видами нет принципиальной разницы, он Уоллесу сообщал. Но не больше.

Дарвин потрясен. В письме к Лайелю он напишет: «Ваши угрожающие слова, что меня предвосхитят, оправдались... Я никогда не видел более поразительного совпадения: если бы у Уоллеса была рукопись на-

броска, написанного мной в 1842 году, он не мог бы сделать лучше краткое резюме. Даже его термины могут служить заголовками к моим главам...»

Совпадение и в самом деле удивительное! Лежа в лихорадке где-то на Молуккских островах, вынужденно прервав по сему поводу свое путешествие, Уоллес в течение трех дней, вспомнив об идее все того же Мальтуса, проделывает вкратце тот же путь, что в свое время и Дарвин. Накатило озарение! И надеясь, что «принцип борьбы за существование, приложенный к вопросу о происхождении видов, может дать отличные результаты», он все это излагает и — куда же еще послать получившуюся статью? — отсылает ее Дарвину. Ибо думает, что эти новые его идеи будут так же новы и для Дарвина, а главное, важны для общего дела. И не сомневается, что увидел решение большой проблемы.

Он прав в этом!

Уоллес не просил Дарвина опубликовать очерк. Но Дарвин решает написать ему о том, что готов предложить рукопись в любой журнал.

Ну, а как быть с собственным творением? Если рукопись Уоллеса будет опубликована раньше, то вся оригинальность его собственного труда будет уничтожена...

Ситуация нелегка. Конечно, Дарвин, человек очень широких взглядов, исходя прежде всего из интересов самой науки, не слишком заботится о приоритете. Меньше, чем кто-либо, он думает о славе. Он не суетен. Главное, что его обуревает, — любовь к истине, высокое служение науке. Но ведь чисто-то по-человечески обидно! И обидно то, что положение его в какой-то степени двусмысленно.

В соответствии с пожеланием Уоллеса Дарвин отправляет рукопись Лайелю. В письме к нему (это второе письмо, ответ на предложение Лайеля одновременно со статьей Уоллеса напечатать то, что написал Дарвин, — так считает правильным маститый ученый) Дарвин скажет: «Нет ничего в наброске Уоллеса, чего бы не было в моем начисто написанном «Очерке 1844 года», который читал Гукер более 12 лет назад... Я вполне справедливо могу говорить и доказать, что я ничего не заимствовал от Уоллеса. Я бы теперь чрезвычайно охотно обнародовал очерк моих общих взглядов на десятке

или около того страниц, но я не могу себя убедить, что могу честно сделать это... Так как я не хотел печатать очерка, то честно ли будет сделать это только потому, что Уоллес прислал мне очерк этой теории? Я охотно сжег бы всю свою книгу, чтобы ни он, ни кто другой не могли подумать, что я вел себя низко...»

Как быть?

Лайель и Гукер (тот тоже в курсе дела) настаивают на том, что Дарвин не должен уступать пальму первенства Уоллесу. Не говоря уже о том, что есть и кое-какая разница в их концепциях, и существенная, поскольку Уоллес не брал во внимание один из основных принципов Дарвина; им, знающим, как давно и тщательно разрабатывает Дарвин те идеи, к которым только пришел Уоллес, кажется несправедливым, чтобы терпение и скрупулезность ученого из Дауна были оплачены столь тяжелой ценой. Как там ни говори, а в глазах общества, если статья Уоллеса будет напечатана, он, а не Дарвин будет автором идеи об эволюции путем отбора и борьбы за существование. Что бы Дарвин потом ни писал по сему поводу: Пусть тома и тома!

Так рождается соломоново решение. Письмо Уоллеса будет представлено в Линнеевское общество. Но одновременно с главой о естественном отборе из дарвиновского «Очерка 1844 года» и копией письма Дарвина к американскому ученому Аза Грею, в котором Дарвин еще несколько лет назад вкратце изложил свою теорию естественного отбора.

Надо отдать должное Уоллесу: он вовсе не претендует на приоритет и очень доволен решением Лайеля и Гукера.

Никто в Обществе не подготовлен к дискуссиям по поводу новых взглядов. Ученые приходят к заключению: подождать, пока будут предоставлены не общие идеи, а конкретная разработка, и лишь тогда начинать обсуждение.

... Теперь следует, и как можно быстрее, публиковать книгу.

Друзья вновь советуют Дарвину написать хотя бы краткое «Извлечение».

В их словах — Дарвин это теперь понимает отлично — есть резон.

Итак, Дарвин садится за «Извлечение».

Первоначальный замысел таков: сжато изложить основные положения теории.

И привести кое-какие фактические примеры.

Но уже вскоре обнаруживается, что журнальным очерком тут не обойдешься.

Нужна все-таки книга.

Дарвин начал работу 20 июля. К 24 декабря он написал уже триста тридцать больших страниц. И, по его расчетам, остается еще по меньшей мере сто пятьдесят — двести страниц.

...Никогда он еще не писал так быстро. Теперь Дарвин спешит, хотя состояние его здоровья по-прежнему внушает тревогу. В сентябре опять пришлось сделать перерыв.

В марте 1859 года он заканчивает свое «Резюме». Оно действительно несколько разрослось: пятьсот с лишним страниц.

«Ни один негр, даже под угрозой кнута, — шутливо напишет Гукеру автор, — не трудился так, как работал я, стремясь к абсолютной ясности изложения своих идей».

Первого октября уходит последняя корректура, и уже 24 ноября 1859 года небольшого формата зеленый томик, который, как писал Дарвин, чуть было не убил его, выходит в свет.

Дарвин хотел первоначально озаглавить его так: «Извлечение из очерка о происхождении видов, путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь».

Но издателя не устраивает слово «Извлечение». Что ж! Может быть, с коммерческой точки зрения он и прав.

Книгу раскупают в течение одного дня!

Тысяча двести пятьдесят экземпляров — весь отпечатанный тираж.

Со свойственным ему юмором Дарвин воскликнет: «Несомненно, публику бесстыдно обманули! Ведь все покупали книгу, думая, что это приятное и легкое чтение».

О д...
хотя...
концов. Д...
ман. Г...
патетей. К...
ги по пред...
По сути...

ционной те...
как действу...
Дарвина не...
весь органи...
мир возник...
вестной мере...
вития всей ж...
и будет прод...

Лучше во...
шет, что Да...
скому взгля...
ный органич...
вательно, та...
тия, длившег...

А Марк...
дает естестве...

Впрочем...
Дарвин в «...
ной, правда...
быть пролит...
рию». И сам...
лет. Но и е...
шись с «Пр...
что, собств...
века. Дела...
церкви.

Как тут...
нии Брита...
которого са...
Вильберфо...
шить «Бе...
речь в за...
меется, и...

О легком чтении, конечно, не может быть и речи, хотя книга написана ясно и четко. Но ведь, в конце концов, Дарвин писал не роман! Впрочем, именно роман, роман жизни — и это, очевидно, привлекает покупателей, которые чуть-чуть знакомы с содержанием книги по предварительным сообщениям Лайеля и Гукера.

По сути — это страстный монолог в защиту эволюционной теории вообще, теории естественного отбора, как действующей пружины эволюции, в частности. Для Дарвина нет сомнений в том, что животные и растения, весь органический (впрочем, так же и неорганический) мир возникли естественным путем. И настоящее он в известной мере видит в прошлом, в историческом акте развития всей жизни — акте, который продолжается и ныне и будет продолжаться и далее.

Лучше всего это сформулирует Ф. Энгельс. Он напишет, что Дарвин «нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно, также и человек, есть продукт процесса развития, длившегося миллионы лет».

А Маркс, в свою очередь, скажет: «...эта книга дает естественно-историческую основу нашим взглядам».

Впрочем, насчет человека, не желая дразнить гусей, Дарвин в «Происхождении видов» ограничивается одной, правда многозначительной, фразой: «Свет может быть пролит и на происхождение человека и его историю». И сам вернется к данной теме лишь через десять лет. Но и его сторонники, и его противники, ознакомившись с «Происхождением видов», прекрасно понимают, что, собственно, думает Дарвин о происхождении человека. Делают соответствующие выводы и представители церкви.

Как тут не вспомнить о знаменитом споре на заседании Британской ассоциации наук в 1860 году, во время которого самонадеянный и не слишком умный епископ которого самонадеянный и не слишком умный епископ Вильберфорс, математик по образованию, решил сокрушить «безбожного» Дарвина. Он произнес длинную речь в защиту креационистской теории, ссылаясь, разумеется, и на Библию. А закончил он, зная, что его про-

тивником выступит не Дарвин (тот был болен), а «главный агент» Дарвина, как называл его сам автор «Происхождения видов», виднейший сторонник дарвинизма Томас Гексли, следующим образом: «Мне бы хотелось спросить вас (Гексли), действительно ли вы считаете, что вашими предками была обезьяна? А если так, то мне очень интересно узнать, с какой стороны происходит мистер Гексли от обезьяны — со стороны дедушки или бабушки?»

Сие дало возможность Гексли, после того как он камня на камне не оставил от доводов епископа, спокойно ответить: «Человек не имеет причины стыдиться, что его предком является обезьяна. Я скорее бы стыдился происходить от человека, человека суетного и болтливового, который, не довольствуясь сомнительным успехом в своей собственной деятельности, вмешивается в научные вопросы, о которых он не имеет никакого представления, чтобы только затемнить их своей риторикой и отвлечь внимание слушателей от действительно го пункта спора красноречивыми отступлениями и ловкими обращениями к религиозным предрассудкам...»

До поры до времени Дарвин считает преждевременным подробно развивать свои взгляды на происхождение человека. Но в частных письмах он пишет: «Естественно, каждому остается свобода верить, что человек произошел по особому чуду, хотя я сам в необходимость и вероятность этого не верю».

Это давнее убеждение Дарвина: человек тоже, наряду с другими видами, является потомком какой-либо древней и вымершей формы.

Изо всех представителей животного мира к человеку ближе всех обезьяны.

Не означает ли это, что у них и у человека близкие или даже общие предки?

13

Впечатление, произведенное «Происхождением видов», колоссально. Серьезный и убедительный тон, неоспоримые факты, в обилии приведенные автором, фундаментальность идей ошеломляют.

Со всех сторон идут письма в Даун. Журналы и газеты полны статей. Книгу тут же переводят на немецкий, на французский, на русский. Ее переведут чуть ли не на все языки мира. Крупнейшие английские ученые — Гукер, который знал книгу еще не оконченной, Гексли — объявляют себя сторонниками учения, которое по имени его создателя получает название дарвинизма. С некоторыми оговорками к Дарвину присоединяется и Лайель.

Правда, отнюдь не отовсюду несутся рукоплескания. Защитники старых теорий вовсе не собираются так уж просто сдавать свои позиции. Агасиз, ученик Кювье, глава креационистов находит, что «здесь все слабо, весьма слабо». Седжвик, бывший учитель Дарвина по Кембриджу, брюзжит: «Дарвин пустил в ход машину столь же сумасшедшую, как и локомотив епископа Вилькинса, который, согласно его мнению, должен был перенести нас на Луну».

До Луны человечество доберется лишь сто лет спустя. Но «машина» Дарвина начинает действовать значительно раньше.

Могучие доводы великого эволюциониста потрясают умы. Противопоставить им по сути нечего. И уже десять лет спустя после выхода в свет «Происхождения видов» знаменитый немецкий физик Герман Гельмгольц, подводя итоги теории, которая превратила естественную историю действительно в историю, констатирует на съезде естествоиспытателей в Инсбруке: «Учение Дарвина включает существенную творческую мысль. Оно показало, каким образом целесообразность в строении организмов могла возникнуть безо всякого вмешательства Разума [то есть бога. — А. В.], в силу слепого действия закона природы».

Одна книга перевертывает мир.

Впрочем, не так ли было с книгой Коперника? Не так ли будет с теорией Эйнштейна?

Идеи Дарвина побеждают потому, что они верны. Потому, что, как заметит Тимирязев, в борьбе за идеи победа всегда остается на стороне силы, той силы, которая одна не знает себе в мире равных, — силы истины.

...Время идет. И все настоятельнее ощущается по-

требность в дальнейшей разработке основополагающих идей Дарвина.

В том числе, в первую очередь, и по вопросу происхождения человека.

14

Это вопрос вопросов! Что тут только не наговорено! И чьи здесь только не переплетаются интересы. Не забудем: церковь еще достаточно сильна. Неповиновение ее догмам еще достаточно опасно. Ну, а помимо церковных догм есть и много предубеждений, старых верований и идей, которые отнюдь не помогают делу.

Что такое человек? Каково его происхождение?

Хотя еще Аристотель ввел человека в царство животных и отметил сходство между человеком и обезьяной, полупризнание, сделанное Дарвином, и полное признание, которое, с легкой руки Дарвина, сделали Гексли в Англии и Геккель в Германии — человек происходит от обезьяны, — производят скандал.

Между прочим и потому, что со времен Аристотеля немало было сотворено, чтобы позабыть и обесславить здравый взгляд на вещи. И потому, что представления о человеке, в основном, и в середине XIX века были такими же, как и в средние века.

На протяжении столетий человек привык рассматривать себя — этому учила и религия — как особое существо, как явление привилегированное, не имеющее отношения к животному царству, как нечто существующее само по себе. Конечно, некоторые светлые умы человечества (в том числе и знаменитый философ Кант, который первый прямо заявил о том, что человек происходит от обезьяны; как Бюффон, который не без усмешки писал об орангутанге, что тот достаточно близок к человеку, чтобы его можно было, если бы не отсутствие у него души, объявить ближайшим родичем человека; как Ламарк, предположивший, что человек мог произойти от орангутанга, но тут же оговорившийся, что это всего-навсего некое гипотетическое предположение) пытались высказать и иные идеи. Но их не принимали всерьез.

Требовались доказательства более основательные, требовалось прежде всего заставить торжествовать эволюционистские взгляды, не оставлявшие, кстати, сомнения в естественном происхождении жизни и всего сущего на земле. Всеобщность законов эволюции органического мира подразумевала, соответственно, и новый взгляд на родословную человека.

Это отлично поняли Гексли и Геккель: человек, доказывают они, результат длиннейшей цепи развития, цепи, в которой простейшие одноклеточные, примитивные хордовые рыбы, пресмыкающиеся, сумчатые, млекопитающие — лишь некоторые основные этапы развития, а современные обезьяны и современные люди — разные побеги одного и того же общего ствола. И в этом смысле можно бесспорно говорить о том, что человек произошел от обезьяны.

Но что скажет обо всем этом сам Дарвин? Что он-то думает по сему поводу?

В 1871 году Дарвин выступает с новой книгой.

Она так и озаглавлена — «Происхождение человека».

15

Как и «Происхождение видов», эта книга логична и доказательна. Дарвин тщательно разбирает все «за» и «против» — спокойно, методично, ясно.

Итак, вопрос первый: есть ли какие-нибудь основания исключить человека из животного царства? Нет, отвечает Дарвин. Человек во всем — скелет, мускулы, сосуды, кровеносная система, нервы, мозг, внутренние органы — подобен животным, создан по той же модели, что и все млекопитающие. Это морфологическое сходство, в основе которого общее происхождение, является бесспорным свидетельством кровного родства.

Сходство распространяется и на свойства тканей. Человек страдает от тех же болезней, что и другие животные, подвержен действию тех же паразитов. Сходство распространяется и на процесс развития: эмбрионы человека и собаки на определенной стадии развития едва отличимы, и это можно объяснить только одним —

Горилла горный.

Шимпанзе.

оба эмбриона повторяют в своем развитии на этом этапе черты общего предка.

Более того. Как и у многих животных, у человека есть ряд рудиментарных органов, то есть органов, которые ему в принципе совершенно не нужны, остатки органов, которые, однако, были необходимы его далекому, исчезнувшему предкам. И характерны для них. Вот, например, подкожные мышцы черепа, в частности мышцы ушной раковины; бугорок на загнутом внутрь крае уха; полулунная складка, которая является остатком третьего века, развитого у птиц; знаменитый аппендикс, червеобразный отросток слепой кишки; копчиковая кость; волосяной покров. Можно ли объяснить наличие этих органов при помощи теории самостоятельного творения каждого вида? Нет! И Дарвин пишет: человек неотделим от животного мира и развивается так же, как и все животные от какой-то низшей формы. Так же как и человеку, животным тоже свойственны, пусть в разной степени, чувства и впечатления, различные эмоции и способности, как любовь, память, внимание, любопытство, подражание, рассудок...

Конечно, Дарвин, подчеркивая качественное отличие

Оран
его. Коль с
более близк
животных, н
близок к чел
Вывод Д
с тем, что
ком челове
тропоидов
личается с
с полным
Этот ро
волосами,
ном. Оба
Что е
у них бы
одно веко.
Хотите
вспомните
орангутан
всего к че
Долж
наш обе

Орангутанг.

человека от высшего животного, отмечал, что человек даже в самом диком состоянии есть все-таки самое господствующее животное, какое когда-либо появлялось на земле, и что этим человек обязан неизмеримому превосходству своих умственных способностей и общественному образу жизни. Но несмотря на все свое умственное и прочее превосходство, человек — часть животного царства. И, следовательно, на него тоже распространяются законы эволюции.

Оставалось сделать еще один шаг, и Дарвин сделал его. Коль скоро все это так, то, следовательно, наиболее близких родичей человеку нужно искать среди животных, наиболее на него похожих. Кто же более близок к человеку, чем обезьяны?

Вывод Дарвина (в общих чертах он согласуется с тем, что утверждают Гексли и Геккель) таков: предком человека был какой-то представитель группы антропоидов (человекообразных), который, разумеется, отличается от современных антропоидов, но которого с полным основанием можно отнести к обезьянам.

Этот родич был еще не слишком красив: весь покрыт волосами, с хвостом, нога служила хватательным органом. Оба пола имели бороды.

Что еще можно сказать об этих прапредках? Уши у них были заостренные и двигались, глаз имел еще одно веко. У самцов были большие клыки.

Хотите себе представить все это конкретнее? Ну, вспомните тогда узконосых обезьян: гориллу, шимпанзе, орангутанга, гиббона. Именно они, писал Дарвин, ближе всего к человеку.

Должны были пройти века, века и века, прежде чем наш обезьяний предок превратился в человека.

И была эта дорога долга и нелегка, и вехами здесь были: развитие прямохождения, трансформация кисти и стопы, изобретение орудий, появление членораздельной речи, огонь.

Человек — результат длительного эволюционного процесса.

16

Есть натуралисты, которые с тем же успехом могли бы стать кем угодно. Дарвин не из их числа. Естественная история — это его жизнь, его стихия, его негаснущее увлечение. Размышляет ли он, ставит ли опыт, наблюдает — он всегда весь во власти своей любви, он трудится неустанно и прилежно, не жалея ни сил, ни времени, чтобы добраться до истины.

А сил все меньше и меньше. Но Дарвин и на склоне лет продолжает свои многочисленные работы, и, как всегда, в них спокойная сила фактов, оригинальность мышления, neodолимая тенденция теоретизировать и обобщать. Так охарактеризует Дарвин своего знаменитого деда Эразма, автора «Храма природы». Но, право, эти слова с полным основанием можно отнести и к самому Дарвину. И такие тоже: «...Он обладал необычайной способностью наблюдать... Но, может быть, из всех черт была наиболее замечательной необычайная активность или энергия его ума».

Впрочем, сам про себя этот человек удивительной скромности говорил: «Я обладаю порядочной долей изобретательности и здравого смысла, то есть рассудительности, в такой мере, в какой должен обладать ими всякий хорошо успевающий юрист или врач, но не в большей, как я полагаю, степени». И только в одном признавал свои заслуги: «В способности замечать вещи, легко ускользающие от внимания, и подвергать их тщательному наблюдению. Усердие, проявленное мною в наблюдении и собирании фактов, было почти столь велико, каким оно вообще могло бы быть. И что еще более важно, моя любовь к естествознанию была неизменной и ревностной». И еще: «Я неизменно старался сохранять свободу мысли, достаточную для того, чтобы

отказаться от любой самой излюбленной гипотезы... как только окажется, что факты противоречат ей».

Доктор прав Кембриджского университета. Член-корреспондент ботанической секции французского института. Член-корреспондент берлинской Академии наук. Ботаник, зоолог, геолог, но прежде всего и всегда великий философ естествознания, он в самой гуще научных интересов времени, отстаивает свою великую теорию.

Он, всю жизнь так тяжело хворавший, именно в последние десять лет своей жизни чувствует себя относительно лучше.

В конце января 1882 года болезнь снова усилилась. Боли в области сердца; сердцебиение.

Ночью восемнадцатого апреля у него случился сильный припадок. Придя в сознание, Дарвин сказал жене: «Я нисколько не боюсь умереть».

Умер он на следующий день, девятнадцатого апреля, около четырех часов дня.

* * *

Его похоронили в Вестминстерском аббатстве — месте упокоения знаменитых людей Англии.

Еще при жизни Дарвина Гексли однажды сказал: «...Со времени подведения итогов биологического знания Аристотелем и до настоящего дня ничто не может сравниться с «Происхождением видов», как связным представлением явлений жизни, насквозь пронизанным и оживленным единой идеей».

...Человек происходит от древних наземных обезьян. Это еще надо было доказать.

Глава IV

ГОСПОДИН УЧИТЕЛЬ ФУЛЬРОТТ

1

На Рейне, между Дюссельдорфом и Эльберфельдом, и сейчас можно увидеть глубокий, заросший кустарником и деревьями широкий овраг, по дну которого пробирается к Рейну река Дюссель. Овраг, или, если хотите, ущелье, которое называется Неандерталь.

Так это ущелье называли по имени пастора Иоахима Неандера, который в бытность свою ректором Латинской академии в Дюссельдорфе (дело происходило еще в XVIII веке) частенько ездил сюда на прогулки. Место было дикое, уединенное, спокойное, и пастору, очевидно, нравилось: здесь он мог вдали от городской суеты спокойно сочинять столь любимые им церковные песнопения и гимны.

Стоит заметить, что если бы чувствительный к красотам круто спускавшихся к реке скал и таинственных пещер и гротов богослов не вздумал переменить, вернее, переделать на греческий лад свою немудрящую фамилию, ущелье это вошло бы в историю под другим названием: Нойманнталь, ибо настоящая фамилия пастора была Нойманн.

Вплоть до тридцатых годов XIX века жители Дюссельдорфа нечасто посещали романтическое ущелье: трястись в седле или экипаже по меньшей мере три часа, а потом пробираться сквозь лесные заросли, нагромождения камней глухими тропами — это было для любителей. Правда, вскоре путешествие стало немного легче: из Дюссельдорфа повели железную дорогу, и, когда она добралась до местечка Хохдаль, Неандерталь стал как-то ближе дюссельдорфцам.

Прошло еще немного времени, и цивилизация оказалась рядом с Неандерталем. Поскольку строительство шло кругом полным ходом, а в Неандертале было сколь-

ко угодно известняка, то предприимчивые дельцы устроили тут каменоломню и провели от Хохдаля узкоколейку. Именно тогда (1856 год уже вступил в свои права) в Неандертале и была сделана находка, которой первоначально никто не придавал особого значения.

2

В тот день рабочим предстояло заняться двумя находившимися метрах в тридцати над Дюсселем гротами: одним побольше, другим поменьше, — каменоломня подошла к ним вплотную.

Маленький грот имел метров пять в длину. Спереди он был шириной примерно в три метра и в два с половиной метра высотой. Дальше вглубь он суживался, и весьма заметно. И он был почти весь заполнен окаменевшей глиной. Слой ее достигал двух метров.

В ход пошли кирки, как вдруг в глине забелели кости. Остатки скелета какого-то животного? Именно так и рассудили рабочие. Подобное уже случалось — находили тут и останки слонов, и кости медведей. Чьи кости нашли на сей раз?

Одни предлагали выбросить их, другие доказывали, что их нужно сохранить.

В самый разгар спора подоспел совладелец каменоломни, господин Беккерсгоф. Поглядел на находку и безапелляционно заявил: пещерный медведь.

Собрать все и посмотреть, нет ли костей в той глине, что выбросили из пещеры — таков был его приказ.

Компаньон Беккерсгофа был знаком с неким доктором Фульроттом, преподавателем реального училища в Эльберфельде. И знал, что Фульротт очень интересуется костями древних животных.

Ему и порешили отдать найденное.

3

Иоганн Карл Фульротт родился в 1804 году и к двадцати пяти годам написал книгу о систематике растений, которую похвалил сам Гете.

И. Фульротт.

Он принадлежал к распространённому в те времена славному племени энтузиастов-краеведов, любителей древностей и натуральной истории, к которому (помните абвильское Общество естествоиспытателей!) принадлежал и Буше де Перт. Именно Фульротт вместе с еще несколькими друзьями - единомышленниками организовал в Аахене рейнское Общество естествоиспытателей. И он же стал основателем и председа-

телем естественно-исторического общества в Эльберфельде.

Геология, палеонтология, ботаника, зоология, метеорология — таков был круг занятий Фульротта.

Ему давно хотелось приобрести для школьного музея скелет пещерного медведя, и он очень обрадовался, когда ему так и сказали: медведь.

Но медведь ли?

Фульротт рассматривает кости, вглядывается в черепную крышку с ее на редкость массивным надглазным валиком, уплощенным черепным сводом, с высоким наружным затылочным бугром и затылочным валиком, и смутная догадка перерастает во внутреннюю уверенность: да нет же, не медведь. Человек! Правда, звероподобный. Правда, отличающийся, очевидно, от современного. Но все же человек! А если и не человек, то какое-либо человекоподобное существо. Что-то среднее между гигантской обезьяной гориллой, которую несколько лет назад привез в Европу один английский миссионер, и человеком.

Какая, однако, толстая верхняя часть бедренной кости, — неудивительно, что Беккерсгоф ее принял за медвежью! Судя по ее строению, загадочное существо должно было передвигаться хотя и на двух ногах, но не очень ровно, явно нагибаясь вперед, и вообще скорее ковылять, чем ходить.

Снова и снова разглядывает Фульротт небогатую коллекцию: челюсти нет, зубов нет. Есть кусок плечевой кости, вот остаток лопатки, сохранились и некоторые другие кости. Нет, право, если кто-либо из древних обитателей Земли и напоминает человека, то именно это примитивное, нескладно скроенное, но крепко сшитое существо.

Ну, а почему бы ему и в самом деле не быть представителем каких-то предлюдей, какой-нибудь очень древней, быть может, совершенно исчезнувшей людской расы?

Фульротт — человек прогрессивных взглядов: его не слишком смущают идеи сторонников Кювье. Где-то в глубине души он рассуждает совсем по-иному: если были (наука это доказала) древние «допотопные» животные, то почему не могло быть и древних, ныне вымерших людей?

К тому же в последние пятьдесят — шестьдесят лет, не говоря уже о временах более ранних, несколько раз находили останки, принадлежавшие, возможно, людям давних эпох.

Специалисты не признают их? Верно. А что, если специалисты неправы?

Фульротт хорошо помнит эти находки недавних времен.

1823 год. Француз Ами Буэ, проживающий в Гамбурге, на правом берегу Рейна раскапывает останки какого-то древнего скелета и привозит их в Париж. Кости соглашается посмотреть сам великий Кювье. Но только для того, чтобы во всеуслышание объявить: они вовсе не древние.

В том же году в Англии, в Павиленде, в «Козьей пещере» находят скелет женщины. Голова отсутствует, кости выкрашены охрой в красный цвет. Останки отправляют в музей Оксфорда. (Скажем в скобках: науке поляют в музей Оксфорда. (Скажем в скобках: науке повезло. Те, что нашел Буэ, вообще выкинули на свалку. Лишь в 1923 году суждено будет выйти из забвения «Красной леди» из Павиленда.)

1829 год. Сразу три находки — две во Франции, одна в Бельгии: кости человека и кости носорога. Доктор Шмерлинг, который нашел неподалеку от Люттиха семь человеческих черепов и вблизи кости носорога и мамон-

та, тогда написал: нет никаких сомнений, что останки людей попали в землю в то же самое время, что и кости этих вымерших ныне в Европе животных. Как жаль, что этих его слов не знал Буше де Перт!

Когда попали в пещеру кости, которые видит Фульротт?

Он отправляется в Неандерталь, осматривает грот, беседует с рабочими.

И хотя определенно сказать что-нибудь трудно, судя по некоторым признакам, можно предположить: речь идет об очень давних временах.

4

Фульротт принимает меры, чтобы обезопасить кости от порчи, — время сделало их хрупкими и ломкими. И показывает их боннскому анатому Шаафгаузену.

Шаафгаузен — осторожный ученый. В принципе он не отрицает возможность происхождения человека от животных, но предпочитает не распространяться об этих своих мыслях.

Исследовав доставленные ему Фульроттом кости, он заявляет: да, есть основания считать, что они относятся ко временам давним (о том, что кости принадлежат медведю, вообще не может быть речи). И действительно, похоже, что это останки неизвестного нам древнего человека. Во всяком случае, человека, заметно отличавшегося своим обликом от современного; быть может, какого-то предшественника ныне живущих людей.

Но с другой стороны: в гроте не найдены кости древних животных. Конечно, возможно, что находка относится к тем далеким временам, когда еще жили исчезнувшие звери ледникового периода. Но доказать это, учитывая тот факт, что рабочие разворошили слой и не было найдено никаких костей животных, трудно.

Фульротта, одержимого своей идеей, устраивала бы бóльшая определенность. Но что поделаешь! Хорошо уже то, что в целом Шаафгаузен занял все-таки благоприятную для него позицию. К тому же ученый написал даже статью о находке и пригласил Фульротта в Кассель — здесь должен был состояться съезд естественно-научного общества.

И вот наступает один из торжественных дней в жизни Фульротта. Слово предоставляют сначала ему, и он кратко рассказывает об обстоятельствах находки. Затем демонстрирует найденные кости. По его мнению, они относятся к ледниковым временам и принадлежат типичному индивидууму человечества в древности.

В зале сидят маститые ученые. Имена многих из них известны во всем ученом мире. Известны они, разумеется, и учителю из Эльберфельда. И для него они, конечно, авторитеты.

Что скажут они? Как отнесутся к сообщению?

Ему напомнили: ни он, ни кто-либо другой не в состоянии доказать, что находку можно датировать ледниковым периодом, поскольку не были найдены ни кости дилювиальных животных, ни (вот видите: идеи де Перта уже были приняты на вооружение!) орудия древнего каменного века. И ему сказали больше: кости бесспорно принадлежат человеку, в этом сомневаться не приходится. Они несколько необычного вида, — в этом Фульротт тоже прав. Но он глубоко ошибается, утверждая, что это либо останки существа, сильно отличающегося от современного человека, либо какая-то переходная форма.

Кому же тогда они принадлежат?

Один из экспертов назвал неандертальца староголландцем. Француз Прюнер-Бей предпочел говорить о представителе кельтской расы. Другой ученый принялся уверять, что это единственный в своем роде экземпляр то ли дикаря, то ли крошечного идиота и что второй такой экземпляр никогда не будет найден. А профессор Майер посчитал неандертальца за казака, убитого в 1814 году на Рейне во время войны с Наполеоном. Доказательством, по его мнению, служил тот факт, что бедренная кость была несколько изогнутой формы: «как у всадников, с детства привычных к лошади».

К слову сказать (и сие весьма характерно для состояния науки в те годы), этот же самый Майер доказывал, что человечеству не более семи или восьми тысяч лет. И опубликовал соответствующие выкладки не в каком-нибудь богословском листке, а в «Архиве для ана-

томии, физиологии и научной медицины» — солидном журнале. Всего лишь сто с небольшим лет назад, в 1864 году.

Все ждали, что скажет Рудольф Вирхов, знаменитый Вирхов, патологоанатом, врач, биолог, ученый с мировой репутацией.

...Фульротт почувствовал, как у него забилося сердце, когда со своего места поднялся, в черном сюртуке, прямой и строгий, господин тайный советник Вирхов.

Улыбаясь чуть иронично и поигрывая брелком от часов, Вирхов, как всегда спокойный и рассудительный, начал так: «В Швейцарии, на озерах, найдены остатки свайных построек. Те, кто их воздвиг, вымерли десятки тысяч лет назад. И что же? Отличные черепа этих людей заняли бы достойное место среди черепов их цивилизованных собратьев. Были сделаны и другие находки в различных местах, которые вроде бы свидетельствуют о том, что, задолго до периода свайных построек, человек жил еще во времена мамонтов, одновременно с ними. С полной достоверностью этого, однако, утверждать нельзя. И нет подтверждений тому, что человеческая раса в доисторические времена была более примитивной, чем сейчас. Напротив: люди каменного века, которым нужно было бороться за существование в труднейших условиях и в то же самое время приобретать начатки цивилизации, давая нам тем самым великолепный пример культурного прогресса, должны были обладать недюжинными природными способностями к интеллектуальному совершенствованию. Они были из той же плоти, и у них была та же кровь, что и у нас с вами».

Вирхов, конечно, тут немало напутал, — впрочем, много ли тогда знали вообще о происхождении людей?

Но главная ошибка Вирхова была впереди.

Неандертальский череп отнюдь не принадлежал какому-то «предчеловеку»: таковых, по его мнению, вообще не было.

Это человек как человек, только больной, с патологическими изменениями скелета, которым он был обязан многочисленным хворям.

И вот тут-то Вирхов прочел одну из самых своих блестящих лекций.

Можно было подумать, что бедняга был его личным пациентом, так уверенно раскрывал перед высоким собранием Вирхов историю его недугов. Неандертальский человек родился с удивительно удлинённым черепом и очень покатым, «убегающим» назад, сплюснутым лбом. В молодости у него был сильный рахит, искрививший ему ноги и деформировавший его таз. И все же он вырос человеком физически сильным и явно драчунным: на черепе следы тяжелых ударов. Будучи уже стариком, он заболел артритом, искривившим его кости.

Удивительно? Но так оно было, так оно, что грех таить, нередко бывает, если люди стремятся пребывать в плену только своих представлений.

... Вирхов — теперь мы это знаем — ошибался. Что же мог ему в ту пору противопоставить маленький учитель из Эльберфельда? Все те же данные? Вирхов их знал — и не принял.

6

Фульротт, однако, не складывает оружие.

Спор продолжается.

Ни Фульротт, ни Шаафгаузен не желают считать себя побеждёнными.

В 1859 году — все в том же поистине замечательном для судеб антропологии году, когда к Буше де Перту прибыла комиссия во главе с Лайелем, а Чарлз Дарвин одарил мир своим бессмертным «Происхождением видов», — Фульротт передал читанный им в Касселе доклад для опубликования.

Что и было сделано в одном из научных журналов.

Но редколлегия тут же поспешила отмежеваться от выводов Фульротта: «Хотя мы и напечатали сообщение уважаемого автора, мы не можем не отметить, что не разделяем его взглядов».

Помните, доведенный до отчаяния Буше де Перт писал, что он работает для будущего? Точно так же, свято веря в свою правоту, Фульротт заявляет: «Окончательное решение о существовании ископаемых людей я предоставляю будущему».

Будущему! Оно уже не за горами. В 1860 году все тот же неутомимый Лайель приезжает в Германию, чтобы своими глазами посмотреть и находку и грот, где она была найдена. И приходит к выводу: не исключено, что остатки неандертальца относятся к очень давним временам. Лайеля поддерживает Гексли, который заявляет, что неандертальский череп «наиболее обезьяноподобный из всех известных ему человеческих черепов». То же самое отмечает и другой известный английский ученый, Кинг. И предлагает для обозначения подобных ископаемых людей ввести специальный термин: *Homo neanderthalensis*.

А четыре года спустя, в 1864 году, английский естествоиспытатель Буск представляет антропологическому конгрессу в Норвиче еще один череп, напоминающий неандертальский, но только вместе с челюстью и частью лица. Собственно говоря, череп был найден еще за шестнадцать лет до этого в Гибралтаре. И, как водилось в те времена, никто не придавал ему особого значения. Хоть сохранили — и то хорошо!

Поскольку, увы, и в этом случае нет никаких твердых данных о времени, к которому относится находка, ее, выражаясь фигурально, снова кладут под сукно. И должны будут пройти еще сорок лет, прежде чем многострадальный череп вновь отправят на судилище ученым, на сей раз, конечно, уже при совершенно изменившемся, принципиально изменившемся взгляде на вещи.

Об этом у нас еще будет возможность поговорить, пока же заметим предварительно, что здесь речь идет о женской особи неандертальца, о неандерталке, — так, во всяком случае, утверждают многие специалисты.

Тем временем в Бельгии, неподалеку от Льежа, в одном из гротов находят челюсть весьма примитивного обличья. А в 1886 году три бельгийских палеонтолога в местечке Спи, насчитывающем едва три тысячи жителей,

вблизи Намюра
в одном из грот
и двух скелет
репа, две ниж
и несколько к
Челюсти и
слишком целы
хранились хоро
самое главное.
вычайно напо
андертальский

Добавим: н
вместе с остат
дей — кости ма
щерного медве
лошади, длинн
скребки, отщеп

Ученые в во
находку не из
тие. И имеют в
возраст по гео
пять тысяч лет.

Значит, оче
Вирхов? Знач
какие были на
чавшихся спок
когда населял
менее развиты

Фрэпон, од
находка скеле
зательством с
Эта раса,
ской.

Споры пр
отстаивает с
логов все ещ
после открыт
фурте масти
о том, что че
иметь ничего
подобных пер
были бы найт

вблизи Намюра, находят в одном из гротов остатки двух скелетов: два черепа, две нижние челюсти и несколько костей.

Челюсти и черепа не слишком целые, но сохранились хорошо. И, что самое главное, они чрезвычайно напоминают неандертальский тип.

Добавим: на сей раз вместе с остатками людей — кости мамонта, пещерного медведя, дикой лошади, длинноволосого носорога. И каменные рубила, скребки, отщепы.

Ученые в восторге: впервые они получают подобную находку не из вторых рук, а сами делают свое открытие. И имеют возможность достаточно точно определить возраст по геологическим слоям: примерно семьдесят пять тысяч лет.

Значит, очевидно, все-таки прав был Фульротт, а не Вирхов? Значит, помимо ископаемых людей, таких, какие были найдены в Кро-Маньоне, и почти не отличавшихся своим обликом от современных, Европу некогда населяли и другие? Более обезьяноподобные, менее развитые и жившие в более отдаленные времена?

Фрэпон, один из тех, кто сделал открытие, напишет: находка скелетов в Спи служит неопровержимым доказательством существования неандертальской расы.

Эта раса, судя по всему, предшествовала кроманьонской.

Споры продолжаются. В Германии Вирхов упорно отстаивает свою точку зрения: большинство антропологов все еще поддерживают его. И через тридцать лет после открытия в Неандертале на конгрессе во Франкфурте маститый ученый заявляет: с представлением о том, что человек произошел от животного, я не хочу иметь ничего общего, ибо это факт, что мы не знаем подобных переходных форм, которые, однако, должны были бы найтись, если они действительно существовали.

Череп неандертальца из
Ла-Шапель-о-Сен.

Но ведь даже Дарвин и тот в свое время лишь кратко упомянул в «Происхождении человека» о неандертальской находке и не высказал о ней никакого суждения! ...Фульротт уже ничего не может возразить Вирхову. Он скончался в 1877 году, сохранив уверенность в своей правоте.

Лишь 1901 год принес некоторые перемены. Страсбургский анатом Густав Швальбе подвергает решительной критике воззрения Вирхова и камня на камне не оставляет от его «доказательств». Для Швальбе неандертальский череп — череп совершенно нормальной особи, но только принадлежащий представителю особой ступени в развитии человека.

Должно, однако, пройти еще семь лет, прежде чем взгляды Фульротта получают полную реабилитацию. Более того: всеобщее признание. И связано это с новым открытием, на сей раз во Франции.

9

Здесь в 1908 году, в деревушке Ла-Шапель-о-Сен, в Дордони, проводили свой отпуск три приятеля-аббата. Любители-археологи, они занялись исследованием одного грота, находившегося на окраине селения. Сначала они находят слой земли с привычными уже теперь каменными орудиями и костями животных, а третьего августа в трех метрах от входа и на глубине полутора метров, к своему удовольствию, находят человеческий скелет. Мы говорим «к удовольствию» потому, что скелет этот почти целехонький: на месте чуть ли не все кости.

Они тщательно изымают их из земли, упаковывают и отправляют в Париж.

Адрес: Национальный музей естественной истории, Марселлену Булю.

Так выдающийся антрополог Буль оказался владельцем относительно хорошо сохранившегося черепа (правда, лобная и левая теменная кости были сильно повреждены, а некоторые кости отсутствовали), двадцати одного позвонка, добрых двух десятков фрагментов ребер, ключицы, двух бедренных костей...

Неандерталец и

Проходит с
жет представи
ного существа
найден в Неа
Большая
вище, рост
тые. При ход
наклонена

Неандерталец из Ла-Шапель-о-Сен. (Реконструкция М. Герасимова.)

Проходит еще несколько лет, и Марселлен Буль может представить полную реконструкцию облика найденного существа, явного родственника того, чей череп был найден в Неандертале.

Большая голова на относительно маленьком туловище, рост 1 м 55 см — 1 м 60 см. Колени слегка согнутые. При ходьбе спина тоже несколько согбена, голова наклонена немного книзу. Череп массивный, плоский,

лоб «убегающий». Грубое строение костей конечностей. Массивное, крупное, выступающее вперед лицо. Резко выраженный надглазничный валик, широкие носовые отверстия. Малая высота черепа по отношению к длине. И одновременно относительно большая емкость мозговой полости черепа: у человека из Ла-Шапель-о-Сен, по меньшей мере, 1600 кубических сантиметров.

Человек? Конечно! Но человек, по своему облику еще достаточно обезьяноподобный.

Значит, древний человек, возможно, какой-то предшественник современных людей?

Да, вопрос теперь стоит именно так. Собственно, это даже не вопрос — это почти утверждение. Хотя никто еще не может решить: неандерталец — предок современных людей или же просто какая-то боковая угасшая ветвь?

Буль склоняется к последнему. В какой-то мере его поддерживает Швальбе. Хотя допускает и первый вариант.

Но для Швальбе и тех, кто с ним в единомышленниках, гораздо важнее другое: по их мнению, неандерталец, кем бы он ни был, занимает некое промежуточное положение между ископаемым человеком из Кро-Маньона и еще одним загадочным человекообразным существом. Останки этого существа, судя по всему, еще гораздо более древнего, чем неандерталец, и значительно более близкого к обезьянам, вот уже по меньшей мере два десятка лет волнуют воображение ученых.

Часть вторая

**В ПОИСКАХ
ИСЧЕЗНУВШИХ ЗВЕНЬЕВ**

В

в Азии. Еще
рассе Ява.

И этот да
шей степени
ной обезьяны
менее «реабилитации»

Время ид
ждается в ге
кея. Ведь
ученый, верн
зывая, что су
межуточные
нажды воск
звенья — в н

Да, имен
естественно-
доклад, сут
несомненно
и современн
роны, так сч
прежде чем
межуточную
найти это не

Геккель —
название это
во из двух
«Анторос» — «

Впоследствии
происхождение
следует зас
к тому вре

В компании ископаемых людей еще один экземпляр. На сей раз не из Европы. Находят его в Азии. Еще точнее — в Юго-Восточной Азии, на острове Ява.

И этот дядюшка или дедушка из Явы в гораздо большей степени совмещает в себе признаки человекообразной обезьяны и человека, чем теперь уже более или менее «реабилитированный» неандерталец.

Время идет. И ученый мир все более и более убеждается в гениальной правоте Дарвина и Гексли. И Геккеля. Ведь именно этот известный уже нам немецкий ученый, верный оруженосец Дарвина в Германии, доказывая, что существовали, не могли не существовать промежуточные формы между обезьяной и человеком, однажды воскликнул: нужно искать эти недостающие звенья — в них разгадка родословной человека!

Да, именно Эрнст Геккель в 1863 году на заседании естественно-исторического общества в Штеттине сделал доклад, суть которого сводилась к тому, что человек несомненно произошел от обезьяны. Точнее: у человека и современных обезьян общие предки. А с другой стороны, так считал Геккель, в процессе развития человек, прежде чем стать человеком, прошел определенную промежуточную фазу. Задача заключается в том, чтобы найти это недостающее звено.

Геккель — ученый, и он даже дает соответствующее название этому существу: *Pithecanthropus*, составив слово из двух: «*Pithecos*» по-гречески — «обезьяна», «*anthropos*» — «человек».

Впоследствии в своем труде «Естественная история происхождения жизни» (книга вышла в 1866 году, и не следует забывать, что хотя череп неандертальца и был к тому времени найден, но суровый вердикт Вирхова

исключил его из числа ископаемых людей) Геккель вновь вернулся к своей идее. Публикуя «родословное дерево» человечества (двадцать две ступени, начиная с простейших организмов), Геккель поместил между двадцатой ступенью (обезьяна) и двадцать второй (человек) все того же «питекантропуса», охарактеризовав его следующим образом: «Человек первобытный, лишенный слов, не обладает членораздельной речью».

В музее Геккеля в Иене и поныне висит картина художника Габриеля Макса, в которой тот попытался изобразить загадочное существо. Изобразить, исходя, так сказать, из общих соображений: никаких конкретных данных у него не было. Хотя если бы он заглянул к доктору Фульротту...

Женщина, сидя под деревом со скрещенными ногами, кормит грудью младенца. У нее длинные космы, приплюснутый нос, широкие губы и большие, вывернутые ступни. А рядом — супруг, сгорбленный, с низким лбом, с пустыми и глупыми глазами.

Видел ли эту картину в свои юношеские годы некто Евгений Дюбуа, голландец, родившийся в 1858 году, то есть за пять лет до того, как Геккель высказал свое суждение? У нас нет данных на сей счет. Но зато известно совершенно точно, что Дарвина и Геккеля Дюбуа читал. И достаточно внимательно. А кроме всего прочего, он был искатель по натуре.

2

Так случилось, что двадцативосьмилетний доктор медицины и кандидат естественных наук, лектор анатомии Амстердамского университета в 1886 году уверовал в то, что именно он откроет миру гипотетическое существо, которое на дне своей чернильницы нашел Геккель.

Учитывая, что, по мнению Геккеля, прямо противоположному мнению других специалистов, ископаемый человек был ближе всего не к орангутангу и шимпанзе, а к гиббонам, а гиббоны водились в основном на островах нынешней Индонезии, которая тогда называлась Нидерландской Индией, молодой и энергичный ученый решил именно там разыскивать свое «недостающее

звено». Мы теперь знаем: посылка была неверной. Геккель был неправ в своей приязни к гиббонам.

И тем не менее, — надо же так! — именно эта неверная посылка привела в конце концов к победе!

Коллеги по университету, с которыми Дюбуа делится своими планами, не советуют ему заниматься «химерой». Бросать университет и ехать на край света искать то, что не видел никто? По меньшей мере неразумно.

Что же делать Дюбуа? Начальство не дает организовать экспедицию за счет университета, а ехать хочется. Выход только один: он врач и может поехать куда ему угодно, на свой собственный страх и риск.

Последнее ему тем легче, что острова, на которых он собирается производить свои поиски, находятся в колониальном владении Нидерландов.

3

В декабре 1887 года военный врач Евгений Дюбуа прибывает на Суматру. Место службы — госпиталь в Панданге.

Дюбуа лечит солдат, а в свободное время исследует местные гроты и пещеры. Первые попытки малоудачны. Помимо того, что у него нет опыта, в пещерах и гротах в тропиках вообще трудно разыскать следы древних людей: это не Европа, где в ледниковую эпоху человеку больше некуда было деваться. Дюбуа находит все, что угодно: летучих мышей, змей, встречает варанов, но не видит никаких следов того, что он ищет.

Он не теряет, однако, надежды. В опубликованной в 1888 году статье с длинным названием «О необходимости проверки существования ледниковой флоры в Нидерландской Индии, и в частности на Суматре», Дюбуа вновь подтверждает свою уверенность в том, что поскольку все обезьяны, и в частности человекообразные обезьяны, живут в тропиках и предки человека тоже, несомненно, жили в теплых странах, начиная с того времени, когда они начали терять свою шерсть, то весьма вероятно, что именно в теплых странах будут найдены их кости.

Много лет спустя в какой-то степени преемник Дю-

Е. Дюбуа.

буа, тоже охотник за ископаемыми черепами, Кенигсвальд (мы еще будем о нем говорить) в одной из своих книг напомним: Дюбуа ссылался при этом на мнение... Вирхова.

Что же писал гонитель неандертальца? А вот что: «Обширные участки земли еще совершенно не исследованы. Те районы, в которых живут человекообразные обезьяны, относятся к их числу. Одно какое-нибудь открытие может изменить весь

аспект проблемы». Здорово? Бесспорно. И, наверное, прав Кенигсвальд, когда он подчеркивает, что слова «единственное открытие может тут все изменить» были чрезвычайно близки Дюбуа. Очень уж они отвечали образу мыслей ученого.

Статья привлекает внимание голландских властей.

И вот бывает же: администрация местных рудников объявляет в своем очередном бюллетене, что господину Дюбуа поручается заняться палеонтологическими раскопками на Суматре, начиная с 6 марта 1889 года.

Предоставим слово Кенигсвальду: «Дюбуа берется за дело. Он производит раскопки в различных гротах, находит кости слона и носорога, множество зубов орангутанга и никаких следов человека. Случай, однако, приходит ему на помощь. Пока он искал черепа на Суматре, какой-то древний череп находят на Яве, в глубине пещеры в Вадьяке, на южной оконечности острова».

Человек, обнаруживший череп, некий господин Ритшотен, считает, что череп относится к очень давним временам.

Дюбуа исследует находку и приходит к выводу, что череп, пожалуй, действительно принадлежал какому-нибудь давнему австралийцу. Но для него главное

в другом. Может быть, стоит перебазироваться на Яву? Может быть, здесь он будет ближе к цели?

Игра в «холодно» и «горячо» продолжается. В апреле 1890 года Дюбуа прибывает на Яву. И, вполне естественно, отправляется в Вадьяк. Вы думаете, он там ничего не находит? Ошибаетесь: если о каком-нибудь из охотников за древними черепами (а им всем, как правило, в помощь был случай) и можно сказать, что он родился в сорочке, то, в первую очередь, о Дюбуа. Находит он череп! Вернее, часть черепа. Примерно такой же, как и тот, что нашел Ритшотен.

Наука впоследствии займется классификацией этих находок. Не очень быстро, правда. Потому что Дюбуа будет долгие годы держать их у себя — вплоть до 1922 года. Странно? Не будем спешить с выводами: если бы только одна эта странность водилась за ним...

4

Нам важно другое. Ученый приходит к выводу, что это не то, что он ищет. И в то же время принимает решение продолжить поиск. Ибо найденные черепа явно принадлежат людям не современного обличья, каким-то предшественникам нынешних аборигенов Австралии.

«Горячо»? Еще не очень. Ява не маленький остров, всю землю тут не переворошишь, но Дюбуа уверен, что он на верном пути. Где-то здесь, примерно в центре острова, хочет он разыскать своего человека-обезьяну.

Археологи обычно знают хоть примерно, где копать, что копать. Дюбуа ведет вперед чутье. Он — первопроходец в самом буквальном смысле этого слова. А если оценивать его действия с точки зрения «здорового смысла» — сумасброд, одержимый чудаком. Духовно он чем-то сродни тем неистовым древним мореплавателям, которые отправлялись отсюда, из Индонезии, вперед на поиски новых архипелагов и островов, вперед в бурное море, где каждый ложный шаг, неосторожность, не говоря уже о тысячах случайностей, могут привести к неудаче. Но какой истинный искатель думает о неудаче? И где было бы человечество, если бы всегда, во все времена, во все эпохи, не находились впередсмотрящие —

Долина реки Соло. Место раскопок костей питекантропа.

люди, одержимые идеями, люди, верящие в поиск и находки!

Дюбуа из этого же теста.

К тому же он чертовски упорен и методичен в своих поисках.

Самое удивительное, что он действительно находит искомое! Находит, несмотря на то что шансов у него, если трезво взвесить, почти никаких. Находит, несмотря на то что угадать, где искать никем еще на земле не виданное (а было ли оно вообще, а сохранились ли какие-нибудь его следы?), никем еще не найденное существо — задача, по меньшей мере, фантастическая. Находит, несмотря на то что, как вы сами догадываетесь, кости древнейших доисторических людей встречаются крайне редко, настолько редко, что такие случаи и сейчас можно пересчитать по пальцам.

Счастье? Везенье? Не без того, конечно. Но ведь под лежащий камень-то вода не течет!

... Итак, после находки в Вадьяке Дюбуа настойчиво продолжает свои поиски. Он ведет их в одном из живописных районов Явы, там, где подняли к небу свои жерла огнедышащие горы — вулканы Виллис, Мерали, Лаву-Кукусен и другие.

Здесь же вьется река, по имени Соло. Бенгаван-Соло — Большая река.

На ее берегу деревушка Триниль.

Дюбуа...
Где-то...
К...
раскопки...
Так...
свалы...
Заросли...
долов...
ты...
ст...
груз...
плечах...
гих...
все...
попробуй...
Сейчас...
каменный...
надпись...
знают...
в 1891—1893...
Да...
ниль...
мается...
дня...
Впрочем...
знает...
5
В августе...
га...
разыскать...
в вулканич...
верхний...
сначала...
Но...
места...
дается...
довольно...
время...
обезьяны...
8*

Деревушка как деревушка, как тысячи других на Яве. Плантации, поля, а на заднем плане — громада леса Кенданг. На другой стороне реки не то следы каких-то раскопок, не то какой-то песчаный карьер.

Так сорок лет спустя описал свои впечатления Кенигсвальд. Примерно таким же увидел Триниль и Дюбуа. Заросли сахарного тростника, кокосовые пальмы возле домов, крестьян в воронкообразных, слегка приплюснутых соломенных шляпах, худых и изможденных крестьян, несущих нехитрую живность на рынок, привесив груз к бамбуковой палке, которая находится у них на плечах, наподобие нашего коромысла. Увидел круторогих буйволов, которые позволяют выделывать с собой все, что угодно, маленьким яванским мальчишкам, а так попробуй тронь их!

Сейчас в деревне маленький монумент, невысокий каменный цоколь с несколько загадочной и лаконичной надписью: «P. e. 175 m ONO 1891—1893». Впрочем, все знают: это означает: «*Pithecantropus erectus* (прямоходящий), найден в 175 метрах к востоку-северо-востоку в 1891—1893».

Да, сейчас все это знают, а тогда в деревушке Триниль мало кто интересовался, чем, собственно, занимается высокий молодой военный врач, что ищет он изо дня в день на берегах Бенгавана.

Впрочем, кого это касается? Коли ищет, значит, знает, что ищет.

5

В августе 1891 года (воды реки низкие, и это помогает Дюбуа добраться до тех слоев, где есть надежда разыскать ископаемые кости) он находит на берегу, в вулканических слоях, несколько костей животных и верхний правый третий коренной зуб, который, как ему сначала кажется, принадлежит шимпанзе.

Но месяц спустя всего в нескольких метрах от того места, где лежал разысканный ранее зуб, ему попадает странная черепная крышка. Очень покатый лоб, довольно большой объем мозговой коробки. И в то же время очень большой надглазничный валик. Череп обезьяны, быть может, все того же шимпанзе?

Тринильский череп и бедренная кость. Внизу реконструкция.

желтые. Тверже мрамора. И очень тяжелые. Бедренная кость весит добрый килограмм, вдвое больше обычного человеческого бедра.

Итак, черепная крышка, длинная, яйцевидная, больше, нежели у современных человекообразных обезьян. И левая бедренная кость, по форме весьма напоминающая человеческую.

Кому же все-таки принадлежит череп?

В 1894 году на немецком языке появляется статья

Надо продолжать розыск. Кто знает, не удастся ли найти еще что-нибудь, еще какой-нибудь дополнительный материал?

Как на грех, начинаются дожди, и Дюбуа вынужден прервать раскопки. Он принимается за них снова в сухой сезон следующего года. И снова удача: Дюбуа находит бедро, очень напоминающее бедро человека. И зуб такой же, как и первый. На сей раз левый верхний второй моляр (жевательный зуб).

В слое, где все это найдено, — остатки костей слона, носорога, гиппопотама, тапира, антилоп, макак...

Дюбуа пробует определить геологический возраст своей находки. Это не просто. К несчастью, все животные, по-видимому в разные времена, утонули и были унесены водами реки, и здесь их повыбрасывало на берег. Но примерная датировка — от трехсот пятидесяти до ста тысяч лет.

Кости все коричнево-

мало кому известного военного врача Дюбуа. В ней много иллюстраций и еще больше цифр. Статья озаглавлена сенсационно: «*Pithecanthropus erectus*, яванская переходная форма человеческого типа».

Собственно, это вторая публикация. Первое описание находок, своего рода отчет, Дюбуа помещает в бюллетене администрации копей, — ведь это благодаря ей он попал в Триниль.

В статье сказано: «*Pithecanthropus erectus* (а под этим названием Дюбуа понимает свою находку) есть та форма, которая, согласно эволюционистской доктрине, должна была существовать в качестве переходной между людьми и антропоидами; он предок человека!»

6

Уподобить эти слова взрыву бомбы? Но какие уж там были бомбы семьдесят с лишним лет назад — так, игрушки. Скажем проще: нет ни одного мало-мальски уважающего себя ученого — палеонтолога, биолога, антрополога, — который может позволить себе остаться в стороне от этого события. В армии принят термин ЧП — чрезвычайное происшествие. Таким ЧП мирового масштаба явилось сообщение Дюбуа. Газеты и журналы считают своим долгом оповестить мир о его открытии.

Комментарии — отнюдь не всегда благоприятные. Да это и понятно. Единой точки зрения нет. Ее нет прежде всего среди ученых.

Дюбуа стоит на своем: найденная черепная коробка по абсолютной своей величине и по отношению к величине тела больше, нежели у обезьян, и немного меньше, чем у современного человека. Объем черепной коробки — примерно две трети среднего объема человека. Бедро по своим размерам примерно равно человеческому и свидетельствует о прямохождении.

...Споры на IV Интернациональном конгрессе в Лейдене. Споры в Париже, Лондоне, Дублине, Эдинбурге.

14 декабря 1895 года. Чрезвычайное заседание берлинского Общества антропологии, этнографии, первобытной истории. Председательствует все тот же хорошо нам известный Вирхов, чьими словами вдохновлялся

Дюбуа, почетный президент этого общества Рудольф Вирхов.

Слово предоставляется Дюбуа. Как и полагается, он сначала отдает дань уважения высокому собранию, пригласившему его сделать свое сообщение. Впрочем, по меньшей мере, два обстоятельства служат извинением тому, что он пришел сюда не только как ученик. Во-первых, он единственный из всех присутствующих знает в тонкости обстоятельства находки, а во-вторых, именно он в течение добрых четырех лет изучает найденные реалии.

Каков же результат изучения? Ряд фактов, утверждает Дюбуа (мы уже знаем, какие именно), заставляют его видеть в том существе, которому принадлежали найденные кости, переходную форму между обезьяной и человеком.

Говорит Дюбуа и о родословной своего «друга». Жил питекантроп, по его мнению, в верхнем плиоцене и был существом, непосредственно предшествовавшим человеку.

I

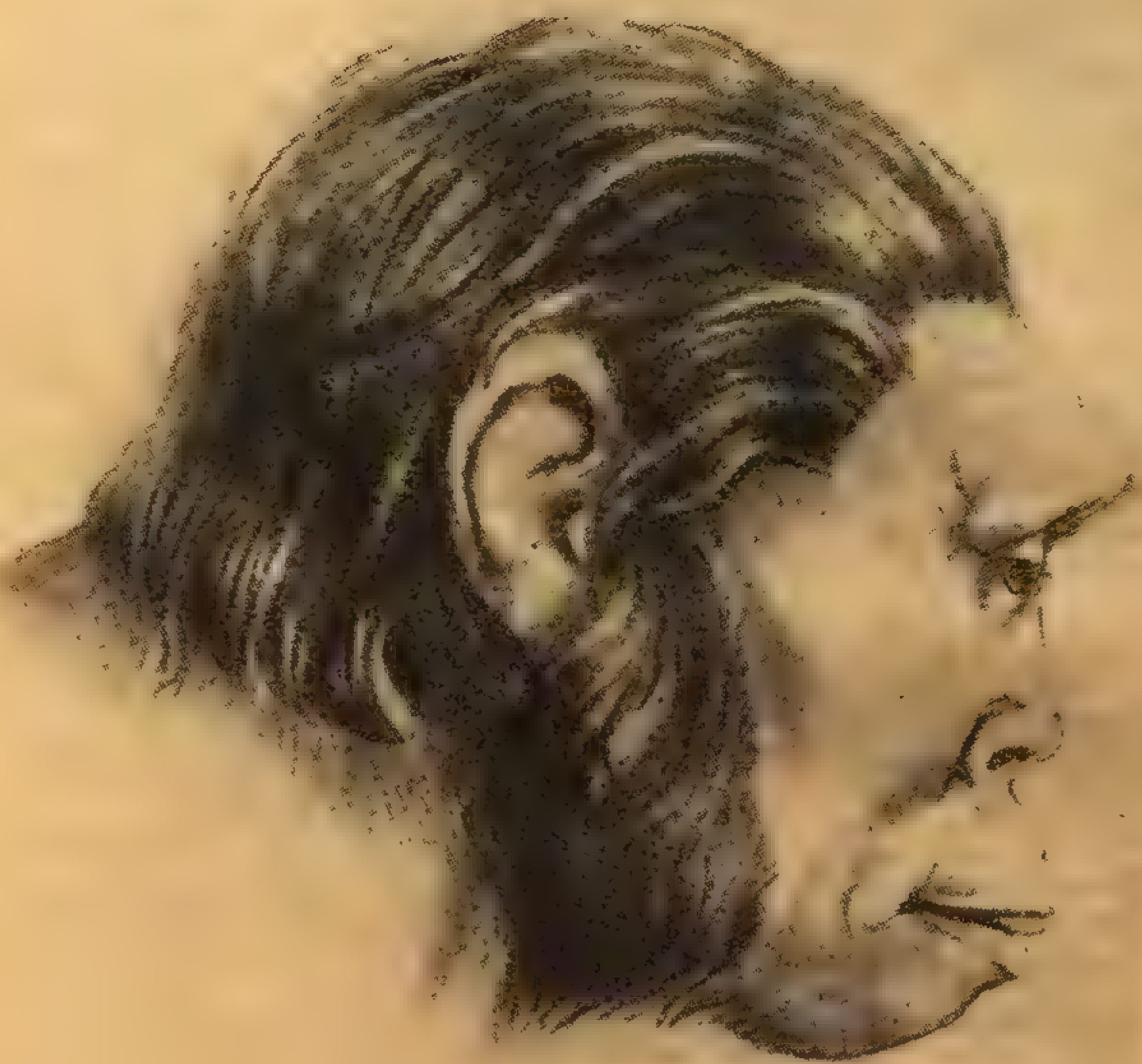
Ученые внимательно слушают Дюбуа. Мнения, как всегда, разделяются. Из двадцати двух человек, принявших участие в прениях, трое считают, что это просто обезьяна. Очень давняя, но тем не менее всего-навсего обезьяна. Пятеро высказываются за то, что это человек. Шестеро думают, что это остатки переходной формы между человеком и обезьяной. Шестеро не очень внятно доказывают, что тут разные кости: одни принадлежат человеку, другие обезьяне. И так далее, и тому подобное.

Неразбериха полная. Зоологи доказывают, что это остатки человека. *Анатомы* — что это остатки обезьяны. И лишь *палеонтологи* отчасти поддерживают Дюбуа.

Ну, а что скажет маститый Вирхов? Для него то, что утверждает Дюбуа, недоказательно. Это просто гигантский гиббон, только всего. И нельзя на основании нескольких разрозненных находок делать далеко идущий вывод, претендующий на решение вопроса.

Профессиональный скепсис дает себя знать и дальше.

Питекантроп.
Является череп чело-
ный он или патоло-
эпохе относится? И
ское бедро с череп-
обезьяны.
Ситуация все же не
как справедливо зам-
М. Урысон, что

Питекантроп. (Реконструкция М. Герасимова.)

Является череп человеческим или обезьяньим? Нормальный он или патологический? К какой геологической эпохе относится? И как соотнести похожее на человеческое бедро с черепным сводом, напоминавшим еще обезьяний.

Ситуация вовсе не простая. И суть ее не только в том, как справедливо заметит впоследствии советский ученый М. Урысон, что тринильские находки предоставили в

распоряжение сторонников эволюционной концепции и, в частности, обезьяньей теории происхождения человека убедительное доказательство справедливости их взглядов. И что, следовательно, спор вертелся и вокруг основного вопроса: прав Дарвин или нет. (Противники Дарвина еще держат в руках свой потрепанный флаг!)

Дело заключалось еще и в том, что действительно довольно странным было сочетание (если и то и другое принадлежало одной особи) примитивной обезьяноподобной черепной крышки и вроде бы вполне человеческой бедренной кости. Это сбивало, это путало карты.

Лишь впоследствии будет доказано: то, что считалось странным, вполне нормально. И лишь в наше время, используя новейшие технические данные, будет абсолютно точно установлено: нет никаких оснований сомневаться в том, что и бедренная кость и черепная коробка, найденные Дюбуа, — достояние одного и того же существа. Более того, сочетание примитивных особенностей черепа с прогрессивным строением костей — передвигались-то эти существа на двух ногах — как раз и является характерной особенностью древнейших ископаемых людей, или, как их по-научному называют, архантропов.

Но об этом у нас еще будет возможность потолковать. Пока же вернемся снова в XIX век.

Дюбуа настойчиво защищает свою находку. Возражая Вирхову, он повторяет: бедренная кость принадлежит существу прямоходящему...

Дюбуа поддерживает Геккель. На IV Интернациональном зоологическом конгрессе в Кембридже в 1898 году знаменитый зоолог заявляет: «Найденные господином Дюбуа останки несомненно принадлежат той вымершей ныне промежуточной группе между человеком и обезьяной, которой я, как гипотетически существовавшей, еще в 1866 году дал название *Pithecanthropus*. Находка Дюбуа и есть то «недостающее звено» в цепи высших приматов, которое так долго искали».

8

Прогрессивные ученые — за Дюбуа. И хотя многое еще неясно, но есть основания думать, что питекантроп — форма переходная: уже не обезьяна, еще не че-

ловек, во всяком случае не человек современного вида, и что природа благодаря самоотверженному поиску Дюбуа «выдала» один из своих секретов и продемонстрировала правильность теоретических выкладок сторонников эволюционного развития человека.

До полной победы, однако, еще далеко. Еще вызывает споры вопрос о том, к каким временам отнести питекантропа. И действительно ли в нем следует видеть какого-то давнего предка современных людей?

Скажем честно: несмотря на свою провидческую уверенность, несмотря на то что в конечном итоге Дюбуа был гениально прав, его находки, взятые сами по себе, не могли считаться решением в последней инстанции. Нужны были новые данные. В том числе для того, чтобы понять: то, что считается у питекантропа сомнительным, как раз и является для него характерным.

Но Дюбуа не счел для себя необходимым продолжить розыски. Шло ли это от абсолютной уверенности в своей правоте? Или от нежелания ввязываться в дальнейшие споры? Или это следует объяснить тем, что он считал, будто ему и так хватит дел?

Трудно сказать. Сам Дюбуа никогда не распространялся на сей счет.

Он вообще с годами стал относиться к питекантропу, как к своему личному достоянию, чуть ли не отказывая другим ученым в праве исследовать его находку и обсуждать ее.

Профессору Амстердамского университета Дюбуа была суждена еще долгая жизнь. Он пережил первую мировую войну и скончался, когда уже началась вторая, в 1940 году.

9

Чем старше становился Дюбуа, тем все больше отстранялся от своих коллег. И тем все более непоколебимым становился в своих воззрениях. Добро бы в общих, в чем он, конечно, был прав. В частности: Дюбуа, например, считал непреложным, что его питекантроп имел емкость мозговой коробки ровно в 908 см³, был высотой ровно в 1 м 72 см, весил ровно 104 кг. И наста-

ивал на абсолютной точности всех цифр, и считал только себя правомочным изучать и исследовать питекантропа. Словно скупой рыцарь, прятал он свое сокровище, и получить у него разрешение посмотреть остатки питекантропа было делом нелегким.

Кенигсвальд был в числе тех двух-трех счастливых, которым в XX веке удалось их увидеть. И рассказ его об этом событии столь примечателен, что его стоит привести полностью.

«Когда он (Дюбуа) убедился, что ему не удастся добиться полного триумфа всех своих идей, он ушел, так сказать, в себя. Он стал подозрительным, причудливым, мнительным. . . Ему казалось, что ночью вокруг его дома бродят взломщики, которые хотят похитить его питекантропа.

Вместе с супругой мы навестили его в Гаарлеме в 1936 году. Когда мы пришли, нам сказали, что он неважно себя чувствует и не хочет, чтобы его беспокоили. Но я настаивал и просил ему передать, кто я такой, и, поскольку я прибыл с Явы, он в конце концов согласился нас принять. Он ждал нас в гостиной, спокойно сидя в кресле. Он был высоким, широкоплечим и выглядел весьма внушительно; на его губах играла стереотипная улыбка, немного вроде бы даже застенчивая. В ходе беседы, призвав на помощь всю свою дипломатию, я попросил его разрешить мне посмотреть его находки. В то время они находились в музее Лейдена, куда он их поместил за несколько лет до того, считая, что там они будут в большей сохранности, чем у него. Дюбуа вышел в другую комнату, оставив дверь открытой, вызвал по телефону своего ассистента и осведомился, не предпринимал ли г-н фон Кенигсвальд попыток проникнуть в святилище, где хранились драгоценные кости. Лишь убедившись в том, что я этого не делал, он исполнил мою просьбу.

На следующее утро я отправился в Лейден. Для меня специально открыли сейф с двойным замком, и я смог их взять в руки. . .»

Да и вообще поведение Дюбуа, как ученого, было далеко не всегда безупречным. Так, например, специалисты просили его в свое время побыстрее уточнить интересовавшие их детали о фауне, найденной им в Триниле.

Он ограничился тем, что лишь в 1907—1908 годах опубликовал две краткие статьи, не перечислив основной массы находок, не сопроводив статьи иллюстрациями. Большая часть привезенных им с Явы трехсот ящиков с флорой, фауной, костями оставалась неразобранной в течение сорока лет, и это в то время, как ученый мир жадно ждал от него дополнительных материалов.

Ученый словно бы жил в башне из слоновой кости, не интересуясь тем, что говорят о питекантропе другие, в плену своих представлений, в том числе и о возрасте питекантропа. И поскольку ему теперь казалось, что питекантроп жил в третичном периоде, то и вся яванская флора и фауна, привезенная им, тоже должна была быть третичной.

И он долгие годы не желал сравнивать питекантропа и неандертальца. Почему? А потому, что он-то как раз верил Вирхову и не признавал неандертальца древним человеком.

10

Обо всем этом, может быть, не стоило вспоминать, точно так же, как и о том, что Дюбуа чуть не сорок лет ни словом не обмолвился об известных уже нам вадьякских черепках, которые очень были нужны науке. Если бы все эти странности Дюбуа не поблекли перед тем заявлением, которое он сделал в 1935 году, повторив его в 1940. Факт, в общем, необъяснимый. Дюбуа изменил свои взгляды на природу и положение питекантропа и принялся доказывать, что Вирхов был прав. Никакое питекантроп не «звено», а просто-напросто гигантский гиббон. Но гиббон, который все-таки, по мнению Дюбуа, эволюционировал к человеку.

Ученые всего мира только недоуменно пожали плечами. К тому времени первоначальная точка зрения Дюбуа была подтверждена.

В их глазах, и это было справедливым, Дюбуа остался первооткрывателем и революционером, проложившим новые пути, а не ретроградом, попытавшимся опровергнуть то, что он сам, а за ним все современное естествознание так блестяще доказали.

Но прежде чем перейти к рассказу о том, как удалось это сделать, как удалось разыскать новые экземпляры питекантропа, нам следует вспомнить еще об одном ископаемом существе, имеющем самое непосредственное отношение к нашему повествованию.

Имя его сейчас известно всем: синантроп — древнейший человек, найденный в Китае.

Глава II

ВНАЧАЛЕ БЫЛИ ЗУБЫ

1

Итак, как обстоят дела с ископаемыми людьми в начале и в первом десятилетии нашего века? Что признает и что не признает наука? Конечно, дарвиновы идеи, взятые в самом общем виде, уже не вызывают особых сомнений, а «Происхождение видов» становится, по выражению Тимирязева, воинственной «философией биологии» и единственным ключом для понимания общего строя органической природы.

Признаны и идеи де Перта.

Но при всем том антропология еще делает только свои первые шаги. А если говорить о конкретных находках, то геологический возраст найденных останков считается еще весьма неопределенным, и неизвестно, удастся ли когда-нибудь добыть точные данные.

Различают два вида ископаемых черепов: один, более часто встречающийся и свидетельствующий о достаточно высокой организации, — череп кроманьонского обличья и другой, весьма редкий, так сказать «отсталый», — неандертальского обличья.

Мнения о питекантропе расходятся. Для одних — он действительно среднее звено между обезьяной и человеком, человекообезьяна или обезьяночеловек. Для других, в том числе и для Марселлена Буля, — всего лишь гигантский гиббон.

Проверить выкладки Дюбуа захотел мюнхенский профессор зоологии Эмиль Зеленка. Но незадолго до отъезда в Индонезию он умирает. Экспедицию возглавляет его жена, Маргарета-Леонора. Вместе с немецким геологом Эвертом в 1907 году она едет на Яву. Новых костей они не находят.

2

Тем временем тоже в Азии, но на сей раз в Китае, немецкий врач Габерер начинает собирать любопытную коллекцию. Здесь, в этой столь отличной от Европы стране, ему посчастливилось напасть на след каких-то занятных древних животных. «След» — может быть, слишком громко: речь идет о костях и зубах, что продают в китайских аптеках и которые именуются зубами дракона.

Народная молва и даже некоторые средневековые сочинения утверждают, будто от многих хворей излечивают эти легендарные зубы, которые с давних времен находят в разных местах в Китае.

Габерера, хоть он и врач, не слишком интересуют лечебные свойства зубов. Они интересуют его сами по себе.

То, что это зубы каких-то древних ископаемых чудовищ, ему ясно с самого начала: недаром он так увлекался палеонтологией, будучи еще студентом Мюнхенского университета. И вовсе не пресмыкающихся или, во всяком случае, в основном не пресмыкающихся: зубы, так же как и кости (в аптеках и то и другое называют зубами), принадлежат крупным млекопитающим.

У каждого есть свои маленькие слабости, свои увлечения. Коллекционирование зубов все больше и больше берет в плен Габерера. Он не жалеет ни сил, ни средств и в течение нескольких лет сколачивает уникальную коллекцию. И, надо сказать, весьма полезную для науки. В 1913 году он привозит ее в Германию и передает знаменитому в те годы немецкому палеонтологу Макс Шлоссеру, — зубы, принадлежащие примерно ста видам животных, из коих многие давным-давно вымерли: древние антилопы, жирафы, гиены, махайроды, слоны и носогорбые антилопы.

Деревня Чжоукоудянь. В ее окрестностях пещера Коцетанг, где жили синантропы.

роги, некогда резвившиеся в тех местах, где ныне находится Пекин.

Среди множества зубов один совсем необычный: передний моляр, который, по мнению Шлоссера, мог принадлежать человеку с чертами обезьяны или обезьяне с чертами человека.

■

Тремя годами позже, в самый разгар первой мировой войны, в 1916 году, доктор Гуннар Андерссон, на сей раз не врач, а геолог из нейтральной Швеции, прибывает в Китай, чтобы возглавить только что организованную службу геологии этой страны. Знаток и любитель древнекитайской цивилизации, Андерссон с жаром берется за дело. Его интересует все: палеонтология, археология, древнее искусство.

Так случилось, что в 1918 году Андерссон очутился в местечке Чжоукоудянь, в сорока километрах юго-восточнее Пекина. Андерссон знает: в Чжоукоудяне сделаны находки древних костей. Местность тут действительно примечательная: кругом в скалах гроты. Он на-

хотят...
нужется за...
Вскоре...
присылает...
Помимо...
Андерссон и...
уже находят...
Полушутя...
для древних...
остатки».

4
Зданский в...
бой несколько я...
исследователям...
них краях.
А вскоре в...
престола. По э...
научную конфер...
Он просит З...
лой фауне Чжоу...
Ответ прихо...
Зданский. По м...
насчитал учени...
сорог, буйвол...
это два зуба...
берера.
Об одном з...
опознан Здан...
Андерссон...
я предсказыв...
Последний...
рых найдены...
давним врем...
чем тут че...
ли они? Все...
же...
А профес...
вает этого ч...

ходит кое-какие ископаемые кости и недолго думая принимается за раскопки.

Вскоре он получает подкрепление: по его просьбе ему присылают помощника, австрийца Отто Зданского.

Помимо зубов древних животных, костей оленей, Андерссон и Зданский в большой расселине в Чжоукоудяне находят куски заостренного кварца.

Полушутя Андерссон говорит: «Вот, видите, орудия древних людей. Вам остается только найти их останки».

4

Зданский в 1923 году покидает Китай и увозит с собой несколько ящиков костей, которые многое говорят исследователям о давних геологических эпохах в здешних краях.

А вскоре в Пекин приезжает наследник шведского престола. По этому поводу Андерссон решает устроить научную конференцию.

Он просит Зданского прислать краткий отчет о былой фауне Чжоукоудяня.

Ответ приходит обстоятельный, как все, что делал Зданский. По меньшей мере, двадцать видов животных насчитал ученый в древних отложениях. В их числе носорог, буйвол, медведь. Но самый большой сюрприз — это два зуба, напоминавшие зуб из коллекции Габера.

Об одном зубе Андерссон знал и раньше. Вторым был опознан Зданским.

Андерссон в восторге. «Мы нашли человека, которого я предсказывал», — пишет он Зданскому.

Последний более осторожен: как-никак слои, в которых найдены зубы, относятся, по его мнению, к очень давним временам, порядка около миллиона лет. При чем тут человеческие зубы? И потом, человеческие ли они?

Все же Зданский относит зубы к виду «человек».

А профессор Грабау из пекинского института называет этого человека пекинским.

Но никакого человека еще нет. Есть два зуба. И они остаются проблематичными до того счастливого дня, когда, вдохновленный их находкой, в поиск включается еще один специалист, на сей раз специалист по ископаемым людским черепам.

Звали ученого Дэвидсон Блэк. Канадец по национальности, он был в то время профессором анатомии в медицинском колледже Пекина. Блэк не сидел сложа руки. Он побывал в Джоу, пытаясь разыскать следы доисторических людей в пещерах и речных террасах Монголии. Затем поехал в Сиам. Но ничего заслуживающего внимания не нашел.

И вот тут такой случай! Блэк думает об одном: находка зубов не случайна. Надо предпринимать широкие раскопки, поскольку очень похоже, что ученые разыскали какое-то интересное место.

Достаточно ознакомиться с геологическими срезами Чжоукоудяня и посмотреть самому здешний ландшафт, и идея о том, что здесь в глубокой древности мог жить человек, не покажется такой уж абсурдной.

Блэк развивает бурную деятельность. Ему удастся организовать даже целую лабораторию. Основная цель этой лаборатории, которая получила название «Исследовательской кайнозойской», — широкий поиск останков людей, начиная с самых отдаленных времен.

«Зубная история» продолжается. С апреля 1927 года по октябрь один из помощников Блэка, молодой шведский ученый Болин, вместе со своими рабочими переворачивает в Чжоукоудяне на Драконовом холме, в пещере Коцетанг, более трех тысяч кубических метров земли.

Они находят бесчисленное множество костей древних животных — и ни одной человеческой.

Пора кончать работу. Но за три дня до предусмотренного срока, 16 октября, Болин наконец делает важную находку.

Снова зуб! Большой внутренний моляр. Внешний облик его вполне человеческий. И в то же время он явно отличается от зубов современных людей.

Не откладывая дела в долгий ящик, Болин мчится

в Пекин. Поздно вечером, усталый, запыхавшийся, но безумно счастливый, Болин находит Блэка.

Канадец у себя дома и только расположился работать: уже давно Блэк обнаружил, что в ночной тишине и спокойствии ему работается гораздо легче и лучше, чем днем. К тому же днем он вечно занят преподавательской деятельностью.

...Двое ученых чуть не до зари вертят найденный зуб, сравнивают его с зубами современных китайских детей (зуб принадлежит примерно восьмилетнему ребенку), с зубами шимпанзе, с зубами неандертальцев, — в ход пущена чуть ли не вся большая коллекция Блэка. Больше всего зуб, казалось, походил на один из тех, что был найден Андерссоном.

Добрый месяц продолжает Блэк свои изыскания и приходит к выводу: зуб принадлежал человеку, жившему в очень давние времена, новому роду ископаемых человекообразных — гоминид.

Что же это был за человек? Описать его Блэк, разумеется, не может. Но дать ему видовое название в силах ученого. Синантропом — китайским первобытным человеком — называет его Блэк. И прибавляет: пекинский.

Раскопки на Драконовом холме.

Когда-то Кювье говорил: дайте мне кость, и я восстановлю вам внешний облик любого животного. Теперь специалист в области человеческой анатомии, биолог, геолог и врач Дэвидсон Блэк по одному лишь зубу предсказывает неведомую науке особь в человеческой семье!

Самое поразительное во всей этой истории, что он почти полностью прав. И час, когда это станет ясно, совсем недалек. А пока что Блэк берет отпуск и едет сначала в Америку, потом в Европу. На массивной золотой цепи у него брелок. В брелоке зуб, который Блэк демонстрирует своим коллегам. Коричневый зуб с многочисленными бороздками производит впечатление. Но не слишком ли все-таки узка база для столь широкого обобщения, какое сделал исследователь?

... За деревушкой Чжоукоудянь раскинулась равнина Хо-пай. Здесь можно увидеть современный экспресс, который мчится с подобающей ему скоростью, и древний караванный путь, по которому понуро бредут, как и тысячу лет назад, мягко ставя ноги на красноватую землю, одногорбые китайские верблюды.

Старое и новое... На холме Драконовых костей тоже каждодневно происходит эта встреча древнего и нового.

Время, скоротечное, но одновременно долгое время, оставило здесь свои следы. Потоки воды в незапамятные времена изрешетили, изъязвили, издырявили и Драконовый холм, и его окрестности, превратив расселины, подземные переходы, пещеры в одну из тех кладовых, где, кажется, сама природа позаботилась сохранить кое-что из прошлого для тех, кто впоследствии заинтересуется им.

Чем дальше роют рабочие, тем яснее становится, что Котцептанг, эта широкая расселина в холме Драконовых костей, одна из самых необычных на свете.

За два сезона (1927—1929) экспедиция проводит в раскопках шестьдесят четыре недели. Вынуто, просмотрено, просеяно без малого четыре тысячи кубометров

земли. Урожай костей огромен. В Пекин отправлено чуть ли не полторы тысячи ящиков.

Но настоящий праздник настает лишь второго декабря 1929 года. В этот день, в четыре часа пополудни, молодой ученый Пэй Вэнь-Чжун, один из ассистентов Блэка, возглавивший после того, как уехал Болин, экспедицию, находит череп.

8

Это был череп очень древнего человека. Обличьем — массивный, сплошной надглазничный валик, необычайная массивность и толщина стенок — он напоминал, и весьма основательно, череп питекантропа, найденного Дюбуа. Хотя и казался чуть-чуть более «цивилизованным» — свод черепа был несколько выше.

Впрочем, в первый момент мало кто думал о питекантропе. Пэй видел только одно: на полу пещеры, маленькой боковой пещеры, которую незадолго до того начали расчищать, среди кучи всяких обломков костей виднелся человеческий череп. Частично он был покрыт рыхлым слоем песка, а частично буквально впаян в какой-то пористый камень...

На следующий день череп вместе с куском каменного блока, в котором он находился, был извлечен из пещеры.

А затем его завернули в бумагу, запеленали в ткань и отправили в Пекин.

Блэк с нетерпением ждал находку.

Высвободить череп из каменного плена заняло без малого четыре месяца. Впоследствии Кенигсвальд, который видел этот череп, напишет: «Он был относительно небольшим [принадлежал юноше. — А. В.] и низким. Лба, собственно говоря, не было, а над орбитами находился широкий надглазничный валик, аналогию которому можно найти только у антропоидов. Однако, с точки зрения анатомической, можно было не сомневаться, что речь идет о черепе первобытного человека».

Синантроп?

Да, говорит Блэк, тот самый синантроп, чье существование он предсказал.

Раскопки продолжаются. И вскоре на свет появля-

Д. Блэк.

ются остатки еще одного черепа. Это случилось в июле 1930 года. Нашел его все тот же Пэй. Череп, по-видимому, принадлежит женщине.

9

Здесь многое было иначе, чем на Яве. Во-первых, более определенной и более четкой при всех общих трудностях была датировка: не надо было гадать, к какому

периоду относятся слои, в которых находили черепа. Во-вторых, в отличие от Явы, в Чжоукоудяне были найдены куски кремня, которые, как остроумно заметит Кенигсвальд, были достаточно похожи на орудия, чтобы их можно было признать таковыми. В-третьих, наконец, и это было достаточно сенсационно, синантропы знали огонь: в земле сохранилась зола от костров, которые, судя по количеству золы, горели тут достаточно долго.

Поток находок в Чжоукоудяне все ширится. И не только из большой пещеры, но и из пяти других, раскапываемых в недрах холма.

Блэк в восторге. Одному из своих знакомых он говорит: «Подумать только! Занимаешься тем делом, о котором мечтал всю жизнь, и тебе еще за это платят!»

Ночи напролет проводит ученый в лаборатории. Утром, приходя на работу, его секретарь находит на столе необходимые указания, рукописи, которые надо было перепечатать.

Здоровье Блэка, однако, не в порядке. Пошаливает сердце. Однажды, когда он взбирается на Драконовый холм, с ним случается сердечный приступ. Некоторое время спустя приступ повторяется. Блэк продолжает трудиться. И по-прежнему мало спит: обычно всего несколько часов под самое утро и утром.

Ему бы
изучение нов
Пятнадцат
кретарь заст
сидел за пись
кинского чело

10

К моменту
вается: неско
жили человек
что формы не
что в Чжоукоу
и во все возр
но и кости кон
плечевых, кл
1938 года из
длина сто се
пятьдесят метр
счетам, останк
ловек. Из них
И вот то
Дюбуа: череп
обезьяньего о
900 до 1250
ше, чем у об
отличаются о
Конечно,
тропы не пе
прямо.
Нашлись,
смущать. Не
кости уж оче
Как ни тр
и кости нахо
с тысячами ф
ветствующей
дительносьми,
ные кости пр
А человеку

Ему бы отдохнуть, полечиться, а он хотел закончить изучение нового ископаемого человека...

Пятнадцатого марта 1934 года, придя на работу, секретарь застал своего шефа мертвым. Дэвидсон Блэк кинского человека.

10

К моменту его смерти почти никто уже не сомневается: несколько сот тысяч лет тому назад в Китае жили человекообезьяны. Мы говорим «почти», потому что фомы неверующие всегда находятся. Дело в том, что в Чжоукоудяне удастся разыскать не только черепа, и во все возрастающем количестве — добрую дюжину, но и кости конечностей, в частности семь бедренных, две плечевых, ключицу, кость запястья. Всего к началу 1938 года из огромной пещеры в Драконовом холме — длина сто семьдесят пять метров, ширина и глубина пятьдесят метров — были извлечены, по некоторым подсчетам, останки не менее тридцати восьми — сорока человек. Из них примерно пятнадцать детей.

И вот то же несоответствие, что и у питекантропа Дюбуа: черепные крышки еще в достаточной степени обезьяньего облика (хотя объем черепной коробки от 900 до 1250 см³, а в среднем 1050, что намного выше, чем у обезьяны), а кости конечностей, по сути, не отличаются от костей современного человека.

Конечно, это свидетельствовало о том, что синантропы не передвигались на четвереньках, а ходили прямо.

Нашлись, однако, специалисты, которых это стало смущать. Нет, не сам факт прямохождения, а то, что кости уж очень походили на наши с вами.

Как ни трудно было оспорить тот факт, что и черепа, и кости находились в одних слоях, да еще вперемежку с тысячами фрагментов костей древних животных соответствующей эпохи, что делало находки особенно убедительными, все же кое-кто стал «доказывать»: найденные кости принадлежат вовсе не синантропу. Кому же? А человеку современного вида.

И хотя даже с точки зрения здравого смысла слишком невероятным представлялось, чтобы в одних и тех же отложениях, в одних и тех же слоях, почему-либо могли оказаться остатки двух различных, отделенных — теперь уже это не составляло секрета — сотнями тысяч лет человеческих существ, да еще так причудливо «подобранных» (череп и зубы — одних, а всякого рода кости — других), вопрос этот дебатировался, и находились сторонники и таких воззрений.

Истина, однако, прокладывает себе дорогу. В глазах большинства ученых синантропы сродни питекантропу, во всяком случае, находятся где-то на близкой к нему ступени, хотя вроде бы они помоложе и несколько ближе к человеку: нижняя челюсть менее массивна, зубы менее примитивны, емкость черепной коробки, как мы уже отмечали, побольше, чем у питекантропа.

Есть и некоторые другие морфологические различия.

Так что же, можно считать, что найдено еще одно «недостающее звено»? Что в кладовых Земли обнаружена еще одна «модель», наглядно показывающая, как, постепенно видоизменяясь, наши обезьяньи предки шли или могли идти «в люди»?

Именно так представляет себе это большинство ученых.

11

Помимо бесценных останков обезьянолюдей, помимо костей животных, свидетельствующих о том, что синантропы жили тут, как определяют ученые, триста пятьдесят — четыреста тысяч лет назад, еще и орудия: ранние, один из самых ранних орудий. Из песчаника, кварца, кварцита грубо обработанные рубящие орудия с широким овальным лезвием. И во множестве отщепы и пластины; не исключено, что их использовали как режущие инструменты.

Ростом синантроп примерно 1 м 56 см, но похоже, что слабая половина была не выше 1 м 44 см и что вообще женщины значительно уступали в силе мужчинам.

Жили синантропы более или менее оседло и довольно большими группами. По всей вероятности, обладали примитивной речью.

Сина
...Блэка
денрейх. За г
манию, ставш
Учену
жен, может
холм.

Синантроп. (Реконструкция М. Герасимова.)

... Блэка на посту руководителя сменяет Франц Вейденрейх. За год до этого он отказался вернуться в Германию, ставшую гитлеровской.

Ученому шестьдесят два. Но он по-юношески подвижен, может чуть не бегом взобраться на Драконов холм.

Орудия синантропа.

Пещеры Чжоу
антропы.
В 1930 году в
верхних гротах на
уже бесспорно
нам. Что же удив
репов показывает:
массивные, с высо
Вейденрейх так
тическими черепа
нием — присутству
Сокровища, доб
синантропов, нахо
война, их на месте
Что в точност
сих пор.
Достаточно яс
ны прошло уже д
дов замечательно
И это очень
ков человека в
же потерять их.
сняты слепки.
После войны
грех, «жила» с
ливо продолжал
такие: фрагмен
и нижняя чел
...Пока, в
в науку обезья
сделаны новы
Дальнейшие
визитных
И это, с

Одна за другой выходят несколько его монографий, посвященных находкам синантропа. Блэк был прав, утверждает Вейденрейх. Синантроп — человек. Но только примитивный.

12

Пещеры Чжоукоудяня — это, однако, не только синантропы.

В 1930 году еще при жизни Блэка в одном из верхних гротов находят несколько погребений. Здесь уже бесспорно иные времена, гораздо более близкие к нам. Что же удивительного, если изучение остатков черепов показывает: человек кроманьонского типа. Череп массивные, с высоким сводом и наклонным лбом.

Вейденрейх так и напишет: явное сходство с палеолитическими черепами Западной Европы, с одним отличием — присутствуют монголоидные черты.

Сокровища, добытые в Чжоукоудяне, черепа и кости синантропов, находились в Пекине. Когда закончилась война, их на месте не оказалось.

Что в точности произошло, нам неизвестно и до сих пор.

Достаточно ясно только одно: со дня окончания войны прошло уже двадцать с лишним лет, а никаких следов замечательной коллекции нет.

И это очень обидно: найти останки одного из предков человека в земле через четыреста тысяч лет и тут же потерять их. Хорошо еще, что, как полагается, были сняты слепки.

После войны раскопки возобновились. Но, как на грех, «жила» оказалась исчерпанной. Много лет терпеливо продолжали свой поиск ученые. Результаты были такие: фрагменты большой берцовой и плечевой костей и нижняя челюсть синантропа.

...Пока, в тридцатых годах, торжественно входил в науку обезьяночеловек из Чжоукоудяня, на Яве были сделаны новые фундаментальнейшие находки.

Дядюшка-питекантроп прислал еще несколько своих визитных карточек.

И это было очень кстати.

Глава III

ОДИССЕЯ РАЛЬФА ФОН КЕНИГСВАЛЬДА

1

Место действия нам уже знакомо. Отчасти мы знакомы и с главным действующим лицом — Кенигсвальдом. Что же касается времени, то нам, пожалуй, лучше всего остановиться на 1930 годе. Именно в том году закончивший курс молодой немецкий палеонтолог, учившийся в университетах Берлина, Тюбингена, Кельна и Мюнхена, был приглашен на работу геологической службой Нидерландской Индии (время шло, а Индонезия все еще продолжала оставаться колонией).

В январе 1931 года Ральф фон Кенигсвальд, который, по собственному признанию, «на лету» схватил представившуюся возможность, высадился в порту Джакарты. Так начались путешествия одного из самых известных и самых удачливых из ныне живущих охотников за ископаемыми черепами. Где только не придется побывать неутомимому исследователю: остров Ява, Чжоукоудянь, Южная Африка! И везде — открытия. И везде новые, добытые в честном научном поиске факты, которые ныне в сокровищнице антропологии.

Но в ту пору Ральф Кенигсвальд был еще молодым и начинающим. И мечтал он об одном: разыскать то, что не захотел сделать Дюбуа, что не сумела осуществить экспедиция, которую возглавила жена безвременно скончавшегося Эмиля Зеленки: разыскать останки еще хотя бы одного питекантропа.

Очень было нужно науке это древнее существо, в особенности теперь, после открытия синантропа. Впрочем, и без синантропа находка новых экземпляров питекантропа сама по себе была достаточно важной. И поэтому можно себе представить, как обрадовались ученые, когда в 1926 году газеты в Батавии торжественно объявили, что некий доктор Геберсейн из Сурабайи нашел

снова все в том же Триниле черепную крышку питекантропа.

Увы, вскоре последовало опровержение.

В служебные обязанности Кенигсвальда поиски питекантропа не входили. Задача была куда более скромной. Поскольку геологическая карта Явы к тому времени устарела, служба геологии была занята составлением новой. Палеонтологи, в том числе и Кенигсвальд, должны были изучать те ископаемые кости, которые находили геологи, сравнивать слои, в которых они были найдены, и затем наносить полученные данные на схему будущей карты. К счастью, это означало поездки по всей Яве и, в частности, в те места, где удалось докопаться до древних слоев. Но именно там-то и можно было ожидать новых встреч с ископаемыми людьми.

Кенигсвальд это все отлично понимает: недаром он с такой охотой завербовался на нелегкую, в общем, службу. И потом, он тоже из породы одержимых: с юношеских лет настойчиво собирает коллекции костей и зубов.

Он на Яве. А раз так, то почему бы ему и не повторить подвиг Дюбуа, не совершить новое открытие?

2

Открытие действительно происходит. И неожиданное. Тер-Хаару, геологу, работавшему в одной партии с Кенигсвальдом, удастся разыскать в Нгандонге, в двенадцати километрах к северу от Триниля, несколько черепов. Череп, бесспорно, древний. Но никакого отношения к питекантропам не имеют. Впрочем, само по себе открытие исключительной важности. По той простой причине, что никто никогда еще до тех пор не находил в Азии останки людей неандертальского облика. А здесь — вот они. По меньшей мере, шесть более или менее сохранившихся черепных коробок. Крупных, длинных, значительно более длинных, чем черепа синантропов.

Ширина, высота черепа также напоминают неандертальские. Но есть и отклонения. Такие отклонения, которые сближают их как-то с питекантропами.

И все же это, бесспорно, какая-то более поздняя ветвь. Какая именно? Ученые еще долго будут по данному поводу спорить.

А пока они спорили (скажем честно, окончательного мнения нет и по сию пору), Кенигсвальд продолжает свой поиск. И столь успешно, что уже в 1936 году один из его сборщиков (Кенигсвальд не мог сам поспеть повсюду, да и не было в этом необходимости) сумел осуществить на Яве еще одно открытие чрезвычайной важности.

3

На западной оконечности Явы, между Моджокерто и Сурабайей, примерно в тридцати километрах северо-западнее Сурабайи, находится холмистая местность, хорошо известная на острове. И не даром: здесь нефть! Занимаясь все той же геологической картой, Кенигсвальд и его коллеги убедились, что тут на склонах холмов можно найти остатки такой же ископаемой фауны, что и в Триниле. И еще, пожалуй, более древней.

Эту фауну исследователи окрестили фауной «джетис», по названию одного из близлежащих селений. И одним из характерных для нее животных оказалось животное, напоминавшее антилопу. Но антилопу, у которой рога помещались непосредственно над глазами. И вот в начале 1936 года один из работников экспедиции наткнулся в пласте песчаника недалеко от Моджокерто на остатки черепа такой антилопы. Он принялся копать дальше и на глубине не более метра вдруг увидел любопытный маленький череп, чьи стенки, как впоследствии заметит Кенигсвальд, были настолько тонки, что напоминали скорлупу страусова яйца. С большими предосторожностями рабочий извлек череп и отправил его в Бандунг. В письме к Кенигсвальду и другим ученым он писал, что вот, мол, череп орангутанга.

Рабочий ошибся. Это был череп древнейшего человека. Точнее, ребенка: ни лица, ни зубов, только мозговая коробка. Сколько же лет было ему? Кенигсвальд посчитал, что не менее двух, поскольку роднички уже закрылись. И благоразумно добавил, что кто его знает, как обстояли дела в этом смысле у питекантропа.

Место находки
Ибо как ни ма-
черепная коробка.
были черты, хар-
Дюбуа.
Сам Дюбуа не
питекантроп? — с
тропа нет, есть г
И все-таки
И миру пришло
4
Случилось
этого еще в 19
Явы. Здесь в с
его не было
справлялся

Место находки питекантропа в Сангиране.

Ибо как ни мала, как ни нежна была эта древняя черепная коробка, в ней явно, пусть в зачаточной форме, были черты, характерные для питекантропа, найденного Дюбуа.

Сам Дюбуа не признал в ней «родича». «При чем тут питекантроп? — с возмущением заявил он. — Питекантропа нет, есть гиббон».

И все-таки прав был Кенигсвальд, а не Дюбуа. И миру пришлось вскоре в этом убедиться.

Случилось так, что Кенигсвальда за два года до этого, еще в 1934 году, послали в центральную часть Явы. Здесь в свое время побывал и Дюбуа, но местность его не очень заинтересовала. Вместе с Кенигсвальдом отправился и его сборщик, Аتما.

Позади путешественников остался вулкан Мерапи, весь укутанный опасным дымным шлейфом. Впереди — вулкан Лаву, который хорошо виден и из Триниля: шестьдесят километров еще не самое большое расстояние.

Кенигсвальд делает несколько проб: флора и фауна древних напластований тут сходна с тринильской. А раз так, то нельзя ли ожидать здесь еще одного питекантропа?

В своей книге «Первые люди на земле» Кенигсвальд напишет: «С первого дня у меня возникло предчувствие, что я тут разыщу нового питекантропа. Но когда?»

В силу целого ряда обстоятельств — не очень быстро.

Лишь в 1937 году Кенигсвальду удалось заинтересовать один из американских институтов и получить нужное вспомоществование. Часть денег он перевел своему помощнику. Возвратился он на Яву в июне. И в первой же корзинке с ископаемыми костями, которую ему, после того как он приехал, переслал Атма, Кенигсвальд обнаружил фрагмент крупной, массивной и лишенной подбородочного выступа челюсти. Она была такого характерного обличья, что Кенигсвальду уже после беглого осмотра стало ясно: челюсть древнего человека.

Питекантропа? Да, пожалуй.

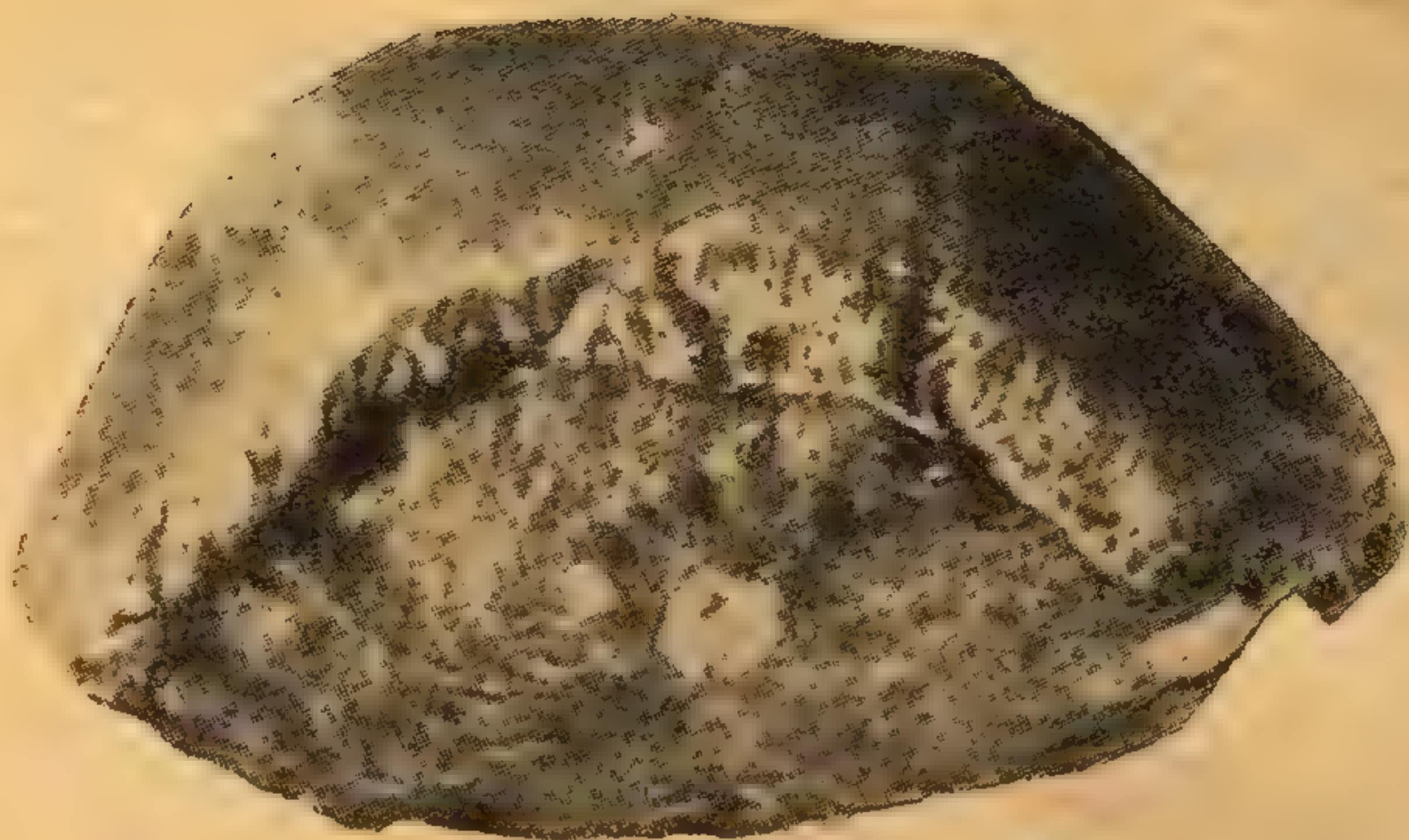
Не успел еще Кенигсвальд ее толком исследовать (установить твердо, в каком слое она была найдена, оказалось почти невозможным), как последовала новая находка. На этот раз еще более значительная и менее спорная.

Но предоставим слово самому Кенигсвальду: «В начале сентября 1937 года Атма написал мне, что он еще не нашел останков орангутанга, но что зато ему удалось разыскать кусочек человеческого черепа. И он мне переслал его. . . Утром я был на месте находки. Оно находилось на берегу реки Кали Тьеморо. . . Я привлек всех жителей деревушки, которые мне подвернулись под руку, показал им фрагмент черепной коробки и пообещал щедрую награду.

Мы принялись методично, метр за метром, исследовать склон холма, и вскоре мне принесли несколько фрагментов черепа, к несчастью, очень мелких. Лишь впоследствии я понял, что это части относительно боль-

шого фрагмента, ко
бы побольше зарабо
Повезло и мне: я н
продолжили наши р
кости обнаружили с
более чем достаточ
ружить новый череп
Вечером счастли
роил праздник. И
склеили все находк
ный, чем можно б
шлись даже части
выми отверстиями
репная крышка о
Но лицевые кости
Черепная кры
столько походила
текантропа, что
жат одному и то

Кенигсвальд
Дюбуа. Как ле
вот он, долгот

Черепная крышка питекантропа.

шого фрагмента, который мои следопыты разбили, чтобы побольше заработать (плата шла за каждый кусок). Повезло и мне: я нашел часть фронтальной кости. Мы продолжили наши раскопки до полудня и в общей сложности обнаружили сорок фрагментов черепа. Этого было более чем достаточно, чтобы понять: мне удалось обнаружить новый череп питекантропа».

Вечером счастливый исследователь задал пир и устроил праздник. И было в честь чего! Когда в Бандунге склеили все находки, то оказалось, что череп более полный, чем можно было первоначально предполагать. Нашлись даже части височных костей с наружными слуховыми отверстиями и ямками для нижней челюсти. Черепная крышка оказалась почти в полном «комплекте». Но лицевые кости отсутствовали.

Черепная крышка, найденная Кенигсвальдом, настолько походила на черепную крышку тринильского питекантропа, что отпадали все сомнения: они принадлежат одному и тому же виду.

Кенигсвальд делает фотографию и отправляет ее Дюбуа. Как не порадовать патриарха: ведь наконец-то вот он, долгожданный второй экземпляр питекантропа,

и особенности черепа бесспорно подтверждают, что те, кто видит в этом существе древнейшего человека, правы, безусловно правы!

Дюбуа не находит нужным ответить ему. Зато в одном из журналов он публикует фотографию, присланную Кенигсвальдом, и краткий комментарий, из которого явствует, что, по его мнению, при сборке размеры черепа были уменьшены.

Почему такой вывод?

Потому, что Дюбуа вымерял все по клише и позабыл о перспективе!

Кенигсвальд протестует. Тогда Дюбуа все в том же журнале объясняет: он не хотел никого оскорбить, а тем более обвинить в фальсификации, но череп был разбит на такое количество фрагментов, что даже он, Дюбуа, со своим пятидесятилетним опытом, был бы, очевидно, так же, как и Кенигсвальд, неспособен точно воспроизвести его первоначальный облик.

А самое главное, хотя Дюбуа и признает, что череп из Сангирана человеческий и что кривизна его совпадает с кривизной его «собственного» питекантропа, упрямый старик не хочет отказаться от своей новой трактовки: найденный им череп принадлежит гиббону.

Спорить бесполезно. Дюбуа не изменит своего мнения. А Кенигсвальд делает внутричерепной отлив и посылает его в Амстердам.

Два виднейших специалиста — Бумани и Капперс — подтверждают полное сходство с таким же муляжом питекантропа Дюбуа.

Итак, сходство не только внешнее (оно бросается в глаза), а, так сказать, и внутреннее.

Такой же массивный, сплошной надглазничный валик, такой же низкий свод. Емкость мозговой коробки? Она невелика — 775 см³. Но ведь и у современных людей тоже емкость бывает разная, в том числе и сравнительно небольшая.

И наряду с обезьяноподобными и бесспорно человеческие особенности: хорошо выраженная сочленовая ямка, наружное слуховое отверстие расположено под продолжением скуловой дуги.

Самый древний из известных нам людей! Живший не менее 600 000 лет назад!

Р Кенигсвальд
И тут Кенигсвальд
мысль: а почему
трона? Он обраща
его к себе в Пеки
на Яве...
теменные...
10
Человек...

Р. Кенигсвальд (справа) и Ф. Вейденрейх.

И тут Кенигсвальду приходит в голову счастливая мысль: а почему бы не сравнить питекантропа и синантропа? Он обращается к Вейденрейху, и тот приглашает его к себе в Пекин. Но еще до того как он туда уезжает, на Яве находят обломок черепа молодого питекантропа: теменные кости и фрагмент затылочной кости.

Начало 1939 года. Впервые в мире в стенах одной и той же лаборатории два черепа древнейших людей. Синантроп вроде бы помоложе? Да, конечно. Но вот что любопытно. Оба типа ископаемых людей так близки друг к другу, что Кенигсвальд и Вейденрейх приходят к дружному выводу: «джентльмены» находятся в необычайно близком родстве!

А это значит, что смущавшее умы «несовпадение» примитивных еще черепов, весьма обезьяноподобных, и бедренных костей, почти не отличающихся от человеческих (а то и другое, мы знаем, встретилось и у питекантропа и у синантропа), вовсе не случайность. Наоборот! Теперь становится ясным, что это закономерность. Что это одна из характернейших черт древнейших людей. И что, очевидно, в процессе очеловечивания, изменение строения таза и костей, приспособлявшихся к прямохождению, на определенном этапе обгоняло эволюцию черепа и мозга.

Вывод наиважнейший!

А все-таки питекантроп был попримитивнее синантропа. Ведь емкость мозговой коробки (это потом будет еще не раз проверено) у синантропов несколько больше — в среднем на 150 см³, а нижняя челюсть менее массивна. Ну, и должен же был, как ни медленно все происходило в то время, почувствоваться какой-то прогресс!

Здесь мнения расходятся. Вейденрейх, например, доказывал, что синантроп более примитивен. И он, и Кенигсвальд не только не склонны возводить синантропа в особый род, но и вообще доказывают, что различия между питекантропом и синантропом ничуть не больше, чем, скажем, различия между людьми разных рас в наше время.

Так ли это, пока не до конца ясно. Но даже если ученые и ошибаются, то, вероятно, ненамного. Ибо питекантропы и синантропы — сейчас это признано — вовсе не разные «ступени», как казалось вначале, как предполагал Блэк. И тог и другой — питекантропы. Найденный на Яве — яванский питекантроп. Найденный в Китае — пекинский питекантроп. В лучшем случае, это

7
К тому времени
воду на Яве
гелантропа. И с
еще двух челюст
вероятнее всего
знакомому, пите
Находит тепер
челюсть, которая
нений у ученых,
дельбергская, че
Находка был
сяти километрах
к югу от устья Н
вушка Мауэр. А
в семидесятих г
карьера песок.
Карьер при
ловеку, не чуж
Шетензаком
укоснительно
нет-нет да и на
Шетензак с
вало, приговар
вот бы древн
«Мне бы знат
кверху дном п
чий Даниель
копать песок,
заступ, вместе
Она была дос
яином.
Результат
10*

разные виды, из коих синантроп (во всяком случае, синантропы, чьи останки нашли в Чжоукоудяне) несколько помоложе и, очевидно, обладал большими специфическими особенностями человека.

Но тот и другой — древнейшие люди.

7

К тому времени, когда наука приходит к этому выводу, на Яве находят фрагменты еще одного черепа питекантропа. И большую часть верхней челюсти. А потом еще двух челюстей, которые, хотя и вызывают споры, вероятнее всего, тоже принадлежат нашему старому знакомому, питекантропу прямоходящему.

Находит теперь свое более четкое место и еще одна челюсть, которая в свое время вызвала немало тревожений у ученых, так называемая мауэровская, или гейдельбергская, челюсть.

Находка была сделана в Германии в 1907 году, в десяти километрах от Гейдельберга и в шести километрах к югу от устья Неккера. Здесь издавна находилась деревушка Мауэр. А в пятистах примерно метрах от нее еще в семидесятых годах прошлого века начали добывать из карьера песок.

Карьер принадлежал некоему господину Рэшу, человеку, не чуждому науке. Он дружил с профессором Шетензаком из Гейдельбергского университета и неукопнительно доставлял ему все древние кости, которые нет-нет да и находили при работах.

Шетензак охотно принимал приношения. И все, бывало, приговаривал: «Млекопитающие — это хорошо. Но вот бы древнего человека найти!» Рэш отшучивался: «Мне бы знать, где лежат его кости, я бы весь карьер кверху дном перевернул».

А 26 октября 1907 года произошло следующее: рабочий Даниель Гартманн, как всегда, принялся аккуратно копать песок, когда вдруг, воткнув в очередной раз заступ, вместе с песком вытащил и очередную кость. Она была достаточно необычна, и он побежал за хозяином.

Результатом сего события явилось письмо, которое

на следующий день получил Шетензак. В нем было сказано: «Еще двадцать лет назад вы предприняли попытку, исследуя находки в моем карьере, напасть на следы древнего человека, чтобы получить доказательство, что и в нашей местности в одно время с мамонтом жил человек. Вчера это доказательство сыскалось: на глубине двадцати с лишним метров была обнаружена нижняя челюсть, со всеми зубами, в очень хорошем состоянии, принадлежащая древнему человеку».

Надо ли говорить, что Шетензак тут же отправился в Мауэр. Все то, о чем писал ему Рэш, было верным. Даже то, что челюсть принадлежит какому-то в Европе еще невиданно древнему человеку. Ибо как иначе оценить эту необычайно крупных размеров челюсть, массивную, тяжелую, широкую, без подбородочного выступа, явно напоминающую еще обезьянью, и зубы, которые почти не отличаются от зубов современного человека. И зубную дугу, которая имеет типично человеческую подковообразную форму. Сама по себе челюсть еще могла бы сойти за челюсть гориллы или какого-нибудь гиббона. Но зубы чуть побольше, чем у современного человека, и только! Но похожий на человеческий прикус!

Тогда это было внове. И даже вызывало некоторое недоумение, хотя, как говорится, против фактов не пойдешь.

Челюсть свидетельствовала: в очень далекие времена (сейчас мы знаем: около трехсот тысяч лет назад) вместе с древним слоном, с так называемым этрусским носорогом и другими представителями теплолюбивой фауны в Европе жил и какой-то древний человек, совмещавший в себе обезьяньи и человеческие черты.

Ему дают имя: человек гейдельбергский.

Теперь, когда в распоряжении ученых уже несколько древнейших челюстей (в найденной Кенигсвальдом челюсти питекантропа из Сангирана четыре зуба; сохранились остатки зубов и в некоторых челюстях синантропов), становится ясным: сочетание обезьяньих признаков в строении и форме челюсти и человеческих признаков в строении зубов тоже, очевидно, закономерность. Закономерность на определенном этапе развития, на определенном этапе эволюции человека.

И хотя зубы у гейдельбергца значительно более че-

ловеческие, чем у синантропа и питекантропа (как-никак он, очевидно, все-таки был моложе и, уж во всяком случае, более «развитым»), его, очевидно, наиболее правильно тоже причислить к питекантропам. Как самостоятельный вид.

8

Только ли в Азии и Европе жили питекантропы? Нет, говорят сейчас ученые. В Африке тоже. К питекантропам следует отнести (несмотря на некоторые особенности) и так называемого атлантропа; в 1954 году нашли две, а в 1955 году третью нижнюю челюсть этого предка, да еще правую теменную кость в песчаном карьере Тернифина, возле города Маскара в Алжире. Челюсти очень массивны. И у них тоже нет подбородочного выступа. Но если говорить о сходстве, то они скорее все же походят на челюсти яванского и китайского питекантропов, чем гейдельбержца.

Один очаг первоначального человечества... Другой... Третий...

Питекантропом, то есть представителем людей, которых мы несколько условно называем древнейшими (мы говорим «условно», ибо эти люди прошли уже долгий путь в своем развитии), является и сиднабберрахманский человек, найденный в 1954 году близ города Касабланки в Марокко. И так называемый питекантроп олдовайский, чью черепную крышку все в той же Африке, на этот раз в ее центральной части, в ущелье Олдовай, разыскал английский ученый Лики в 1960 году.

Вот как потянулась цепочка! А ведь все началось не так уж давно, и сколько еще наверняка предстоит открыть! И хотя споры по поводу тех или иных частных вопросов, частных определений продолжаются по-прежнему (не так-то просто в каждом отдельном случае рассудить, что за экземпляр перед тобой), сейчас уже совершенно безошибочно можно утверждать: питекантропы — определенная и закономерная стадия эволюции человека. Это во-первых. А во-вторых, как и следовало ожидать, область распространения этих первобытных существ достаточно обширна: Азия, Европа, Африка.

Мы еще вернемся к вопросу о прародине человека. В данном случае нам важно подчеркнуть другое.

Уже шестьсот — шестьсот пятьдесят тысяч лет назад наша матушка-Земля оказалась заселенной двуногими существами, изготавливавшими орудия. Эти существа еще были довольно близки по обличью к обезьянам. Но одновременно имели и человеческие черты.

Мы знаем, как они выглядели. Знаем, какими орудиями они пользовались. Орудия были еще достаточно примитивны. При всем том они обеспечивали главное: путь к прогрессу. И не суть важно, что с яванскими питекантропами, в отличие от синантропов, не были найдены их орудия. Человеческие орудия тех же времен, к которым относятся питекантропы, были найдены на Яве тем же Кенигсвальдом сами по себе, в других местах. И подобные же орудия — ученые научились, с легкой руки Буше де Перта, Ларте, Мортилье и других пионеров, различать и разграничивать их достаточно уверенно, — орудия, относящиеся к тем же временам древнекаменного века, были найдены на значительных территориях и в Южной и Юго-Восточной Азии, и в Африке и на Ближнем Востоке, и в значительной части Европы.

... Они еще примитивны, эти люди. Они еще полу-животные, еще дикие, беспомощные перед силами природы. И много еще чисто биологических изменений должны они претерпеть, прежде чем приблизиться к современному человеку.

Но они уже ушли от обезьян, какими бы высокоразвитыми ни были последние. Ушли хотя бы потому, что у них, у питекантропов, свободные руки, и по земле они ходят прямо. Пусть не так прямо, как мы. Зато и не становясь на четвереньки.

А почему? А как? Как произошел этот сдвиг?

Все дальше и дальше в глубь веков идут в своих поисках антропологи.

И при этом выясняются интереснейшие вещи.

В тот летний день профессор Дарт был не в духе. Мертвая тень приятеля ему придала радный сюртук и обладала этим он не любил, но окна, что к их дому вели железной дороги достоянием сказала: «Умоляю, не все прибрано, с миской, не забывай: ты же Все это соответствовало и хозяйном. И все-таки большому не свадьба, не гости, ленных ящиков. Им же жена выйдет из кухни крахмальный воротник распаковывать груз.

За некоторое время в перерыве между Жозефина Салмонс и Яны. Он был найден в Бечуаналенде, и, к этому ископаемому баб Дарт был почти ошиблась. Никто и

Глава IV

ПО СЛЕДАМ ЮЖНОЙ ОБЕЗЬЯНЫ

1

В тот летний день (дело происходило в 1924 году) профессор медицинской школы при университете в Йоганнесбурге, в Южной Африке, Раймонд Дарт был не в духе. Мало того что по случаю бракосочетания приятеля ему пришлось извлечь из нафталина парадный сюртук и облачиться в крахмальную рубашку, а этого он не любил, но еще вдобавок жена, увидев из окна, что к их дому двое служащих южноафриканской железной дороги доставили два больших ящика, в сердцах сказала: «Умоляю, Рей, только после свадьбы. В доме все прибрано, с минуты на минуту надо ехать в церковь, не забывай: ты шафер».

Все это соответствовало истине. К тому же свадьбу справляли в доме Дарта, и он был не только шафером, но и хозяином.

И все-таки больше всего на свете его интересовала не свадьба, не гости, а содержимое наконец-то доставленных ящиков. Именно поэтому, дождавшись, пока жена выйдет из комнаты, он с удовольствием сорвал крахмальный воротничок и, засучив рукава, принялся распаковывать груз.

2

За некоторое время до описываемых событий к Дарту в перерыве между лекциями подошла его лаборантка Жозефина Салмонс. «Профессор, — сказала она, — у одного знакомого я вчера видела череп ископаемой обезьяны. Он был найден в известняковом карьере Таунг, в Бечуаналенде, и, простите меня за дерзость, по-моему, это ископаемый бабуин».

Дарт был почти полностью уверен, что его ученица ошиблась. Никто и никогда еще не находил черепа иско-

паемого павиана в Южной Африке. Но все же на всякий случай сказал: «С удовольствием посмотрел бы этот череп. Если вы правы, это очень интересно».

Череп был доставлен.

Дарт вертел его и так и сяк. И чем больше вертел и рассматривал, тем сильнее билось его сердце. Находка была первоклассной: действительно бабуин, да еще ископаемый, и не известного никому вида. Обратил внимание Дарт и на то, что в черепной крышке была какая-то дыра, словно бы сделанная оружием. Но тогда, первоначально, он не придал ей особого значения. В конце концов это было частностью. Важен был сам череп.

И поэтому несколько минут спустя Дарт был уже в автомобиле. Старенький «форд» модели «Т» мчал его к приятелю и коллеге доктору Юнгу, геологу и преподавателю университета. Выбор был правильный. Юнг не только хорошо знал известняковый карьер в Таунге, но, как выяснилось в разговоре, был еще и уполномочен владельцами разработок посетить в ближайшие дни соседний рудник. И он пообещал поговорить с производителем работ в Таунге, попросить его пересылать новые находки Дарту.

Вернувшись, Юнг сообщил: некий старый рудокоп, оказывается, издавна собирал в Таунге всякого рода ископаемые кости. Не далее как на прошлой неделе он привез целую кучу костей начальнику карьера. И тот, узнав, что они нужны профессору, распорядился переслать их по железной дороге Дарту.

Багаж прибыл в самое неурочное время...

3

В нетерпении срывает Дарт крышку с первого ящика, всматривается, и, увы, не видит ничего интересного: следы окаменевшей яичной скорлупы и черепашьи панцири. Правда, вот несколько обломков кости, но мелкие, не поймешь даже чьи.

Неужто и во втором ящике то же самое?

Впоследствии Дарт напишет: «Самое большее, на что я рассчитывал, — был череп бабуина. Но я не подозревал, что из этого ящика взглянет на мир совсем иное

существо, существо, обитавшее в Таунге добрый миллион лет назад».

Как только Дарт снял крышку, он увидел на самом верху, на куче камней отвердевший слепок внутренней части черепа.

4

Дарт достаточно опытен, чтобы понять: слепок необычен. Здесь, в затвердевшем от известняка песке, точная копия мозга, но размером в три раза больше, чем у бабуина, и крупнее, чем у взрослого шимпанзе.

Этот мозг не был достаточно большим для древнего человека, но для обезьяны это был большой и выпуклой формы мозг, и, что самое главное, передняя часть мозга была относительно большая и хорошо развита.

Где же вместилище слепка?

Позабыв и о свадьбе, и обо всем на свете, Дарт перерывает буквально весь ящик и находит камень, в который, как в футляр, входит слепок. В камне — едва различимые очертания сломанного черепа и даже нижней челюсти.

Ученому не дают поразмыслить над находкой. Единственное, что он еще успевает заметить, — на задней части верхней поверхности слепка совершенно четко выделяются две хорошо очерченные бороздки, те самые, которые встречаются и у обезьян, и у людей. С той только разницей, что у человека расстояние между бороздками больше — ведь больше и мозг — и бороздки отходят назад. Так вот: в слепке мозга, найденного в Таунге, расстояние по крайней мере в три раза больше, чем у любой из известных Дарту живущих обезьян, будь то шимпанзе или горилла.

Странно... Такое существо должно было быть намного разумнее любой — во всяком случае, из ныне существующих — обезьяны.

А затем кто-то дергает его за рукав. Дарт поднимает глаза и видит жениха. «Ты сума сошел, — кричит тот. — Невеста уже едет! — И добавляет: — Если ты сейчас же не оденешься, мне придется искать другого шафера».

Что поделаешь. Дарт приводит себя в порядок, за-

крывает ящик, не забыв при этом положить слепок и камень с челюстью в гардероб.

Едваждавшись конца церемонии и проводив всех гостей, он возвращается к своему сокровищу.

5

Что делала, как жила здесь антропоидная обезьяна с мозгом, большим, чем у шимпанзе? Вдалеке от лесов и джунглей, в открытых, лишенных деревьев прериях Трансвааля?

Это тем более странно, что, если верить специалистам, климатические условия тут не менялись со времен мелового периода. По меньшей мере, семьдесят миллионов лет!

В Трансваале нет пищи для обезьян, если только они, наподобие бабуинов, не питались насекомыми и скорпионами, ящерицами и птичьими яйцами, ягодами и личинками гусениц.

Но, может быть, странная обезьяна с большим мозгом питалась еще чем-нибудь?

И тут Дарт вспоминает о дырке в черепной коробке бабуина, того, что разыскала мисс Салмонс. А ведь бабуин из того же карьера и, возможно, из тех же слоев.

Правдоподобно ли это? Действительно ли какие-то обезьяны с большим мозгом ловили и употребляли в пищу бабуинов? Да еще притом умудрялись проламывать им черепа, чтобы полакомиться мозгом?

Если это соответствует истине, значит, обезьяны были умными и храбрыми. И, кроме того, умели обращаться с какими-то орудиями — камнями, например, или палками.

А может быть, эти существа уже не были обезьянами?

...Перед ученым — камень. В камне — череп. И никого, кто бы мог ему помочь советом.

Сначала в ход пошли молоток и зубило. Потом, когда уже можно было более или менее ясно себе представить расположение черепа, Дарт решил, что ему удобнее всего действовать вязальной спицей. Спица принадлежала жене и, признаться, была взята без спроса.

6

Впоследствии
няли в том, что
заклучениям о
включая изучени
ка, ему понадоби
Это действи
обстоятельство,
или аналогичну
изучал по мен
результаты тол
ли не всех си
инстанций.
Дарта тако

Два с лишним месяца, улучая свободные минуты, Дарт выковыривал затвердевший известняк из передней части черепа и глазных впадин. И все яснее становилось: у существа нет таких больших надбровных дуг, как обычно у обезьян, челюсть не выпячена вперед, а укорочена.

23 декабря, как раз под рождество, на семьдесят третий день работы, Дарт увидел лицо.

Существо, обладавшее столь большим мозгом, вовсе не было гигантской обезьяной, наподобие, скажем, гориллы. Нет, рост, вероятно, был вовсе не велик. И вообще это была не взрослая особь. Судя по черепу, это был «ребенок», но уже с полным набором молочных зубов и с начавшими появляться первыми молярами.

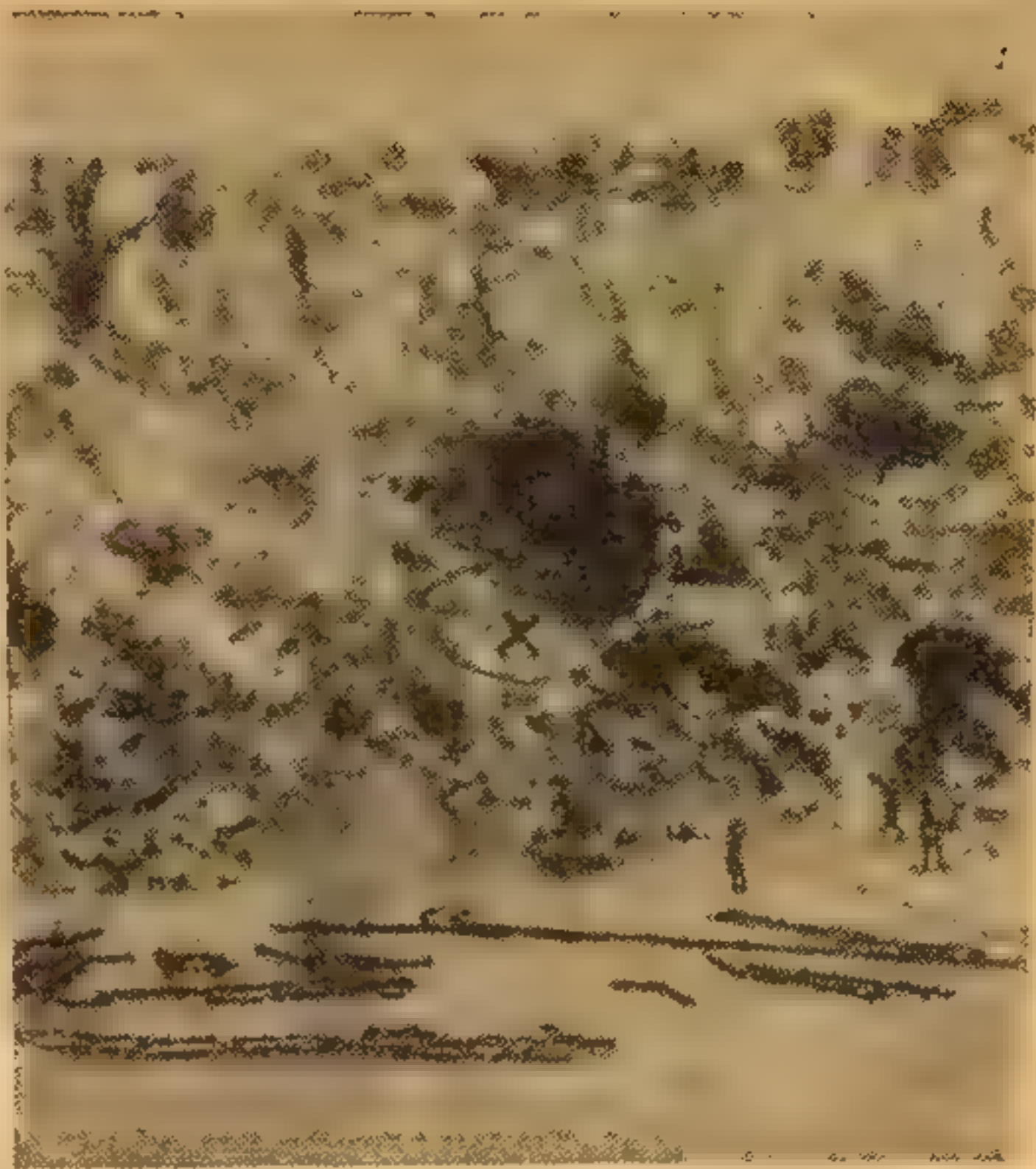
... «Бэби из Таунга» оказался неплохим рождественским подарком.

6

Впоследствии Дарта, как он сам об этом писал, обвиняли в том, что он слишком быстро пришел к своим заключениям о загадочном существе: на все про все, включая изучение черепа, зубов и внутричерепного слепка, ему понадобилось лишь четыре месяца.

Это действительно было немного, если учесть то обстоятельство, что обычно ученый, сделавший такую или аналогичную находку, держал ее в страшной тайне, изучал по меньшей мере с десятков лет и публиковал результаты только после того, как узнавал мнение чуть ли не всех специалистов и соответствующих научных инстанций.

Дарта такой подход к делу не устраивал. Нет, он не

Южная Африка. Таунг. Место находки черепа австралопитека.

был самонадеянным. Но, во-первых, он действительно был первоклассным специалистом, одним из тех трех-четырех человек на всем свете, кто мог оценить находку во всей ее значительности и, главное, достаточно компетентно ее исследовать. А во-вторых, он вообще считал, что подобная находка является всеобщим достоянием и чем скорее она будет исследована, тем лучше.

Поразмыслить все же было над чем. Прежде всего обращал на себя внимание объем мозга. Хотя мозг и принадлежал особи, не достигшей даже юношеского возраста, тем не менее он был достаточно велик — 520 см³, в то время как, например, объем мозга взрослого шимпанзе равен 320—480 см³.

Примечательна была и форма мозга. У обезьян мозг в полном соответствии с черепной коробкой: низкий, широкий, приплюснутый. И передний мозг не перекрывает задний. Здесь череп был узкий и высокий, передний мозг полностью покрывал задний.

Еще более примечательными были черты лица и зубы. Таунгский младенец не был похож ни на шимпанзе, ни на гориллу. Мы уже говорили: у него почти не было надбровных дуг, а лоб был не таким покатым. Клыки, как и у людей, были маленькие и, очевидно, служили для разжевывания пищи.

Обезьяночеловек?

Плоскогорье, на котором он обитал, было засушливым и отделено от реки Замбези широким открытым пространством. На западе, от Атлантического океана до Родезии, простиралась пустыня Калахари, а между Родезией и Драконовыми горами раскинулась саванна.

Этот естественный барьер, судя по некоторым данным, с мелового периода должен был сдерживать продвижение с юга любых полудревесных обезьян, таких, как горилла и шимпанзе.

А вот новоявленного младенца и, соответственно, всех его родичей он не сдержал: они преодолели барьер.

Когда? Что-нибудь около миллиона лет назад.

Находка была сделана в Южном полушарии. Поэтому Дарт назвал своего бэби австралопитеком — южной обезьяной.

Одно из составляющих слов было греческим, а другое — латинским, и это послужило поводом для нападок

на Дарта. Одним из ископаемых антропосородни человек поидов.

7
Вот несколько вавших после на ле «Нейчер» ло опубликована Роберт Бр сород Дартом шими обезьян Эллиот С. можно, и пра для своего

Детский череп австралопитека.

на Дарта. Одним из многих. Ибо Дарт утверждал, что ископаемый антропоид, обнаруженный в Таунге, более сродни человеку, чем любой из ныне живущих антропоидов.

7

Вот несколько высказываний антропологов, последовавших после того, как в известном английском журнале «Нейчер» («Природа») от 3 февраля 1925 года было опубликовано сообщение Дарта.

Роберт Брум. «Новая форма, обнаруженная профессором Дартом, является связующим звеном между высшими обезьянами и одним из низших типов человека».

Эллиот Смит, учитель Дарта. «Профессор Дарт, возможно, и прав, создавая новый вид и даже новый род для своего интересного ископаемого, ибо различия, по

сравнению с живущими африканскими антропоидами, которые так четко выявились у этой молодой особи, должны были еще более разительно проявиться у взрослых. Но нам очень бы хотелось, чтобы исследователь сообщил данные о геологическом возрасте, точных условиях находки и опубликовал описание формы зубов».

Профессор Смит Вудвард. «Если судить по фотографии, уважаемый профессор ничего не мог углядеть в глазных впадинах, строении носа и клыках, что приближало бы данную особь к человеку ближе, чем соответствующие части черепа современного шимпанзе».

Мнения были разноречивы. Но самым любопытным было, конечно, письмо, опубликованное в одной из газет, — открытое письмо Дарту. В нем было сказано: «Как можете Вы, с таким даром гения, данным богом, а не обезьяной, изменить Вашему создателю, став активным пособником сатаны и его послушным орудием?»

8

Австралопитек привлек всеобщий интерес.

Все же многие продолжали относиться к нему с большим скепсисом. Дарт считает, что находка перебрасывает мост между обезьянами и людьми? Что найден прапредок человека? Это еще надо доказать. И когда в 1931 году Дарт приехал в Лондон, то ведущих антропологов гораздо больше волновал вопрос о вновь открытом в Чжоукоудяне синантропе, чем «бэби из Таунга». Во всяком случае, как писал сам Дарт, его не покидало чувство, что он «не сумел никого убедить в том, что его бэби — предок».

Кстати, именно к этому приезду Дарта относится эпизод, который мог закончиться более чем печально. Возвращаясь к себе в гостиницу, жена Дарта забыла череп из Таунга в такси. Дело осложнялось тем, что вспомнила она об этом по меньшей мере через час, а номера такси она, конечно, не заметила.

Была поднята на ноги полиция, и лишь где-то около четырех часов ночи дежурный сержант одного из полицейских участков Лондона получил небольшой, обернутый коричневой бумагой ящичек.

Голова детеныша
найденному близ

...Дарт стоял.
Это, однако,
вом могли служи
Никаких нов
из Таунга», впл
Новое здесь
антропологу и
деревушке Ма
Кару, в Африк
развлечения. А
больных. И хо
в конечном ит

9

1936 год. И
вал еще при
чальником взр
далеко от Иол
но заметили
кранс и Кр
жество пещер
толщущущи

Голова детеныша австралопитека, воспроизведенная по черепу, найденному близ Таунга. (Реконструкция М. Герасимова.)

... Дарт стоял на своем: им найден обезьяночеловек. Это, однако, следовало еще доказать. Доказательством могли служить лишь новые факты.

Никаких новых находок существ, похожих на «бэби из Таунга», вплоть до 1936 года сделано не было.

Новое здесь суждено было сказать Роберту Бруму, антропологу и врачу, который, практикуя в маленькой деревушке Макасси, расположенной на краю пустыни Кару, в Африке, вначале собирал ископаемые кости для развлечения. А потом так увлекся, что позабыл о своих больных. И хотя он был неплохим врачом, человечество, в конечном итоге, вероятно, только выиграло от этого.

9

1936 год. Некий мистер Барлоу, который присутствовал еще при находке таунгского младенца, назначен начальником взрывных работ в Стеркфонтейн. Это не очень далеко от Йоганнесбурга, и дотошные туристы уже давно заметили здесь и в близлежащих деревушках Сварткранс и Крюгерсдорп, неподалеку от каменоломен, множество пещер. Пещеры глубоко уходят в известняковую толщу ущелья, и кирка и лопата тут не очень в помощь.

Р. Брум.

Поэтому палеонтологи и геологи весьма обрадовались, когда узнали, что в Стеркфонтейне прибегли к динамиту: при взрывных работах могло найтись что-либо интересное.

Дождаться было не в привычках Брума. Он едет к Барлоу и говорит: «Вы помните таунгский череп? Если найдете здесь что-либо подобное, сообщите, пожалуйста, мне. Это очень важно».

Барлоу давно уже подторговывает ископае-

мыми находками, но ему не хочется показать свою заинтересованность, и поэтому он отвечает Бруму довольно прохладно. Нет, он не отказывается. Он просто говорит, что посмотрит, чем сумеет быть полезен.

Неделю спустя Брум становится обладателем четырех фрагментов черепа, которые, правда, еще надо отделить от известняка.

17 августа 1936 года навсегда запомнилось Бруму: помимо всего прочего, именно он сумел воспользоваться плодами забавного приглашения, которое висело на улице в Йоганнесбурге: «Езжайте в Стеркфонтейн, там Вы найдете «недостающее звено».

На следующий день Брум, на этот раз сам, находит еще несколько фрагментов. Судя по всему, это взрослая особь и она похожа на австралопитека. Но у нее и свои своеобразные черты.

Плезантропом трансваальским называет Брум свою находку, несколько отличающуюся от того «предка», что был описан Дартом.

Счастье продолжает улыбаться Бруму. 8 июня 1938 года все в том же Стеркфонтейне Барлоу отзывает его в сторону и протягивает кусочек небной кости с сохранившимся первым верхним моляром. Брум платит деньги — два фунта стерлингов — и принимается рассматривать покупку. На кости виден свежий надлом.

Означает ли это, что она сломана сравнительно недавно?

Этот вопрос Брум задает Барлоу.

— Мне ее передали в таком виде, — отвечает начальник взрывных работ. Ему не очень хочется выдавать свои профессиональные секреты, но все же он продолжает: — Находка сделана не мной и не в Стеркфонтейне.

— Где же? — спрашивает Брум.

— В трех километрах от Стеркфонтейна, на ферме Тербланш, близ Кромдраая.

— Кто первооткрыватель?

— Школьник Герт Тербланш. По воскресным дням, а иногда и после занятий он водит туристов по окрестным пещерам.

Брум едет к Герту и не застаёт его: мальчик в школе. Дома только мать и сестра. От них он узнаёт примерное место находки и то, что у Герта осталось еще кое-что про запас. Нетерпение Брума так велико, что он не может дожидаться, когда тот вернется домой. Он сам идет в школу. По его просьбе директор вызывает мальчика с урока.

И вот — о счастье! — Тербланш спокойно вытаскивает из кармана четыре зуба. О них Брум со свойственной ему пылкостью впоследствии скажет: «Самые замечательные зубы во всей мировой истории».

Еще бы: они принадлежат не виданному еще австралопитеку.

Ученому не терпится отправиться туда, где все это было разыскано, но ему приходится выступить на своего рода пресс-конференции. Сто двадцать учеников и четыре учителя с удовольствием слушают популярную лекцию о пользе ископаемых костей.

Всему бывает конец. Герт Тербланш приводит Брума на заветное место и отдает спрятанную там нижнюю челюсть с еще двумя зубами.

В течение последующих трех дней Бруму удастся в общих чертах реконструировать чуть ли не всю голову нового ископаемого существа. Мы говорим «нового», потому что оно, при всей близости к предыдущим, в то же время несколько отличалось от них. Отличалось настолько, что Брум выделяет его в особый род.

Кромдраай, место находки австралопитека.

Три месяца спустя отчет о находке «плезинтропа массивного» появляется в Лондоне под весьма лихим заголовком: «Недостающих звеньев» больше нет!»

10

Надо сказать, что находки в Кромдраае действительно значительны. Здесь, помимо кусков черепа и зубов, удалось разыскать и отдельные кости скелета австралопитеков (общее название сохраняется), в том числе нижнюю часть правой предплечной кости и несколько костей левой руки.

Семидесятилетний Брум в восторге: такого экземпляра, как в Кромдраае, еще не находили. У существа сильная челюсть, нога с отставленным большим пальцем; похожие на человеческие, хотя и большие, зубы и, насколько можно судить, близкая к человеческой рука.

Тем временем в Стеркфонтейне находят бедренную кость австралопитека. Сомнений нет: она принадлежит существу невысокого роста — с современного бушмена, — обладавшему прямохождением.

Самое любопытное заключается в том, что, по мнению ряда специалистов, зубная система австралопитеков

В 1941 году в
одна из
палеонтолог. сэр А.
В статье было са
«Когда пр
ратни ребенка
его родстве с че
щищал ту точку зр
особь, то окажется
в Африке антропо
подобно профессо
подтверждается д
профессор Дарт,
либо на той ли
формам, либо г

11

В 1947 го
в Кромдраае
носит розыск
И вновь
дней, как он
цевой части
зубами и ли
верхними мо
всего лишь
надцать лет
череп, счаст
один почти
ской особи.

и ставших к тому времени хорошо известных синантропов весьма и весьма близки.

Новые находки подтвердили и размышления Дарта о пище, которую употребляли австралопитеки. В появившейся в 1939 году статье, принадлежавшей перу двух крупнейших специалистов, исследовавших зубную систему вновь найденных австралопитеков, было сказано: «Состояние зубной полости показывает, что их обладатели уже в значительной степени перешли от фруктов и растений к употреблению мясной пищи».

В 1941 году в «Нейчер» была помещена статья. Ее написал один из самых старых и почтенных английских антропологов, сэр Артур Кизс.

В статье было сказано:

«Когда профессор Дарт объявил в «Нейчер» об открытии ребенка-австралопитека и выступил с заявлением о его родстве с человеком, я был одним из тех, кто защищал ту точку зрения, что если будет найдена взрослая особь, то окажется, что это существо ближе к живущим в Африке антропоидам — горилле и шимпанзе. Сейчас, подобно профессору Ле Гро Кларку, я убежден, и это подтверждается данными д-ра Роберта Брума, что прав профессор Дарт, а не прав я. Австралопитеки находятся либо на той линии, которая привела к человеческим формам, либо где-то вблизи нее».

11

В 1947 году Брум принимается за очередной поиск в Кромдрае. Не найдя, однако, ничего дельного, переносит розыск в Стеркфонтейн.

И вновь ему улыбается удача. Не проходит и пяти дней, как он становится обладателем раздробленной лицевой части черепа юноши-австралопитека с шестью зубами и лицевой части детского черепа с несколькими верхними молочными молярами. А в апреле 1948 года, всего лишь в нескольких ярдах от того места, где двенадцать лет назад был найден первый стеркфонтейнский череп, счастливый взрыв доставил исследователю еще один почти целехонький череп, принадлежавший женской особи.

В том числе и австралопитеков.

Ибо в Макапансгате Дарту, вернее, его помощнику Джеймсу Китгину довольно быстро удалось найти заднюю часть черепной коробки, которая принадлежала одному из этих существ. Череп несколько отличался от тех, которые были найдены в Стеркфонтейне и Кромдраае, и Дарт дал ему особое название — «австралопитек прометеев», в честь греческого героя, который, как известно, подарил людям огонь.

Ученому хотелось увековечить находку, сделанную в Макапансгате за двадцать два года до этого: может быть, австралопитеки знали секрет огня?

Доказать это Дарту не удалось, но название привилось.

В июле 1948 года Дарт нашел еще одну нижнюю челюсть австралопитека. Она принадлежала ребенку лет двенадцати и была сломана в двух местах. Передние четыре зуба были выбиты то ли дубинкой, то ли ударом кулака.

И по-прежнему нет-нет да и находили останки бабуинов с разбитыми черепными коробками.

13

Тут действительно было над чем призадуматься: когда Дарт пересмотрел все сорок два черепа бабуинов, найденных к тому времени в Таунге, Стеркфонтейне и Макапансгате, он убедился, что, по меньшей мере, двадцать семь из них имели следы удара, нанесенного спереди.

В шести случаях удар был нанесен сзади.

«Ни горилла, ни шимпанзе не может ни боксировать, ни наносить удары дубинкой или палкой — эти действия теснейшим образом связаны с прямохождением и соответствующим развитием глаз и руки», — раздумывал Дарт. Не является ли способность австралопитеков к подобным занятиям лишним доказательством в пользу предположения об их близости к человеку?

Но чем они наносили удары?

Именно этот вопрос Дарт задал своему коллеге профессору Макинтошу. Макинтош был человеком акаде-

мического склада ума. Он внимательно осмотрел черепа, а потом начал рассуждать. Смысл его рассуждений сводился к тому, что поскольку пуль в то время, очевидно, не было, то, вероятнее всего, это следы увечья, нанесенные тяжелой костью или еще каким-либо подобным орудием.

Чаше всего во время раскопок Дарту встречались верхние плечевые кости антилопы. И вроде бы получается, что именно эта кость — Дарт проверил это не единожды — и давала тот эффективный удар, который заканчивал бабуинов: кости точно входили в отверстия.

Возможно, что австралопитеки пускали в ход и рога, и заостренные концы сломанных костей. Впрочем, тонкие черепа детенышей-бабуинов можно было легко сокрушить и ударом кулака.

Тщательно исследовав свыше семи тысяч фрагментов, найденных в Макапансгате, «столице» австралопитеков прометеевых, Дарт пришел к выводу, что австралопитеки умели выделять необходимые им орудия. Не из камня — это, по его мнению, следующий этап или, во всяком случае, более поздний, а из «подручного» материала — костей.

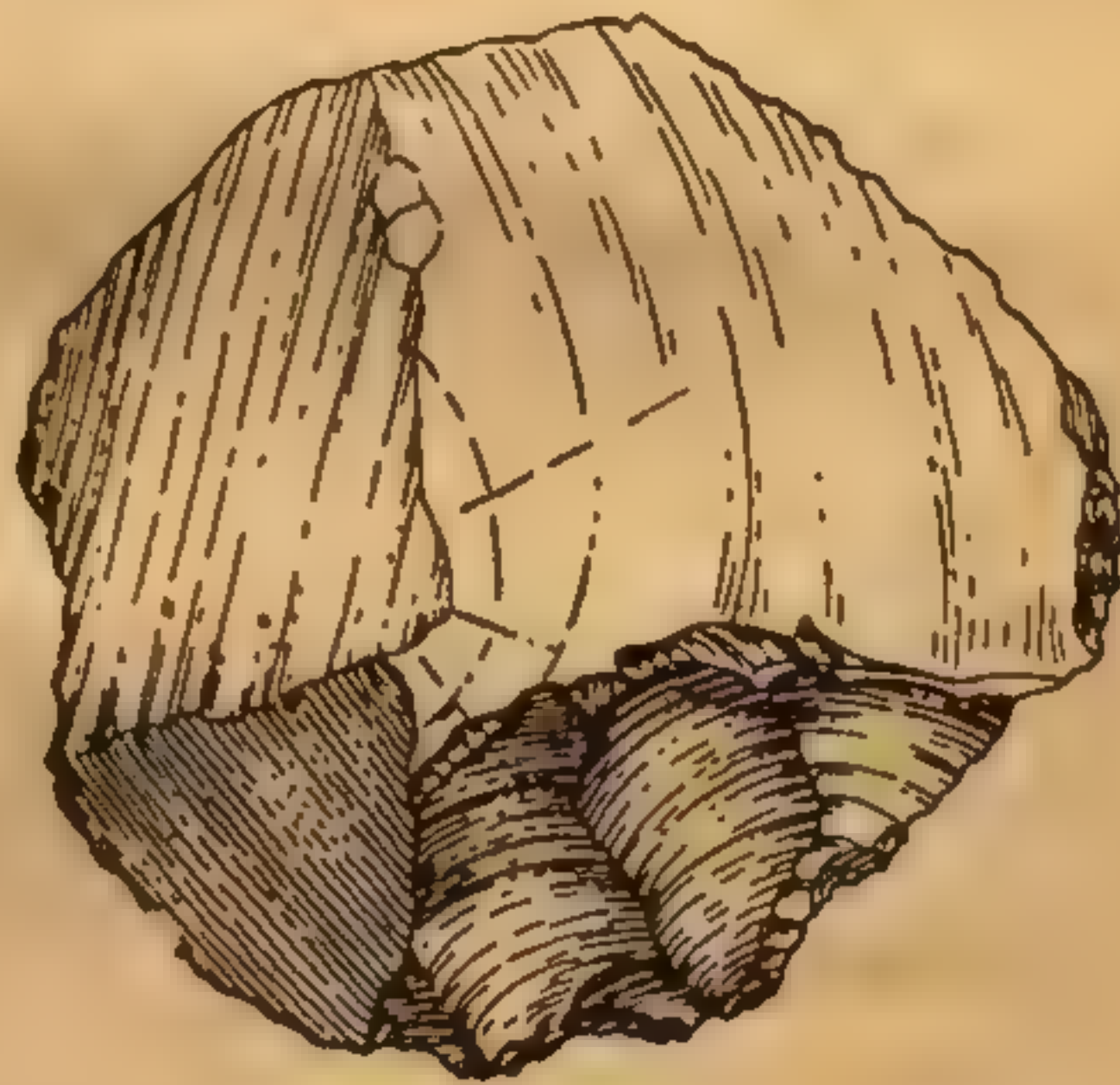
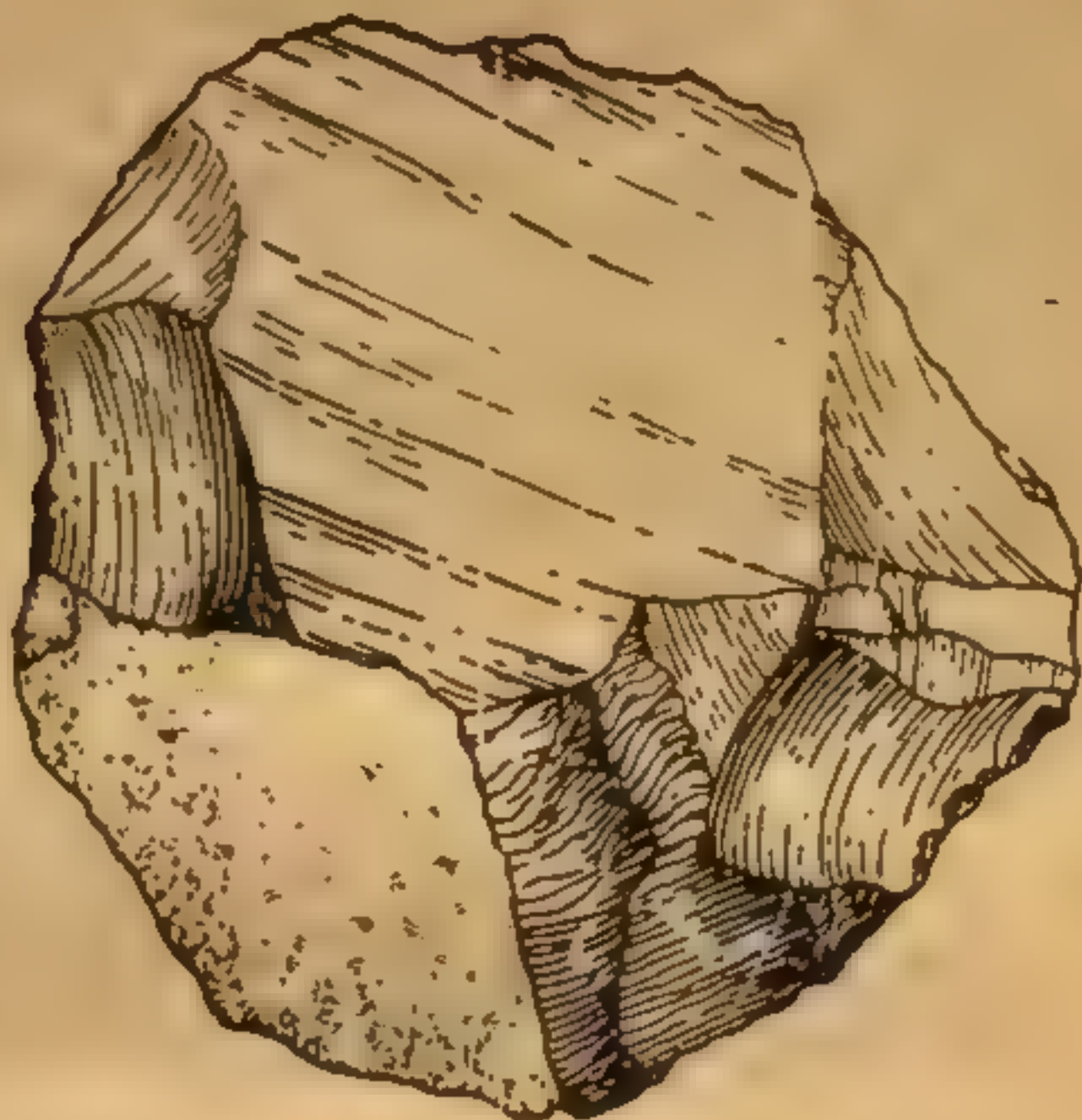
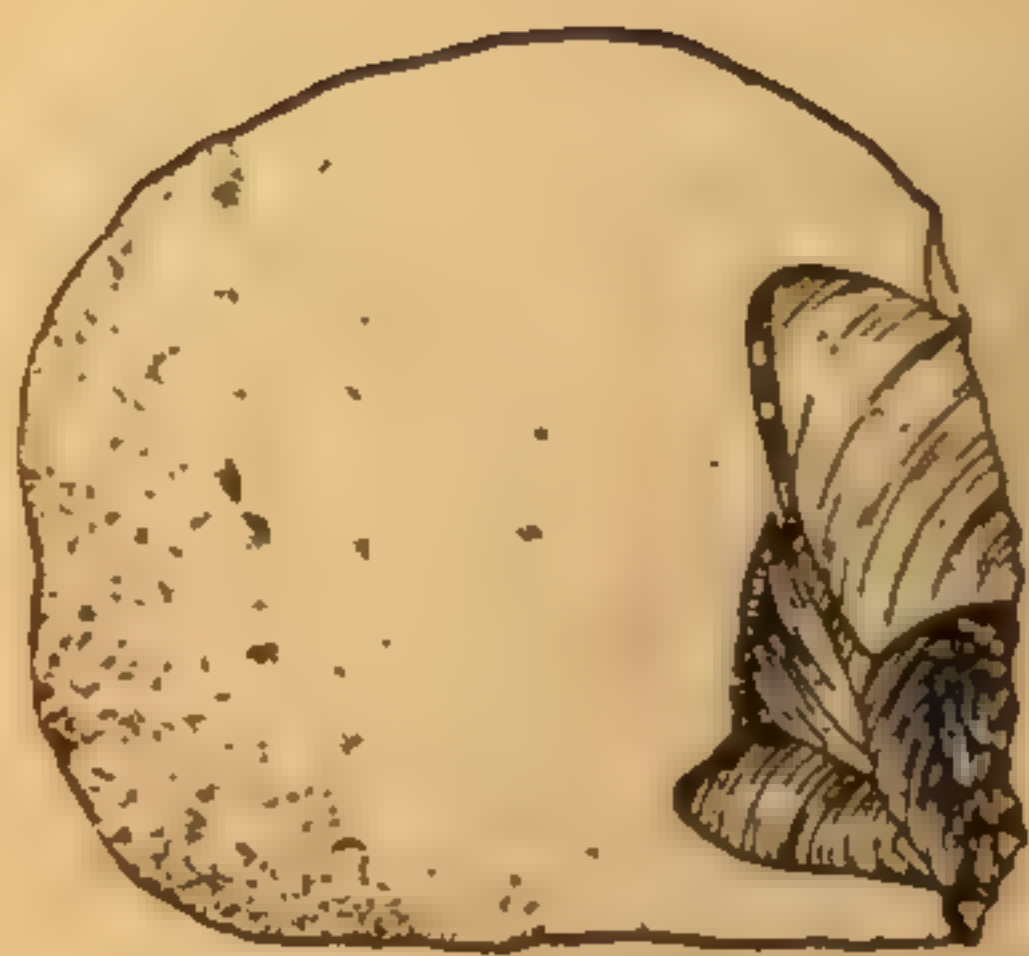
И что вообще именно из костей изготавливались наидревнейшие орудия человека. И ударные и колющие. Первые — это нижние челюсти копытных животных вместе с зубами; вторые — длинные кости рога антилоп, которых великое множество было и в древности в Трансваале.

Кинжал, палица, нож — все это, доказывал Дарт, уже было в арсенале австралопитеков раньше, чем человек научился их выделять из камня, бронзы и железа.

Мнения расходятся, но даже если Дарт и увлекся, даже если австралопитеки и не изготавливали орудий, а только пользовались, так сказать, подручными средствами, это тоже немало.

Между прочим (это тоже любопытно), существо, открытое Дартом, засвидетельствовало, что господствовавшее еще лет сорок назад воззрение, будто развитие мозга является первоначальным фактором человеческой эволюции, по меньшей мере опрометчиво. У австралопитеков зубы, кости конечностей и челюсти более похожи на человеческие, чем мозг.

Древние каменные орудия Средней Африки (Трансвааль).

Оно было, очевидно, весьма ловким и хватким, это существо, охотник «широкого профиля» и разнообразных наклоностей. В ручьях, на деревьях, на земле, под землей находили себе добычу австралопитеки, справляясь с рептилиями, птицами, грызунами, хищниками, копытными.

Семь с лишним тысяч исследованных Дартом фрагментов — это, по меньшей мере, четыреста с лишним особей. И среди тех, кто сложил свои кости и попал в руки австралопитеков, тридцать девять антилоп куду, сто газелей, четыре ископаемые лошади, шесть жирафов, пять носорогов, гиппопотам, двадцать диких кабанов и сорок пять бабуинов. Охотились австралопитеки и на дикобразов, черепах, крабов.

Существо, обладавшее, как мы уже говорили, прямохождением, пользовавшееся орудиями и, возможно, даже умевшее их изготавливать, питавшееся мясом, — такое существо, кем бы оно ни было, должно было уже значительно отличаться от своих растительноядных предков.

Как тут не вспомнить слова Энгельса: «...привычка к мясной пище наряду с растительной чрезвычайно способствовала увеличению физической силы и самостоятельности формирующегося человека. Но наиболее существенное влияние мясная пища оказала на мозг, получивший благодаря ей в гораздо большем количестве, чем раньше, те вещества, которые необходимы для его питания и развития, что дало ему возможность быстрее и полней совершенствоваться, из поколения в поколение. С позволения господ вегетарианцев человек не мог стать человеком без мясной пищи...»

Сейчас мы располагаем несколькими десятками черепов австралопитековых, костями конечностей, таза, более чем шестьюстами зубами. Имеем представление о возрастной изменчивости, твердо знаем, что в Африке — Южной и Восточной — они были представлены не одним видом (не лишено интереса, что австралопитеков разы-

скали также в Восточной и Юго-Восточной Азии и совсем недавно даже в долине реки Иордан). Знаем, что большинство найдены в слоях, которые, в общем, вполне достоверно можно отнести к нижнему плейстоцену, что-нибудь около миллиона лет назад.

А не менее трех разысканных стоянок свидетельствуют: не только в нижнем, но и в среднем плейстоцене жили австралопитеки.

А все же кто такой австралопитек? Куда его надо отнести? К ранней ветви гоминид, то есть к семейству людей: ведь он обнаруживает в своем анатомическом строении большее сходство с человеком, нежели любая из ныне живущих обезьян Африки или Азии? Или к понгидам, то есть к семейству обезьян?

Это еще не до конца ясно. Одни доказывают, что степень развития таких важных органов, как головной мозг и кисть, все-таки недостаточна для того, чтобы австралопитеки могли производить какие-то трудовые действия. Другие утверждают: чтобы включить австралопитеков в семейство гоминид, достаточно того факта, что они передвигались, и хорошо передвигались, на двух ногах.

И почти все сходятся на том, что они уже не обезьяны, но еще и не древнейшие люди и что если австралопитеки и не были нашими непосредственными предками, то в них несомненно следует все же видеть ближайших предшественников человека, ветвь, так и не давшую желанных побегов, близкую к человеческой, но уклонившуюся в сторону, сошедшую, в конечном итоге, если так позволительно выразиться, с магистрали.

Хорошо. Допустим, что австралопитековые, при всех своих совершенствах, все же, в лучшем случае, тупиковая ветвь.

Можем ли мы, при современном состоянии наших знаний, назвать более вероятных кандидатов в непосредственные человеческие предки?

Глава V

УЩЕЛЬЕ ОЛДОВАЙ

1

Когда экзамен окончился, профессор поздравил студента и спросил:

«Куда собираетесь ехать?»

«В Восточную Африку».

«Только зря потеряете время и не сумеете найти ничего дельного. Если вы действительно хотите посвятить жизнь изучению ископаемых людей, езжайте в Азию».

Немного помедлив, студент ответил:

«Нет, я уверен, что прародиной человека была Африка, и я докажу это. Африка, а не Азия — вот где нужно искать и искать!»

Шел 1926 год. Студента звали Луис Сисмор Базетт Лики.

2

За тридцать четыре года до этого, в 1892 году, четверо сестер Базетт — Мэри, Луиза, Нелли и Сибелла (у их отца, английского армейского полковника, жившего неподалеку от Лондона, было тринадцать детей, и он с трудом сводил концы с концами) — решили отправиться миссионерами в Африку.

Корабль бежал то под парусами, то, когда не было ветра, с помощью пара; его трепали штормы, но все же три месяца спустя девушки очутились в Монбасе.

Некоторое время спустя Мэри Базетт тяжело заболела. Доктор сказал: «Езжайте домой и никогда не возвращайтесь. Африканский климат вас убьет».

Юная миссионерка последовала его совету; она вернулась в Англию. Там она вышла замуж, тоже за миссионера и в 1902 году вместе с мужем поехала в Африку.

Умерла она в Кении, все в той же Африке, ни разу более не покинув ее, пятьдесят лет спустя.

Луис родился в Кабете, в восьми милях от небольшого поселка, именовавшегося Найроби, в августе 1903 года.

Земли здесь населяло одно из племен кикуйю, и мальчик вел дружбу с ребятами из этого племени.

Да и что удивительного? Если не считать сестер и братьев, других сверстников у него здесь не было. Он рос среди кикуйю, говорил на их языке, думал на их языке и с детских лет привык уважать их обычаи. И если родители позаботились о том, чтобы научить его английской грамоте, то и кикуйю, в свою очередь, сумели многому его научить.

В том числе и тому, чтобы уметь хорошо слушать (треснувший сучок, еле слышный свист здесь, где полным-полно было всяких диких зверей, нередко служили последним предупреждением перед атакой) и хорошо видеть.

Терпение и наблюдательность — эти два качества сизмальства вошли в плоть и кровь, и им в значительной степени Лики был обязан своим друзьям. В тринадцать лет он даже стал членом одного из кикуйских племен и получил имя «Сын Ястреба».

Охотой Сын Ястреба предпочитал заниматься на земле и под руководством одного из стрелков племени — Доробо. Именно ему Лики был обязан знанием повадок зверей.

Орнитология, изучение и исследование пернатых, стала его первой любовью. В поисках все новых и новых птиц мальчик исходил всю округу. И нередко видел камни со следами какой-то обработки. Кикуйю называли их священными. Они верили: духи низвергают эти камни с небес.

Лики знал: духи тут ни при чем. И ему думалось, что это и есть те самые орудия древних людей, о которых он читал в одной из подаренных ему книжек. Но в книжке ничего не говорилось об Африке. Там рассказывалось о Европе, и мальчику казалось, что зря авторы ничего не говорят об Африке: может быть, просто потому, что ничего не знают? И очень обрадовался, когда прочитал у Дарвина, что человек (если говорить об

очень древних временах), наверное, все же появился в Африке.

...Шестнадцать лет родители отправили Луиса учиться в Англию. И двумя годами позже Лики поступает в Кембриджский университет.

■

Студенту-первокурснику Луису Лики, как, впрочем, и всем «новобранцам», не разрешают заниматься спецкурсом по первобытной истории: молод еще, пусть поучится.

Тогда он просит, чтобы его записали на спецкурсы «французский язык» и «язык кикуйю».

На французский его записывают тут же. Но кикуйю? «Спецкурс, — говорят ему наставительно, — должен быть посвящен языку, на котором объясняется какая-то значительная часть населения».

«Два миллиона вас устраивает? — спокойно спрашивает Лики. — Два миллиона человек в Восточной Африке считают своим родным языком язык кикуйю».

В деканате разводят руками: да, конечно. Но где же взять преподавателя?

Проходит несколько недель, а студент Лики все еще продолжает только числиться посещающим свой спецкурс по той простой причине, что последний некому преподавать. (Заметим в скобках: по правилам зарубежных университетов, студент имеет право на выбор записаться слушать любой курс, и, коль университетское начальство согласно с его пожеланием, оно должно раздобыть преподавателя.)

Но где же его взять? Выход нашли великолепный. Пусть Лики сам и научит своего учителя языку кикуйю — благо, в Кембридже есть профессор, хорошо знающий язык луганды, родственной кикуйю.

В конце года Лики должны — по традиционным правилам — экзаменовать минимум два человека.

Где взять второго?

Ректор Кембриджа, будучи человеком предусмотрительным, обращается в Лондон. Ему обещают помощь. И какое-то время спустя присылают кандидатуры. Первым в списке отставной миссионер Гордон Денис.

Вторым значился Луис С. Б. Лики.

Экзамен Лики сдал благополучно. Это был, наверное, единственный в истории Кембриджа экзамен, на котором профессор экзаменовал студента по предмету, которому сам у него учился.

В начале второго года обучения Лики пришлось прервать учебу. Играя в регби, получил травму, и врачи запретили ему читать.

«Читать нельзя, но в экспедиции участвовать можно», — рассудил Лики и присоединился к отряду одного канадского палеонтолога, который вел раскопки в Восточной Африке.

...Образование он все-таки закончил. И тут же уехал на родину.

5

Случилось так, что в 1929 году, пробираясь сквозь чащу к местечку Карнандуси, неподалеку от озера Виктория в Кении, Лики, споткнувшись, растянулся на самом краю обрыва, уходившего вглубь метров на двадцать. Уже поднимаясь, он увидел торчавшее внизу в скале ручное рубило.

Последовали раскопки, и они показали, что здесь когда-то, примерно двести тысяч лет назад, была палеолитическая стоянка. Лики продолжает исследования и, помимо нескольких древних каменных орудий, находит и кости животных.

Кости эти таких же давних животных, какие за шестнадцать лет до того, еще накануне первой мировой войны, нашел в ущелье Олдовай, все в той же Восточной Африке, немецкий геолог профессор Ганс Рекк.

Недолго думая Лики пишет письмо. Он сообщает Рекку о своих находках и спрашивает: не попались ли господину профессору в Олдовае какие-нибудь каменные орудия?

«Нет, — отвечает Рекк, — не попадались».

Лики знает: Рекк — ученый основательный и солидный, коль говорит нет, значит, нет. А все же у него, у Лики, тоже есть кое-какой опыт. И потом Рекк, конечно, авторитет, и то, что он ничего не на-

Л. Ликий.

шел, конечно, не слишком оптимистично. Но может быть, просто плохо искал?

И он предлагает Рекку принять участие в экспедиции в Олдовай. Состав — три человека: Ликий, Вивиан Фукс, который в 1958 году возглавит первую экспедицию, что пересечет Антарктику, и Рекк. А заодно предлагает профессору пари: не позже чем через два-

дцать четыре часа по прибытии в Олдовай он обязуется найти древние каменные орудия.

Мальчишество? Но он их находит, и не через двадцать четыре часа, а всего лишь через восемь. Правда, это случилось не в 1929 году, а двумя годами позднее: из-за денежных затруднений исследователи сумели попасть в Олдовай лишь в 1931 году.

Экспедиция работает в Олдовае три месяца.

Думал ли тогда Ликий, что ему предстоит здесь проработать еще тридцать с лишним лет? Что работа эта будет в самом разгаре и сейчас, когда вы читаете эту книгу? Что здесь, как, впрочем, и в некоторых соседних, по масштабам Африки расположенных сравнительно недалеко районах, будет сделано много поистине великих открытий, расширивших горизонты предистории человечества? И что само ущелье Олдовай станет всемирно известным?

Словно вырубленное гигантским мечом, со своими стометровыми, уходящими вглубь обрывистыми стенами, змеится это ущелье посреди выжженной солнцем степи Селенжети, примерно на полдороге между Килиманджаро и озером Виктория — самой высокой в Африке горой и самым большим в мире озером.

Степь славится дикими зверями и животными. Антилопы, жирафы, зебры, львы, леопарды. Изредка встречаются кочевые племена кикуйю. Медленно передвигаются они с места на место вслед за своими стадами.

Ныне тут в районе ущелья заповедник. Создан он стараниями Лики. Самым интересным заповедником, однако, является само ущелье — каньон, тянувшийся на несколько десятков километров, в котором, как в склепе, но в какой-то мере открытом склепе, замурованы остатки живых существ, населявших на протяжении десятков тысяч веков этот уголок Африки.

6

Первым, кто открыл для науки Олдовой, был немецкий ученый Катвинкель.

Охотясь за бабочками, он едва не сломал себе здесь шею, что не помешало ему обратить внимание на торчащие кое-где в выветренных скалах ущелья кости диких животных.

С его легкой руки всё и началось.

Для Лики здесь все было внове. И чем больше молодой ученый бродил со своей киркой по громадному ущелью, тем сильнее брало его в плен это удивительное место.

Судите сами: ведь не каждый день находишь на земле такой уголок, где, размытые дождевыми потоками, иссушенные солнцем, выветренные всеми ветрами, перед вами предстают граниты, гнейсы и известняки, по которым можно прочесть историю данного района, начиная с фантастически древних времен.

Снизу ущелье производит еще более грандиозное впечатление, чем сверху.

Один из тех ученых, кому посчастливилось там побывать, — Ральф Кенигсвальд, напишет: «Обнаженные слои Олдовая интересны вдвойне — с одной стороны последовательные остатки фауны, которые в них находятся, дают представление об ее общей истории в Африке; с другой — эти слои в своей совокупности воссоздают картину эволюции человеческой цивилизации, и подробно. Этому невозможно найти аналогии в других местах».

Слова Кенигсвальда относятся к 1951 году. К тому времени Лики, несмотря на несколько лет вынужденного перерыва во время второй мировой войны (он работал

в разведке и об экспедициях мог только мечтать), все же успел тут потрудиться немало.

Не он один. Начиная с 1935 года ему сопутствовала французская студентка Мари Николь. Дочка художника-пейзажиста, она с одиннадцати лет увлеклась пещерной и наскальной живописью и археологией. Ее прадедушка, Джон Фрер из Суффолка, был одним из тех, кто первый начал искать каменные орудия в Англии.

Она стала женой Лики. Свадебное путешествие началось в Олдовае.

Именно Мари Лики и сделала первое выдающееся открытие, прославившее Олдовай.

7

Рассказывая позднее о том, как это началось, Лики однажды заметил: с головной боли. И действительно, 17 июля 1959 года он проснулся с сильной головной болью.

«Ты останешься дома, — сказала ему жена. — И не вздумай протестовать. Я знаю, тебе этого не хочется, но сегодня начальник я. Ты не волнуйся, я поработаю за тебя».

Сезон был в разгаре, и каждый день был на счету из тех семи недель, что Лики могли посвятить очередным раскопкам в Олдовае.

Некоторое время спустя задремавший было Луис услышал шум мотора: это на большой скорости возвращался вездеход.

«Что-нибудь случилось, — подумал Лики. — Но что? Скорпион? Змея? Леопард?»

Визжа тормозами, вездеход остановился возле дома.

«Луис, я нашла его, я нашла его!» — кричала жена.

«Кого? — едва приподняв голову с подушки, спросил Лики. — Кого — его?»

«Его. Нашего человека. Поднимайся. Я нашла его зуб».

Ученый был уже на ногах. Позабыв про головную боль, он уселся за руль и через несколько минут был на месте.

Там, где о
орудия, из ск
но напоминав
Однажды
в шутку увер
крайне прост
вверх и вниз
ными к земл
чаются интер
щечки, кист
Примерно
ка длилась д
понадобилось
скольких зуб
ный», а не «
пришлось сост
Когда это
череп найдени
и меньше, чем
ство явно дер
очертания лица
12 Человек

Лики за работой.

Там, где он в 1931 году нашел первые олдовайские орудия, из скалы торчало несколько больших зубов, явно напоминавших человеческие.

Однажды на вопрос о том, как они ищут, Лики стал в шутку уверять своего собеседника, что работа у них крайне простая, разве что неудобная: «Мы ползаем вверх и вниз по склонам ущелья, с глазами, прикованными к земле, и изредка останавливаясь там, где встречаются интересующие нас вещи. Потом мы пускаем в ход щеточки, кисти и сообразительность».

Примерно так было и на этот раз. Только остановка длилась девятнадцать дней. Ровно столько времени понадобилось, чтобы вытащить из скалы, помимо нескольких зубов, почти полный череп. Мы говорим «полный», а не «целый» по той простой причине, что череп пришлось составлять из четырехсот фрагментов.

Когда это наконец удалось сделать, выяснилось, что череп найденного существа меньше, чем череп гориллы, и меньше, чем череп современного человека. Но существо явно держало свою голову прямо, передние зубы, очертания лица напоминали человеческие.

Череп был древний, очень древний. Это было понятно сразу. Быть может, не менее миллиона лет было ему. Лики назвал найденное существо зинджантропом («зиндж» — старое арабское слово, обозначающее Восточную Африку, то есть то место, где это существо было найдено). Еще точнее: зинджантропом бойсовым — в честь Чарлза Бойса, который начиная с 1948 года финансировал экспедицию.

И Лики и его жене очень хотелось видеть во вновь найденном существе нечто более близкое к людям, чем австралопитеков. Тем более, что к тому времени большинство ученых все-таки встали на ту точку зрения, что австралопитеки, как мы уже говорили, — боковая и ушедшая в тупик ветвь, хотя в какой-то степени и близкая к той, которая привела к человеку.

Не был ли зинджантроп представителем именно этой неуловимой прямой ветви? Не был ли он тем прямым и давно искомым «недостающим звеном», предшественником питекантропа, — звеном, которое столько лет, все дальше углубляясь в века в поисках родословной человека, мечтали разыскать ученые?

Лики считал, что так оно и есть.

Ему казалось, что клыки и резцы найденного существа не были столь основательны, чтоб зинджантроп мог с их помощью освежевать тушу даже такого небольшого животного, как кролик. А между тем, насколько можно было судить по соответствующим находкам, он ловил не только птиц, грызунов и рептилий, но не прочь был полакомиться и молодыми животными. Не следовало ли из этого, что он пользовался теми примитивными, чуть оббитыми гальками, которые давно уже находили в низших слоях в Олдовае? И что он, быть может, и выделял эти орудия, которые почти еще не были орудиями: удар справа, удар слева и снова удар справа?

И еще одно. Череп зинджантропа, как представлялось Лики, в некоторых отношениях более походил на череп современного человека, чем череп гориллы или черепа австралопитековых. И ему казалось, что нижняя челюсть зинджантропа, если ее найдут, должна иметь характерную для говорящего человека форму.

Мари Лили (слева) в ущелье Отловай

По подсчетам некоторых специалистов, от роду этому существу было миллион семьсот пятьдесят тысяч лет.

Кое-кто из ученых соглашался с Лики, кое-кто возражал, доказывая, то зинджантроп просто очередная разновидность австралопитеков.

А между тем не за горами было новое открытие. Еще более интересное и значительное.

Глава VI

ПРЕДОК ПИТЕКАНТРОПА

1

Радиоразговор был короток и напряжен. Мари Лики просила мужа приехать, и побыстрее: в Олдовае найдена стопа, пяточная кость и щиколотка какого-то древнего существа. Неподалеку от того места, где нашли зинджантропа.

Триста сорок семь миль, отделявших Найроби от знаменитого ущелья, Лики преодолел с рекордной скоростью.

... Археологов часто называют следопытами истории. С неменьшим основанием то же самое можно сказать и об антропологах и палеонтологах. Здесь тот же запутанный клубок со многими неизвестными, здесь то же счастливое стечение обстоятельств нередко позволяет взять первый след. Здесь тоже нередко, идя от находки к находке, удастся получить нечто более или менее цельное.

Так было и на этот раз. Но если рассказать по порядку, то все началось с того, что летом 1960 года один из сыновей Лики, двадцатилетний Джонатан, продолжая поиски недалеко от того места, где был найден зинджантроп, нашел челюсть саблезубого тигра. Это уже само по себе было достаточно сенсационным. Никто никогда до того времени не видел каких-нибудь остатков грозного животного в Восточной Африке. Джонатан и Мари Лики продолжили раскопки и нашли зуб. В одном можно было не сомневаться: зуб не имел никакого отноше-

ния к тигру. Он принадлежал примату, и Мари Лики не потребовалось много времени, чтобы определить это. За сим были извлечены на свет ключица, несколько осколков черепа, несколько фалангов пальцев. И известная уже нам стопа.

Последнее было особенно ценным. Стопа, чей возраст, по самому общему подсчету, составлял не менее миллиона лет, а может быть, и значительно больше, — к таким находкам у антропологов особое почтение.

Уже после того как Луис вернулся в Олдовай, последовала новая серия находок: фрагменты черепа и большой обломок нижней челюсти.

2

Челюсть была с хорошо сохранившимися зубами и принадлежала ребенку лет одиннадцати-двенадцати. Что же касается черепа, то его теменные кости сохранили след сильного удара. Пролом, вероятно, затронул внутреннюю полость, и трещины расходились во все стороны.

Несчастный случай? Вряд ли.

В современных полицейских протоколах, как заметил Лики, о подобных ударах обычно пишут: «Удар нанесен каким-то тупым орудием».

Впрочем, все это имело в какой-то степени второстепенное значение, хотя и не было лишено известного интереса. Основным вопросом был другой: что это за существо, чьи растерзанные останки после неисчислимо многовекового плена освободили из нижних слоев олдовайского ущелья ученые?

Мы говорили, что и кости и фрагменты черепа были найдены неподалеку от зинджантропа. Уточним: они были найдены в двухстах метрах от прошлогодней находки, но в слое несколько более глубоком.

Это и послужило основанием окрестить найденное существо презинджантропом. Поскольку к тому времени Лики согласился с тем, что зинджантропа все же следует отнести к австралопитекам, то первоначально и презинджантропа записали в ту же семью, решив, что это, очевидно, еще более древний экземпляр.

Внезапно доктор Лики вместе с двумя другими учеными выступил с новым, поистине сенсационным заявлением: презинджантроп имеет самое непосредственное отношение к родословной человека.

3

Оговоримся: Лики с самого начала утверждал, что существо, которому принадлежали эта челюсть и зубы, эти кости стопы и руки, не могло быть австралопитеком. Но ведь первооткрывателям нередко свойственно заноситься, считали скептики. И разве не говорил Лики то же самое о зинджантропе?

Каковы же все-таки доказательства?

«Визитная карточка» презинджантропа была, как мы знаем, далеко не в самом лучшем виде, но все-таки достаточно полной, чтобы специалисты могли разобраться в ряде особенностей ее владельца.

Прежде всего рука. Ею, по просьбе Лики, занялся известный лондонский ученый доктор Джон Нейпир.

...Все это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Перед ученым пятнадцать костей, древних, немыслимо древних костей. Похожи ли они на человеческие? Пожалуй, нет: они более грубые, фаланги несколько изогнуты. И в то же время, пожалуй, да. Вот, к примеру, конечные фаланги: они несколько уплощены, более широки, чем у обезьян, и весьма напоминают человеческие. Или, если хотите, точнее, эта ископаемая рука еще не человеческая, но уже не обезьянья. И все же некоторые элементы, сходные с рукой современного человека, заставляют задуматься доктора Нейпира.

В самом деле. Для того чтобы рука получила название человеческой, она должна так же свободно обращаться с иголкой, как с топором. Ну, что касается силы, хватательной способности, похоже, что рука из Олдовая обладала ею полностью. И весьма возможно, что в еще большей степени, чем у нас.

Если же говорить об иголке, о том, чтобы держать в руках кисть, скальпель, ручку, то для этого, как известно, нужно, по меньшей мере, три условия: большой

палец должен противопоставляться всем остальным и заканчиваться широкой и длинной фалангой. Сплюснутыми и расширенными должны быть и конечные фаланги других пальцев. Наконец, длина пальцев должна быть такова, что большой может смыкаться с любым из остальных — подушечкой к подушечке.

Так вот: очень похоже, что рука из Олдовая отвечает, по меньшей мере, двум из этих требований. Одна из нужных косточек не найдена, трудно решить вопрос о третьем условии, но и того, что есть, вполне достаточно Нейпиру, чтобы написать: «Основываясь на анатомических признаках, следует признать, что рука из Олдовая была уже достаточно и сильной и цепкой и что ее владелец вполне мог употреблять орудия», то есть, иначе говоря, мог использовать по назначению и камень и палку.

Означало ли это, что презинджантроп мог и изготавливать орудия?

Нейпир не спешит с ответом. «Подождем, — говорит он, — что покажет исследование черепа. Если мозг это позволял, то нет как будто особых противопоказаний к тому, что такая рука могла изготовить обработанные гальки, найденные в тех же слоях, знаменитые олдовайские орудия. Если же последнее верно, — заключает ученый, — тогда следует признать, что изготовление орудий было свойственно человеческой ветви еще задолго до того, как рука приняла современное обличье».

Ну, а стопа?

Когда ее реконструировали, стало ясно: если насчет руки — могла она или не могла изготавливать орудия — сомнения правомерны, то насчет того, что стопа была вполне приспособлена для прямохождения, не может быть двух мнений.

Странно? Нет, вероятно, закономерно. Рука еще сравнительно отсталая, но зато стопа позволяла существу передвигаться на ногах, весьма похожих на наши, — очевидно, так и шло развитие.

Череп восстанавливал известный уже нам Ф. Тобайас. И он же высчитал объем — 680 см^3 . Конечно, по сравнению с синантропом (1030 см^3) и даже питекантропом (935 см^3) объем был не особенно велик.

А по сравнению с австралопитеками? Объем черепа

у таунгского человека был 520 см^3 . Что же касается зинджантропа, то сам же Тобайас за несколько месяцев до этого вычислил: объем не более 530 см^3 .

Разница!

И, помимо всего прочего, новонайденное существо отличалось от зинджантропа очертаниями челюсти и зубами. В большинстве своем зубы были меньше, чем у австралопитеков, но не такие широкие и более низкие. И именно эти особенности более близки к человеческим.

Так что ж, может быть, действительно древнейший из известных предков человека? Находившийся на более прямой линии, чем австралопитеки?

4

Да, отвечает на этот вопрос Лики. И не только он, но и Тобайас и Нейпир.

Мальчик-презинджантроп оказался вовсе не единственной находкой такого рода. Нашлись кисть, стопа и зубы взрослого презинджантропа, голень и зубы другого, фрагменты черепа и зубы третьего, лобная кость и нижняя челюсть четвертого.

Всего сейчас найдено семь экземпляров. Но поиск продолжается, и весьма возможно, что коллекция будет пополнена.

Итак, невысокого роста существо — этак сантиметров сто тридцать, с небольшим сравнительно объемом черепной коробки, но больше, чем у «зинджа». Зубы, напоминающие человеческие. Прямая походка. Не слишком еще развитая, но довольно крепкая кисть. Существо, которое ближе к человеку, чем любая из найденных австралопитековых особей.

Лики, Нейпир и Тобайас дали ему новое видовое название: *Homo habilis* — человек умелый. Ведь рядом с останками презинджантропа, а кое-где отдельно разысканы галечные орудия.

... Когда восемьдесят с лишним лет назад Фридрих Энгельс написал свои знаменитые слова, что труд создал человека, многим из его современников это показалось странным. Сейчас почти никто из антропологов не со-

мневается: умение изготовлять орудия является специфически человеческой чертой.

Так вот: изготовляли их *Homo habilis*?

Лики считает, что да.

Ученые нашли и кварцевые осколки, и не просто осколки, а собранные кучами. На некоторых из них как будто следы обработки. В самом Олдовае кварца нет. Следовательно, его откуда-то принесли. Самая ближайшая россыпь в трех километрах.

Еще одна любопытная деталь.

Рядом с останками «презинджа» найдены остатки какого-то сооружения из камня, своего рода круг из вбитых в землю камней. Примитивное убежище? Ветроломные стенки? Кто сложил камни столь безупречным кругом и зачем?

Ученые считают: *Homo habilis*.

Каменные орудия столь давних времен, искусственные каменные строения — это звучит, конечно, фантастически. Но давно ли каменные орудия синантропов, неандертальцев тоже казались чем-то невероятным?

Homo habilis — четко выраженная промежуточная ступень между наиболее прогрессивными представителями австралопитеков и наиболее примитивными представителями рода *Номо*, известными в настоящее время, утверждает Филипп Тобайас.

А на VII конгрессе антропологов в Москве в 1964 году он сказал: «Наполовину человек, наполовину австралопитек. — И добавил: — Хотя возможно, что оба они, и австралопитек и «человек умелый», делали орудия; последний кажется более вероятным претендентом на эту роль вследствие прогрессивности своего строения».

Лики с богатой добычей.

Если Лики, Тобайас, Нейпир и те, кто их поддержи-
вает, — таких не мало! — правы, речь идет о сенсацион-
ном открытии.

5

Не исключено, что они ошибаются, говорят против-
ники. Верно ли, что «ветроломные стенки» — искусствен-
ные сооружения, а не игра природы или случайные на-
громождения камней? Можно ли утверждать, что суще-
ствует прямая связь между найденными орудиями и дея-
тельностью презинджантропа? Достаточно ли подвижна
его кисть, чтобы приписывать ему изготовление орудия?

Скептики всегда находят возражения. В науке зача-
стую это даже полезно. Полезно потому, что заставляет
изыскивать новые доказательства, заостряет мысль, де-
лает явными уязвимые места.

В особенности в антропологии, где крайняя слож-
ность проблем требует, и вовсе не только в случае с пре-
зинджантропом, все новых и новых исследований и мак-
симального накопления фактов, где дискуссионных
вопросов и разных точек зрения, прежде всего из-за не-
хватки материала, не перечесть.

Многое зависит и от того, на каких позициях стоит
исследователь; к тому же относительно недавно очень
зыбкими были данные, имевшиеся в распоряжении на-
уки. И это последнее обстоятельство приводило иногда
и ко всякого рода спекулятивным теориям, а порой
даже и к прямой фальсификации.

Как тут не вспомнить историю одной нашумевшей
фальшивки, которая была окончательно и бесповоротно
отвергнута лишь в 1953 году, на сорок первом году сво-
его существования! И хотя советские ученые выступали
против нее (особенно здесь следует подчеркнуть роль
профессора Владимира Капитоновича Никольского, еще
в 1931 году опубликовавшего статью «Произошел ли
человек от обезьяны?», в которой, обстоятельно разо-
брав все «за» и «против», назвал эту нашумевшую «на-
ходку» английской фальшивкой), не так то просто, а
главное — не так-то быстро была она убрана с дороги.

...Итак, осень 1912 года. Весь мир облетает весть

о том, что недалеко от Лондона, возле деревушки Пилтдаун, страстный коллекционер и любитель древностей адвокат Даусон обнаружил останки неизвестного прежде существа — наполовину человека, наполовину обезьяны.

Собственно говоря, все останки состояли из отдельных небольших массивных обломков человеческого черепа и диковинной челюсти, не похожей на человеческую, но зато удивительно напоминавшей челюсть какой-то человекообразной обезьяны. Кости имели бурую окраску — почва в тех местах пропитана солями железа.

Даусон и поддерживающий его антрополог Вудворд из Британского музея тут же сочиняют целую теорию: люди на переходной стадии от обезьяны к человеку имели-де вполне развитую человеческую мозговую коробку, но обезьяний жевательный аппарат.

Механическое соединение в одном существе человеческого черепа и обезьяньей челюсти?

Нашлись ученые, которые не могли в это поверить: уж больно не укладывалось это все в дарвиновские представления. И они, эти ученые, говорили о том, что нижняя челюсть, найденная, по словам Даусона, в одной яме с костями черепа, не имеет к ним равным счетом никакого отношения, что это челюсть человекообразной обезьяны.

Как бы в ответ всем критикам и сомневающимся, Вудворд в 1917 году (Даусон к тому времени скончался), опубликовал сообщение о новых находках. По его словам, всего в двух милях от той ямы, где были отысканы части первого черепа, на вспаханном поле в куче собранных граблями камней Даусон незадолго до смерти нашел еще два куска черепа и коренной зуб. Они тоже имели шоколадную окраску и содержали железо. А самое главное — Вудворд это особенно подчеркивал — найденный зуб соответствовал коренным зубам пилтдаунской челюсти.

Так стараниями Даусона, Вудворда и целого ряда других присоединившихся к их мнению ученых в антропологии появилось странное существо, которому дано было звучное имя эоантропа — «человека зари». И этот «человек зари», пилтдаунский человек, был торжественно объявлен самым ранним видом ископаемых людей.

Подчеркнем снова: к чести советских ученых, они не дали себя увлечь сказками о подобном существе, которое по сути, как едко было замечено В. К. Никольским, ничем не отличается от фантазий о сказочных козлах с петушиными головами или женщинах с рыбьими хвостами.

Шли годы, и кое-кто из прогрессивных английских антропологов тоже засомневался в возможности и вероятности механического соединения в одном существе органов обезьяны и человека. Уж очень не укладывалось как-то все это в современные представления об эволюции человека. К тому же теперь на вооружение поступили и новые способы исследования.

Владимир Капитонович Никольский немного не дождал до доказательства своей правоты.

Как ни пытались оттянуть развязку сторонники зоантропа, чьи останки покоились не где-нибудь, а в Британском музее, она все-таки наступила.

В конце ноября 1953 года вся лондонская, а за ней и мировая пресса запестрела сенсационными заголовками: «Величайшая мистификация в истории науки», «Возможно ли?», «Ни человек, ни обезьяна...»

Приговор специалистов, воспользовавшихся для проверки новыми техническими средствами, в том числе и радиоактивным методом, был краток. Черепная крышка действительно принадлежит древнему человеку. Возраст? Около пятидесяти тысяч лет.

А вот нижняя челюсть явно принадлежит шимпанзе. Да, да, современному шимпанзе. Конечно, ее подвергли некоторой обработке: окрасили двуххромовокислым калием, дабы она выглядела древней, и еще потому, что она должна была быть найдена в отложениях, содержащих окислы железа; подточили зубы. Подделкой оказались и кусочки черепа, и зуб второй «находки»...

...Трудна, бесконечно трудна задача исследователей, уходящих в такую глубь времен, — исследователей, в распоряжении которых лишь отдельные, разрозненные, далеко отстоящие друг от друга во времени, не всегда достаточно понятные и всегда вызывающие споры фрагменты прошлого, по которым можно догадываться о том, как природа шла к человеку. Отлично сказал об этом французский антрополог Анри Валуа: «Петропавловская

крепость, Исаакий, Адмиралтейство — вообразите, что вследствие наводнения Невы от всего Ленинграда на речной глади остались лишь самые верхушки этих да еще нескольких зданий. И человек, который не знает плана города и никогда в нем не был, должен восстано-
вить облик Ленинграда».

Удивительно не то, что антропологи спорят, это нормально. Удивительно, что при столь тяжелой и, казалось бы, безнадежной ситуации им все-таки удается, постоянно корректируя свои воззрения, пусть пока в самых общих чертах восстанавливать многие вехи в эволюционном развитии человека.

И в этой связи мне хочется рассказать еще о нескольких находках, в том числе о тех, которые были сделаны дружной семьей Лики. Ибо они дают нам представление о возможных прапредках человека, живших в столь далекие времена, что по сравнению с ними *Homo habilis*, не говоря уже о питекантропе, выглядит юнцом.

Глава VII

ПРОКОНСУЛ И КО

I

Н

е доходя примерно ста километров до Каира, Нил разветвляется: от него отходит рукав. Воды поднимаются на северо-восток, пересекают Ливийские горы и вливаются в озеро Корун.

Во времена Древнего Египта озеро называлось Мерур. Оно искусственное. Искусственны и окружающие его каналы. Насажены рукой человека леса, сделаны шлюзы.

Здесь оазис. Его создали примерно четыре тысячи лет назад, во времена фараонов XII династии.

Сесострис II, виднейший правитель этой династии, жил здесь, в Фаюме, и даже построил себе в городе Шедет специальный дворец, посвященный богу-крокодилу, что дало повод греческим историкам Геродоту и Манефе именовать этот город Крокодилополисом.

В этом живописном уголке Египта в 1911 году была сделана находка, взбудоражившая весь ученый мир.

Сделал ее известный уже нам австрийский зоолог Макс Шлоссер, и речь шла о двух обезьяньих челюстях, но челюстях не простых.

Судя по ряду признаков, именно эти обезьяны были или могли быть нашими предками.

От них в неизмеримо далекие времена — тридцать пять — сорок миллионов лет назад — пошла линия к очеловечиванию.

Более древняя челюсть принадлежала обезьяне, которую Шлоссер назвал парапитеком. («Пара» — «около», «питекос» — «обезьяна».) Это был небольшой зверек, величиной с кошку, с зубами, немного напоминавшими человеческие или, во всяком случае, находившимися на какой-то начальной стадии очеловечивания. С другой стороны, кое-какие характерные особенности зубов парапитека позволяли видеть в нем потомка любопытных древесных животных, и поныне населяющих Мадагаскар и Зондские острова, — лемуров, которых нынешняя наука считает прямыми предшественниками высших приматов — как людей, так и обезьян.

Другая челюсть была побольше и, очевидно, принадлежала и обезьяне побольше, но зато более «молодой». Молодой в том смысле, что она являлась далеким потомком предыдущей. Шлоссер назвал ее проплиопитеком.

Любопытно, что уже у этих сверхдревних обезьян были те тридцать два зуба, которые, как известно и поныне, природа дает в путь-дорогу человеку.

Надо сказать, что вообще-то Шлоссер был вовсе не первым, кто нашел останки древнейших обезьян. Известный нам уже Ларте еще в 1834 году, в самом начале своей карьеры, в местечке Сансан, во Франции, докопался до костей древних обезьян, которые жили на юге будущей Франции миллионов этак двадцать — двадцать пять лет тому назад.

Ларте назвал этих обезьян дриопитеками, что означало «древесные обезьяны».

Проплиопитек был как бы своего рода переходным звеном между более древней фаюмской обезьяной и дриопитеками. И именно его, на удивление дружно, чуть

Дерево на острове Рузинга, возле которого был найден череп проконсула.

ли не все ученые признали общим предком и современных человекообразных обезьян и человека.

Потом начались сомнения. Многие ученые сейчас считают, что проплиопитек всего-навсего прапрадедушка нынешних гиббонов. А сивапитек, другая древняя обезьяна, чьи челюсти и зубы ученые нашли в древних слоях Сиваликских холмов в Индостане, — предок орангутанга. Что касается дриопитеков, которых некоторое время считали чуть ли не прямыми предками человека, то, по теперешним взглядам, они дали жизнь шимпанзе и горилле.

Если дриопитеки — это всего-навсего почтенные и давние предки нынешних обезьян, если их, как писал все тот же Шлоссер, нужно вычеркнуть из непосредственных предков человека по той простой причине, что эти обезьяны были слишком специализированы и стать человеком не могли, то кого же из древних антропоидов следует считать нашими прямыми предками?

Судьбе было угодно, чтобы в 1933 году английский палеонтолог Хопвуд неподалеку от озера Виктория нашел обломки черепа и зубы очередной древней обезьяны. Возраст? Очень давний: миллионов тридцать — тридцать пять. Ученому кажется, что это какой-то предок шимпанзе. По имени находившегося в ту пору в Лондонском зоопарке знаменитого шимпанзе Консул и в какой-то степени в честь его ученые называют находку «проконсул».

Название не очень внятное и выбрано не так уж хорошо. Но это станет ясно впоследствии, тогда, когда, заинтересовавшись найденным субъектом, Луис Лики вместе со своей женой и ассистентом попадет наконец по окончании войны на расположенный в одном из заливов озера Виктория остров.

Называется остров Рузинга.

...Находки ископаемых обезьян такой древности еще более редки, чем находки ископаемых людей. А если учесть, что история антропоидов еще менее известна, чем история людей, то можно понять, с каким нетерпением ждал своей поездки Лики.

Он сумел отправиться в экспедицию лишь в 1948 году.

Заметим, никто до того времени не находил в древних слоях полного обезьяньего черепа.

Рузинга поистине идиллический остров, на берегах которого несколько рыбачьих деревушек. На карте остров выглядит маленьким, но его длина более пятидесяти километров.

Луис и Мари Лики бывали здесь и до войны и нашли немало интересного. Их особенно привлекало то, что нижние слои в Рузинге были еще более древними, чем в Олдовае, и относились ко временам не плейстоцена, даже не плиоцена, а миоцена, то есть к эпохе, которая началась сорок миллионов лет назад.

...В распоряжении ученых всего несколько недель, и работа идет крайне напряженно. Мари Лики все пристальнее присматривалась к небольшой скале. Впослед-

Странно, что в
время войны
там.
Лики
ему
дось тут
паемого
но жена пр
«Смотри, —
зуб!» Лики
ную серую
шей эмаль
Ученые
чек камня
один зуб,
еще.
Работа
следний о
понятно: у
Удача
проконсула
Поскольку
немедленно
узнать мне
из современ
ходку Мар
В Лондон
листов, фот
ропотно в
проконсула
трапу, устр
во время
тектива.
В конце
назначалс
4
Что же
слова Ли
числе и по
13
Челове

ствии она скажет: «Меня влекло сюда словно магнитом».

Лики трудится неподалеку; ему в свое время удалось тут найти череп ископаемого крокодила. Внезапно жена просит его подойти. «Смотри, — говорит она, — зуб!» Лики видит крохотную серую точку окаменевшей эмали.

Ученые отскребли кусочек камня. Показался еще один зуб, а за ним еще и еще.

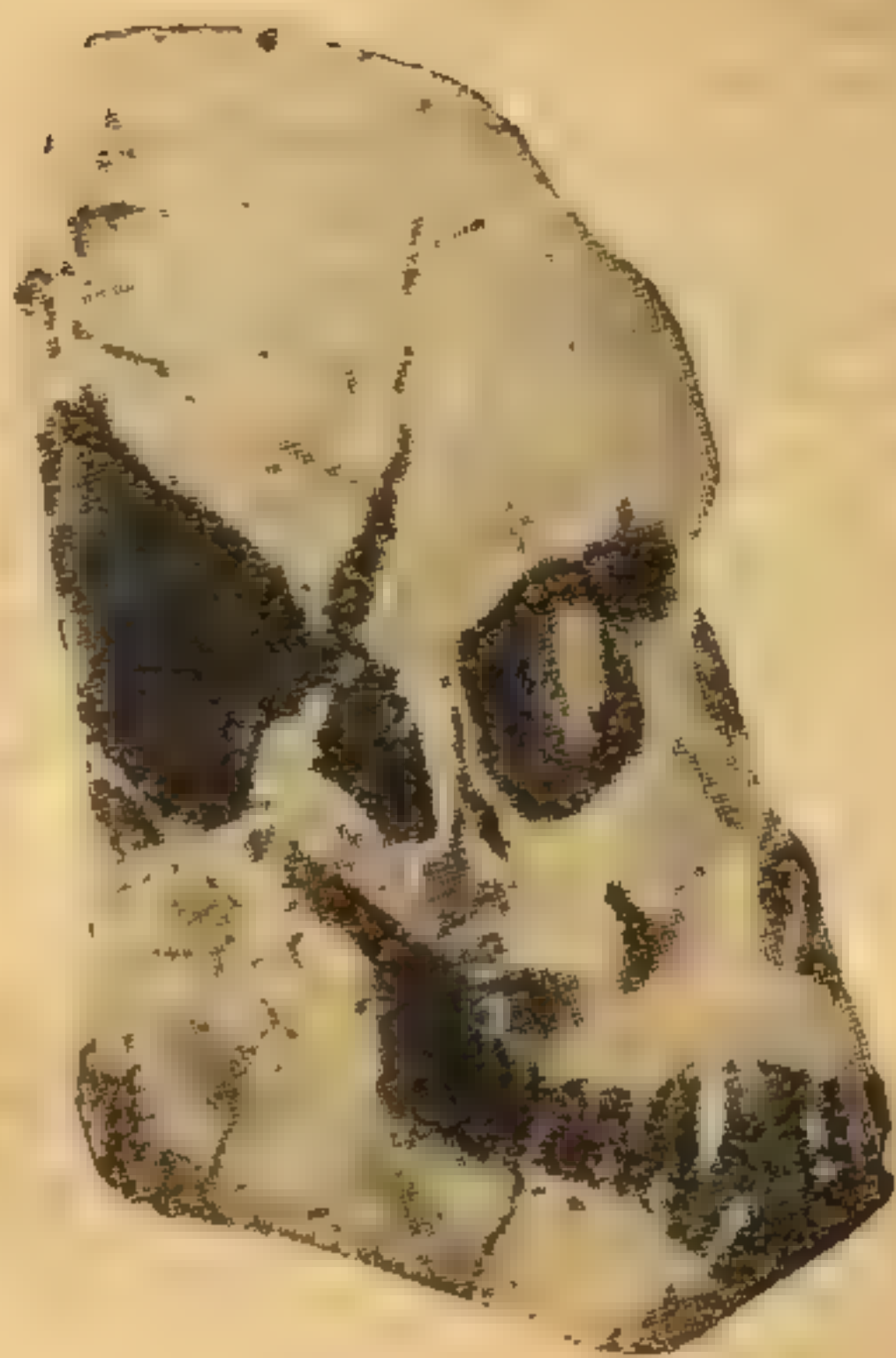
Работа продолжалась несколько дней, и когда последний обломок кости был вылуцен из скалы, стало понятно: удача!

Удача редкостная, небывалая — почти полный череп проконсула.

Поскольку находка была уникальной, было решено немедленно отправить ее в Англию. Лики очень хотелось узнать мнение Вильфрида Ле Гро Кларка, крупнейшего из современных английских антропологов. Повезла находку Мари.

В Лондоне самолет встречала целая толпа журналистов, фотокорреспондентов, кинооператоров. Мари безропотно вынесла их осаду; несколько раз с черепом проконсула в руках спускалась по их требованию по трапу, устроила импровизированную пресс-конференцию; во время которой привезенное чудо охраняли два детектива.

В конце концов череп попал к тем, кому он предназначался, — к ученым.

Череп проконсула.

Что же показал вновь найденный проконсул? Вот слова Лики: «По ряду характерных признаков, в том числе и по явно выраженной покатости лба, проконсул

скорее походил на человека, чем на обезьяну. Но по другим особенностям, таким, как длинные заостренные клыки, большинство антропологов пришло к заключению, что проконсул не обезьяна и не человек, но нечто такое, что имеет общее и с тем и с другим».

Если это так, это очень интересно. Ибо тогда, возможно, оправдан вывод Лики о том, что именно в те времена, когда жил проконсул, и пошла линия к человеку.

Может быть, непосредственно от проконсула, а может быть, от существа, подобного ему.

Означает ли это, что не следует искать «первоначальный источник» еще раньше, до проконсула? Конечно, нет.

Есть ведь и такие ученые, которые считают, что проконсул тоже уже шел по чисто обезьяньей тропе и что разъединение, размежевание произошло еще раньше. Значительно раньше.

Еще одна точка зрения: а был ли вообще таким уж явным в свое время водораздел?

Известный уже нам Валуа — а он в антропологии звезда первой величины — недавно написал: «Можно задать себе вопрос, не составляли ли на протяжении долгого времени предки антропоидов и предки людей общую нерасчлененную массу, чьи представители, живя бок о бок, имели то более выраженные, то затененные черты одних и других».

5

Презинджантроп — полтора-два миллиона лет тому назад. Некоторые говорят — миллион. Тоже не вчера. Проконсул — двадцать пять миллионов лет тому назад. Первый, возможно, *Homo habilis* — существо, которое уже как будто может быть включено в человеческую родословную; второй, возможно, один из видов обезьян, являющийся его затерянным в веках предком.

Пропасть между ними в миллионы и миллионы лет. И разница, конечно, большая.

Кто же между ними, как выглядели «недостающие звенья»?

В 1962 г.
леонтологом
нан, в Кенни
Форт-Этот
на железной
Некоторые
тут уже да
уже здесь
рабочим.
Давний е
к Лики и ск
находку». И
склонились
ства.
Вот кра
Место
ке, в неско
суму.
Год ро
лет назад
обезьян, ко
вечиванию.
Доказа
Вот вер
В ней
ямка. У ч
который к
бенности
что данно
нечно. Но
потенциал
Еще
существо
клык.
Лики о
тает, что
ся и чело
Лики
в родосл
Возмо
13*

В 1962 году Луис Лики вместе с американским палеонтологом Джорджем Симпсоном поехал в форт Тернан, в Кению.

Форт этот находится неподалеку от озера Виктория, на железной дороге, что ведет в Найроби.

Некоторые участники экспедиции Лики работали тут уже давно, да и сам он в том году побывал уже здесь и дал соответствующее задание своим рабочим.

Давний его помощник, негр Хеслон Мукири, подошел к Лики и сказал: «Пока вы ездили, я сделал интересную находку». Несколько минут спустя Лики и Симпсон склонились над фрагментом черепа ископаемого существа.

Вот краткая анкета.

Место рождения. Район озера Виктория, в Африке, в нескольких десятках километров от города Кисуму.

Год рождения. Примерно четырнадцать миллионов лет назад, начало плиоцена. Происходит из семьи обезьян, которая, очевидно, развивалась по пути к очеловечиванию.

Доказательства?

Вот верхняя челюсть.

В ней особенность, присущая человеку, — клыковая ямка. У человека она своеобразный якорь для мускула, который контролирует движение верхней губы и в особенности уголков губ. Это помогает речи. Значит ли, что данному существу была свойственна речь? Нет, конечно. Но, как считает Лики, для этого создавались потенциальные возможности.

Еще одну особенность сближающую найденное существо с людьми, видит Лики — довольно узкий клык.

Лики окрестил эту обезьяну кениапитеком. И он считает, что это новый член той группы, к которой относятся и человек и обезьяна.

Лики так и пишет: «Кениапитек — важнейшая глава в родословной человека».

Возможно, что так оно и есть.

Одним из кандидатов в прапредки является и ореопитек, чей полный скелет разыскал в 1959 году директор музея в Базеле, профессор Гюрцелер. По уверениям ученого, зубы этой обезьяны, жившей примерно в те же времена, что и кеннапитек, тоже имели сходство с зубами гоминидов. Судя по костям таза, у существа была явная тенденция к прямохождению. Но находилось ли оно на прямой линии гоминизации? Или на какой-нибудь боковой линии? Ведь у него и много черт, характерных для обезьян.

Все дальше и дальше в глубь веков идут ученые. Все дальше и дальше в глубь веков отодвигается начало человечества.

Путь этот более сложен и извилист, чем представляли себе некогда и Дарвин и Геккель, и многое здесь еще предстоит открыть и решить: спорного, неясного, неуловимого, затерянного, и, вероятно, навсегда; наконец, просто ненайденного тут сколько угодно.

Но в основном, в главном, они были гениально правы! Человек — порождение животного мира Земли, потомок древнего антропоида. Все живые существа на протяжении веков претерпели изменения. Человек тоже. Его история теснейшим образом связана с историей Земли.

Глава VIII

НЕМНОГО ТЕОРИИ

Г

де колыбель человека? И верно ли, что ею, как сейчас модно доказывать, следует считать Африку? После блестящих находок Лики и других ученых (упомянем хотя бы о совсем недавней находке черепной коробки какого-то древнего существа возле озера Чад, получившего название чадантропа и ставшего одним из претендентов не то на звание первого австралопитека, не то на звание первого человека) подобная гипотеза

многим представляется вполне вероятной. Ссылаются при этом и на Дарвина, цитируют его слова о том, что «во всякой большой области Земли ныне живущие млекопитающие бывают весьма сходны с вымершими видами той же области. Поэтому, вероятно, что Африка была первоначально населена вымершими обезьянами, весьма близкими к горилле и шимпанзе, а так как эти два вида в настоящее время самые близкие родичи человека [заметим в скобках, что по новейшим данным человек ближе к шимпанзе, чем шимпанзе к орангутангу и гиббону. — А. В.], то предположение, что наши древние родоначальники жили на африканском, а не на другом каком-либо материке, становится до некоторой степени вероятным». Впрочем, как мы видим, Дарвин высказывался достаточно осторожно, и, уж если быть точным, он не исключал из игры и Европу и вообще твердо был уверен в одном: в том, что человек утерял свой волосатый покров в жаркой стране и что в этой стране произрастали плоды, необходимые для его питания.

Что ж, Африка еще и до сих пор в какой-то мере континент загадок, и находки тут могут быть самые разные. Так что категорически отвести эту гипотезу нельзя. Но стоит напомнить и о других, вокруг которых тоже в свое время немало было споров и которые тоже еще, выражаясь канцелярским стилем, далеко не сняты с повестки дня. О материке Лемурии, например. Это о нем вспоминал Энгельс, когда писал в своей знаменитой работе «Роль труда в очеловечивании обезьяны»: «Много сотен тысячелетий тому назад, в еще не поддающийся точному определению промежуток времени того периода в развитии земли, который геологи называют третичным, предположительно к концу этого периода жила где-то в жарком поясе — по всей вероятности, на обширном материке, ныне погруженном на дно Индийского океана, — необычайно высокоразвитая порода человекообразных обезьян».

Или об азиатской гипотезе прародины, об Азии, на чьей территории и поныне живут основные группы современных приматов, от тупайи, лемуров и долгопятов до низших и высших узконосых обезьян, и где были обнаружены многие ископаемые предки обезьян, в том числе и близкие парапитекам, найденным в Египте. Не говоря

уже о найденном в Индии в Сиваликских холмах рамапитеке, древнем антропоиде, которого некоторые исследователи до сих пор считают нижнеплиоценовым предком человека; о парантропе палеоованском, известной уже нам находке, сделанной в 1941 году в Сангиране на Яве, о питекантропах и синантропах; об азиатских неандертальцах и о найденных в Азии ископаемых гоминидах современного типа, о которых у нас речь еще впереди. Все эти находки никак не сбросишь со счета: они одни позволяют проследить чуть ли не все основные этапы человеческой родословной.

И поэтому по-прежнему приходится считать и с азиатским вариантом прародины.

Где же именно в Азии появился человек? Ученые спорят. Одни ищут прародину на севере материка, другие в центральных ее областях, кое-кто хочет доказать, что она была на юге. Предков человека разыскивают и в пустыне Гоби, и в Монголии, и в Тибете, и на Центральном Азиатском плоскогорье между Саянами и Гималаями, и между Гималаями и Центральной Азией. Даже в Австралии.

Что же все-таки наиболее вероятно? Думается, природа делала много попыток создать человека. Эти попытки осуществлялись там, где были соответствующие условия. И поэтому вряд ли следует ограничивать прародину (вернее, может быть, следует сказать «прародины») каким-то определенным районом. И утверждать: «Отсюда оно все и пошло».

Наверное, более правы те, кто не связывает появление человека с каким-то определенным материком, а просто прикидывает, где на территории Европы, Африки и Азии были для этого соответствующие условия в те далекие времена, когда это произошло. Ибо, вероятнее всего, область, где, в принципе, могло начаться и действительно началось очеловечивание, была достаточно обширной. «Южная Азия с добавлением северо-восточного участка Африки и, возможно, некоторых областей Юго-Восточной Европы». Так пишет видный советский специалист М. Ф. Нестурх. И похоже, что он прав. Хотя фактическая область прародины была (ведь то, о чем говорит Нестурх, это, так сказать, вся полоса) наверняка поменьше и поуже.

Как бы там ни было, но при современном уровне наших знаний ясно: своей фортуне людской род обязан в первую очередь тому обстоятельству, что он, в отличие от других, не был специализирован.

В том-то и весь секрет, что ветвь, шедшая к гоминизации, не могла и не должна была специализироваться. Она должна была оставаться всеядной. И ей было «запрещено» приобщаться к древесному образу жизни. Это не значит, конечно, что представители этой группы не умели лазать по деревьям — умели, но не так хорошо. Они умели бегать, но не так хорошо, чтобы у них вся энергия уходила «в ноги». Они были плотоядны, но, очевидно, тоже не в «полной мере». Короче, они умели делать все понемножку, но природа, если так позволено выразиться, выдерживала где-то равнодействующую, старательно оберегая их от пут специализации. Они шествовали по узкой тропинке, им самим не видимой, которая вилась между вершинами и обрывами специализации, и вероятность выжить для них была заложена в потенциальных возможностях от нее уберечься.

Как это ни парадоксально, но (приведем здесь слова одного французского ученого) им, этим существам, для своего блистательного взлета надо было сохранить множество весьма примитивных черт. Сохранить их тщательно: это был их единственный шанс «выйти в люди».

Не будем голословными, вот примеры. Лишь в начале третичного периода существовали млекопитающие с пятью пальцами. С той поры много воды утекло, количество пальцев у млекопитающих уменьшилось, у некоторых даже дошло до одного, и в этом плане они наиболее продвинулись по пути специализации. А у человека осталось пять. И есть ученые, которые считают, что строение стопы человека больше напоминает тетраподов, первых четырехногих амфибий, чем антропоморфных обезьян.

Или, допустим, зубы.

По мнению ряда специалистов, человеческие зубы напоминают зубы некоторых млекопитающих, которые тоже жили в начале третичного периода.

Во всех других группах зубы изменялись, специализировались, но только не у гоминид!

Нет, существование наших далеких прапредков вовсе не было легким. Можно не сомневаться: им было, быть может, труднее, чем адаптированным, специализированным группам, которые господствовали на нашей планете. Но триумф, в конечном итоге, предназначался не этим группам.

Небольшого роста существо, лишенное внушительных органов нападения и защиты, по сути беззащитное перед лицом природы, шло по самому главному пути, который, однако, не был ни прямым, ни зримым. Именно ему, этому существу, суждено было стать *мыслящим* животным, способным к труду, умозаключениям, самоанализу, абстрагированию, к социальному существованию.

3

Еще несколько слов.

Было бы, конечно, очень соблазнительным — и такие попытки производились — связать очеловечивание с тем своеобразным органом, который называется мозгом. И представить дело так, что только развитие мозга, развитие соответствующих нервных связей и создало в конце концов человека.

Эволюция мозга сыграла, конечно, свою, и немаловажную, роль, и значение мозга трудно переоценить. Но все серьезные ученые сейчас сходятся на том, что в истории человеческого рода эволюция мозга и соответственно мозговой коробки явилась результатом, а не первоосновой: происходили другие события, которые повлекли за собой эту наиважнейшую эволюцию.

Пока что мы говорили о чисто биологических факторах. Но тут в игру входят орудия — сам по себе уже не биологический, а материальный фактор, которому, однако, дано было совершить еще один революционный переворот, чье значение в очеловечивании поистине колоссально.

А дальше... О том, что было дальше, очень четко сказал Энгельс: «Сначала труд, а затем и вместе с ним

членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под чьим влиянием мозг обезьян постепенно превратился в человеческий мозг, который при всем своем сходстве с обезьяньим далеко превосходит его по величине и совершенству».

И как ни привести еще слова Энгельса о том, что «животное только *пользуется* внешней природой и производит в ней изменения просто в силу своего присутствия; человек же вносимыми им изменениями заставляет ее служить своим целям, *господствует* над ней. И это является последним, существенным отличием человека от остальных животных, и этим отличием опять-таки человек обязан труду».

... Кое-кто считает, что все началось с зубов, что именно здесь прошел первый водораздел между будущими понгидами и гоминидами.

Но все сходятся на том, что прямохождение, двуновость были в основе всех основ.

Не следует забывать: эта двуновость, отличающая людской род, объясняется рядом анатомических особенностей, которых нет у больших обезьян.

Так, к примеру, спинной хребет у людей вертикальный, в то время как у понгид он более наклонный. Затылочное отверстие у понгид несколько смещено.

Сдается, что эта эволюция оказалась более или менее завершенной на уровне австралопитеков. Между тем объем черепной коробки у австралопитеков еще не очень большой. Он не очень значителен и у *Homo habilis*.

И, судя по всем тому, что мы знаем, эволюция черепа набирала темпы, главным образом, в последующие времена.

Иными словами, после переустройства ног и рук и даже после появления первых орудий.

И тут мы вновь подходим к тому, о чем уже неоднократно упоминали: к тесной взаимосвязи прямохождения и употребления орудий, а затем и их изготовления.

Прямохождение высвобождает руку.

Она обретает независимость и самостоятельность.

А это приводит к тому, что идущее в люди существо может употреблять, носить с собой камни, палки. Ору-

дие делается возможным, и, следовательно, и труд тоже.

Но высвобождение руки оказывает непосредственное воздействие и на эволюцию мозга: челюсти перестают быть главным орудием для хватания. Начинается еще одно высвобождение — высвобождение лица. Лицевая часть становится меньше, а черепной отдел растёт.

Часть третья

ВОСХОЖДЕНИЕ
К ЧЕЛОВЕКУ РАЗУМНОМУ

Мы уже
больш
творить это по
ром она, если
наивысшее пр
нете.

И если в
шающую роль
ли чисто био
ного и необ
с изготовлен
самых ничто
резок пути,
и немногим
от обезьян
к вершинам
рождению ч
тутов.

Питекант
уже в русле

Здесь осо
происходил
с появлением
вида только
этом отрезке
современного

И в этой
тальцам.

Мы уже
скелет древн
Булю доволь

Глава I

КТО ТАКИЕ НЕАНДЕРТАЛЬЦЫ?

1

М

ы уже знаем: природе бесспорно понадобился большой разгон времени для того, чтобы сотворить это поразительное существо — человека, в котором она, если говорить о живых существах, нашла свое наивысшее проявление, во всяком случае, на нашей планете.

И если в его становлении до определенной поры решающую роль, как результат естественного отбора, играли чисто биологические факторы, то именно с осознанного и необходимого для жизни применения орудий, с изготовления орудий, пусть самых примитивных, пусть самых ничтожных, начался тот принципиально новый отрезок пути, который привел нашего обезьяноподобного и немногим по условиям существования отличавшегося от обезьян предка к вершинам современной культуры, к вершинам современной техники. Но прежде всего к рождению человеческого общества, социальных институтов.

Питекантропы, а до них, вероятно, *Homo habilis* были уже в русле этого потока.

Здесь особых разногласий нет. Спорят о другом: как происходил дальнейший процесс очеловечивания — ведь с появлением древнейших людей эволюция человека как вида только началась. Через какие этапы прошло на этом отрезке пути человечество? Как появился человек современного типа?

И в этой связи давайте вновь вернемся к неандертальцам.

2

Мы уже упоминали, что в 1908 году был найден скелет древнего человека, который позволил Марселлену Булю довольно подробно описать *Homo neanderthalensis*,

и что этой находке предшествовал ряд других, привлекавших внимание ученых к видовому своеобразию неандертальцев.

— Но лиха беда начало. Находки продолжают, и все яснее становится, что неандерталец отнюдь не случайный гость в Европе. И что он жил в более близкие к нам времена, чем питекантроп.

На карту ложатся названия всё новых мест и местечек, облюбованных некогда под жительство неандертальцами: в 1908 году — пещера Ле-Мустье во Франции, в 1909 — Ла-Ферраси, в 1910 — Ла-Кина.

Но вовсе не только во Франции жили неандертальцы. В Германии тоже новые находки. И в Югославии. И в Италии. И в Англии.

«Неандертальцы — закономерный этап, через который прошло человечество», — заявляет после многолетних исследований знаменитый чешский антрополог Алеш Грдличка. И уверенно добавляет: неандерталец — непосредственный предок человека современного вида.

Доказательства? Пожалуйста. Вот к примеру: многие признаки строения свидетельствуют о том, что именно неандертальцы занимают промежуточное положение между древнейшими гоминидами и современными людьми. Все говорит и о том, что неандерталец был творцом так называемых мустьерских орудий, которые были более разнообразны, лучше отделаны, более «техничны», чем совсем примитивные, очень грубо оббитые ручные рубила, а то и просто осколки камней, которые служили орудиями древнейшим людям — от питекантропа до гейдельбержца.

К тому времени — и по заслугам — на камне, находящемся рядом с местом находки первого неандертальца, водружают мемориальную доску в память Фульротта.

Череп и другие останки существа из Неандерталя — на вечном хранении в Бонне.

...Идет 1927 год, и у антропологии многое еще впереди.

Исследования продолжают, продолжают и новые находки, и концепция Грдлички начинает подвергаться критике.

Скажем прямо: не совсем необоснованной.

Спор старый, он начался еще в начале века: кто

такие неандертальцы — боковая ветвь или непосредственные предки человека?

Те, кто вновь поднимают на щит теорию боковой ветви, оперируют многими фактами. Если *Homo sapiens*, человек современного типа, ну, допустим, кроманьонец, говорят они, является близким родственником, нет, непосредственным потомком неандертальца, то почему тогда между ними такая разница? Посмотрите на скелет, на лицо, посмотрите на череп, посмотрите на мозг! И как могло случиться, что при такой, в общем, основательной разнице неандертальцы и кроманьонцы чуть ли не современники? Одни появились примерно тридцать тысяч лет назад, другие жили сорок пять — пятьдесят тысяч лет назад, в так называемую мустьерскую эпоху.

Может быть, предков человека разумного надо искать вовсе не среди неандертальцев? Может быть, была особая, не связанная с неандертальцами линия? Идущая из глубин времен?

И в самом деле. Западноевропейские неандертальцы мустьерской эпохи (других наука пока не знает) еще не слишком далеко ушли от людей питекантропового обличья. Более того. У них, как теперь выясняется, резко выраженная специализация в строении черепа и ряд других специфических особенностей, которые невозможно объяснить, если считать, что так оно и должно быть. Ибо получается, что неандертальцы более удалены от предковой формы, чем современный человек.

Доводы сыплутся как из рога изобилия. Каков средний рост неандертальца? 1 м 55 см — 1 м 60 см. А *Homo sapiens* (в данном случае кроманьонца) 1 м 80 см. Каков средний объем мозговой коробки? У неандертальца — 1570 см³. А у кроманьонца — 1450. Да и то сам по себе объем в данном случае не играет особой роли, это скорее тоже специализированная особенность. Важно то, что у неандертальца ассоциативные зоны мозга развиты еще слабо. Лоб? Он убегающий и низкий у неандертальца, он высокий и прямой у кроманьонца. Передвижение? Неандерталец в силу особенностей скелета ходил еще на слегка согнутых ногах, несколько наклонившись вперед. Кроманьонец — прямо.

Стоит ли продолжать перечень? Действительно, как ни крути, а получается так, что между западноевро-

пейскими неандертальцами и самыми ранними представителями человека современного вида большая разница.

«Нет, неандертальцы не предшественники современных людей, — начинает говорить кое-кто из ученых. — Их надо вообще исключить из числа предков человека».

Находки тем временем множатся. И выясняется, что вовсе не только в Западной Европе жили некогда неандертальцы.

Будущий археолог рос в большом сибирском селе, что раскинулось у самых истоков Лены. Прямо за околицей начинался путь в великую якутскую тайгу, о которой прелюбопытнейшие истории рассказывали длинными тихими вечерами словоохотливые странники.

Мальчик любил слушать их невыдуманные рассказы. И рассказы стариков о прошлом села — одного из самых давних на Ленщине. Воображение рисовало героические сцены: ведь именно здесь, в Бирюльском, в 1696 году был центр большого крестьянского восстания.

Историю Алеша Окладников полюбил рано. И со школьных лет изучал в краеведческом кружке быт сибирских сел, записывал старые сказания, свадебные обряды, русские и бурятские легенды.

Однажды в Бирюльское — дело было в 1925 году — приехал лектор. Большой знаток истории данных мест, он рассказал о найденных им вблизи села обломках сосудов, о каменных изделиях неолитического человека.

Будущий член-корреспондент Академии наук СССР не сводил с него глаз.

Осенью того же года по путевке окружного отдела народного образования юноша отправился в Якутск — в педагогический техникум. Он вез с собой три буханки черного хлеба и мешок собранных за лето неолитических находок — с десяти ранее неизвестных неолитических стоянок.

Ему было двадцать лет, когда он отправился в свое первое археологическое путешествие по Лене. Именно тогда он сделал свое первое настоящее открытие: разы-

сказ...
ций XVIII
пор позав...
...Пр...
ступенчат...
на отдельн...
ные изобра...
Словно
сменявших
рия, запеча...
Вот перв...
тело, сравн...
хвост, корот...
лет? Пятна...
рисунок. Вл...
ские роспис...
За тысячи к...
еще недавн...
районом оби...
было такое...
сто сплошно...
нагуливали...
огромные бы...
А потом,
тундра. Дру...
охотились, с...
забывая сна...
костяными к...
шлифованны...
рисовали. Во...
вытянута впе...
делится от с...
легкой поход...
А лента...
какие-то та...
олени...
Такой втор...
ветского Сою...
В 1938 год...
в Среднюю Аз...
Маленькие...
нюхивая камн...
14
Человек иш...

пред-
тьшая
емен-
ых. —
века». —
я, что
неан-

скал описанные участником великих северных экспеди-
ций XVIII века академиком Г. Ф. Миллером, но с тех
пор позабытые наскальные рисунки у деревни Шишкино.

... Примерно на три километра тянется эта стена,
ступенчатая, красноватая, расчлененная самой природой
на отдельные участки. И на всем ее протяжении наскаль-
ные изображения: внизу, посредине, у самой вершины.

Словно оживает здесь, раскрывая приметы народов,
сменявших друг друга в круговороте времен, сама исто-
рия, запечатленная навек.

селе,
а око-
о кото-
нными
сказы.
самых
ческие
6 году

И со
быт си-
дебные

году —
х мест,
ломках
овека.
СССР

отдела
хутск —
уханки
литиче-
литиче-

в свое
Именно
е: разы-

Вот первобытная дикая лошадь. Тяжелое массивное
тело, сравнительно небольшая голова, широкий пышный
хвост, короткие ноги. Сколько ей от роду? Десять тысяч
лет? Пятнадцать? Он еще примитивен, грубоват, этот
рисунок. Впрочем, не более, чем многие западноевропей-
ские росписи той эпохи. Вот изображения дикого быка.
За тысячи километров от Пиренеев, от Средиземноморья,
еще недавно считавшихся чуть ли не единственным
районом обитания людей древнекаменного века. Значит,
было такое время, когда под шишкинскими скалами вме-
сто сплошной тайги расстилались степь, луга, тундра и
нагуливали здесь жир похожие на бизонов круторогие
огромные быки, паслись не прирученные еще лошади.

А потом, видно, исчезли бескрайние степи, отступила
тундра. Другие люди поставили здесь свои чумы. Они
охотились, справляли свадьбы, хоронили умерших, не
забывая снабдить в дальнюю дорогу своих сородичей
костяными кинжалами с каменным лезвием, каменными
шлифованными топорами, горшками-дымокурами. И тоже
рисовали. Вот лось: рога закинута назад, передняя нога
вытянута вперед. Так и кажется, что зверь сейчас от-
делится от скалы и уйдет вдаль своей размашистой и
легкой походкой.

А лента разматывается все дальше. Рядом с лосем
какие-то танцующие человечки. Снова люди. Лодки,
олени...

Такой второй обширной летописи нет в пределах Со-
ветского Союза больше нигде.

В 1938 году Алексей Павлович Окладников поехал
в Среднюю Азию.

Маленькие ослики, поводя ушами и старательно об-
нюхивая камни, боязливо спускаются к шатким мосткам.

А. П. Окладников.

В незапамятные времена их, настлав доски поверх деревянных кольев, вбитых в еле видимые глазом расселины, поставили какие-то добрые люди.

Осликам очень не хочется идти по зыбким доскам, они привычно упрямятся, но все же идут. Узкая каменистая тропа, оббегающая громады скал и утесов, ведет их все выше. Мельче становятся где-то далеко внизу домики. Белыми,

черными, коричневыми точками рассыпалась внизу отара овец.

Наконец долгожданный перевал. Одна пещера, другая, третья — и ни малейших следов обитания древнего человека.

Поиск продолжается. Он продолжается до тех пор, пока в самой глубине огромного ущелья исследователи не обнаруживают темное пятно. Возле него, будто часовой, застыла гвардейского роста арча.

Они спускаются вниз и видят: большая пещера. Оббитые человеческой рукой камни, кости животных.

На сравнительно небольшой глубине у одной из стен исследователи внезапно обнаруживают остатки захоронения. Неандерталец? Правда, скелет сохранился не очень хорошо: череп раздавлен. Но все же и этот череп с блестящими зубами, и стопа, и кисть руки, и берцовые кости ног на месте. Целое богатство! И по самым пессимистическим подсчетам получалось, что мальчик (скелет принадлежал ребенку лет девяти-десяти) был захоронен в очень далекие времена — вероятно, не менее ста тысяч лет назад.

Тысячу веков назад другие звезды — нынешние еще не родились — были свидетелями похорон этого мальчика. Погиб ли он от болезни, случилась ли с ним иная какая беда, сказать трудно. Похороны были несложны. Прямо в гроте отрыли небольшую яму и положили маль-

чонку параллельно стенке: головой в глубь пещеры, ногами к выходу. По краям ямы вкопали рога козлов, сверху могилу засыпали землей, забросали ветками.

... Неандертальский мальчик из пещеры Тешик-Таш приобретает мировую известность. Еще бы! Оказывается, не только Европу, но и Азию населяли люди примерно такого же обличья, что и европейские неандертальцы.

Примерно, но не совсем.

Когда ученые присмотрелись к мальчику из Тешик-Таша, они убедились: конечно, малыш был неандертальцем, верно. Но только неандертальцем несколько необычного вида. Если позволительно так сказать, неандертальцем более человеческим.

Что же получается: поздние неандертальцы были более далеки от человека разумного, чем те, которые в гораздо ранние времена населяли далекие дали Азии?

4

Случай был хотя и любопытный, но далеко не единственный. В Германии, Франции, Италии, в Англии, в Югославии и до и после находки в Тешик-Таше находят останки неандертальцев более древних, чем известные уже нам поздние, или, как их теперь стали называть, «классические», неандертальцы.

И хотя и среди новых находок были более ранние (примерно 300 000 лет назад) и более поздние (примерно 250 000 лет назад), одно становится несомненным: в отличие от поздних, «классических», неандертальцев, эти обладали кое-какими признаками, сближавшими их с человеком современного типа. Но одновременно и некоторыми очень архаичными особенностями.

Вот некоторые из находок.

В северной Югославии, между Дравой и Савой, вьется по узкому оврагу ручеек Крапиника. Издавна здесь существует городок Крапина. В 1895 году некий учитель, по фамилии Регорич, нашел в одной из местных пещер зубы носорога. Заинтересовавшись находкой, профессор Горянович разыскал в пещере множество костей других

Охотничьи сцены. Шишкино.

животных и по меньшей мере 500 костей, принадлежавших людям.

Сколько? Это трудно сказать. Некоторые исследователи считают, что десяти, другие чуть ли не удваивают цифру. Одна из интереснейших находок — черепная крышка и фрагменты обеих теменных костей ребенка лет двух. Это вообще всегда производит впечатление, когда антропологи находят детские кости: казалось бы, такие нежные, хрупкие, они должны были бы давно истлеть. А ведь, поди ж ты, сохраняются, и довольно часто, хотя кости эти по естественным причинам ми-

нерализ
взросль
Оста
межку
стей бы
чтобы д
Что
какое-то
несколь
ские, то
случила

Лоси, козули, волки. Шишкино.

нерализованы в гораздо меньшей степени, чем у взрослых.

Останки людей из пещеры Крапина лежали вперемежку с костями зверей. И многие из человеческих костей были расщеплены вдоль — так обычно делается, чтобы добыть костный мозг.

Что здесь происходило? Ученые предположили: какое-то сражение. А поскольку некоторые кости были несколько иного обличья, чем «законные», неандертальские, то возникла даже целая теория: в Крапине, мол, случилась битва. Здесь встретились две различные

расы — примитивные, отсталые неандертальцы и какие-то пришлые, более прогрессивные люди, уже чуть ли не современного обличья. Победили последние. И, вероятно, отпраздновали победу людоедским пиршеством.

Не будем закрывать глаза на возможность последнего. Тем более, что это отнюдь не единственный случай, когда ученые находят — в том числе и относящиеся к более ранним временам — подобным образом разбитые человеческие кости. Нам важно подчеркнуть другое. Сейчас несколько поспешная гипотеза о битве между различными расами отброшена. Исследователи согласились: здесь вариации, принадлежавшие несомненно к одному и тому же виду. И вид этот, в отличие от «классических» неандертальцев, лишен признаков специализации и имеет кое-какие близкие к *Homo sapiens* черты.

Эрингсдорф — название маленькой деревушки в окрестностях Веймара. Первая находка — челюсть — была сделана тут в 1914 году. В 1925 году на том же месте в отложениях шестидесятитысячелетней давности разыскали фрагмент черепа. Ученые не могли не удивиться: так же, как и в останках из Крапины, огромный надглазничный валик. И в то же время лоб почти вертикальный, черепной свод довольно высокий — явно сапиентные, то есть свойственные человеку разумному черты.

Сванскомб — это вовсе не Африка, как можно было бы предположить, судя по названию. Это Англия — городишко, расположенный в южном графстве Кент. В 1935—1936 годах тут, у берега Темзы, в прибрежном щебне нашли фрагменты черепа, возможно, женщины лет двадцати, весьма похожие на череп *Homo sapiens*, но одновременно и на череп неандертальца. И что самое любопытное: слои, в которых они были найдены, по меньшей мере, двухсотпятидесятитысячелетней давности. И рядом лежало тех же времен ручное рубило.

Фонтешевад. На сей раз Франция. 1947 год. Примерно такой же череп.

Впрочем, и вокруг сванскомбской и вокруг фонтешевадской находки страсти кипят, — кое-кто из ученых хочет видеть в этих черепах свидетельство существования независимой пресапиентной ветви.

Людей неандертальского обличья находят понемногу повсюду, даже в Северной Родезии. Вот, к примеру, череп из Брокен-Хилла. В 1921 году рабочие на одном из рудников среди множества разных костей обнаружили массивный череп с мощным надглазничным валиком. И фрагмент верхней челюсти, возможно принадлежащий другому индивидууму, а также берцовые и бедренные кости.

И вновь загадка: неандертальского обличья черепу, даже несколько похожему на череп питекантропа, соответствуют нижние конечности чуть ли не современного облика. Возраст существа? Примерно тридцать тысяч лет.

Вероятнее всего, еще одна сбившаяся с пути линия: неандерталец, еще более ушедший в специализацию, чем поздние неандертальцы в Европе.

Но так или иначе — неандерталец. Как и найденный в 1953 году в девяноста милях от Кейптауна так называемый человек из Селданы. Последний несколько более древний — сорок — сорок пять тысяч лет.

Находят неандертальцев на Яве, находят в других местах.

Европа, Азия, Африка — весь Старый свет. И большая амплитуда времени. И большое разнообразие — от таких форм, которые достаточно примитивны или достаточно специализированы, до таких, которые достаточно прогрессивны и бесспорно могут считаться предками современного человека.

Значит, неправы те, кто, основывая свои выводы лишь на странностях развития поздних европейских неандертальцев, выступили вообще против неандертальской стадии в развитии человечества, как промежуточной между древнейшими людьми и современными?

Да, считают советские ученые. Неандертальцев — в широком понимании этого слова — нельзя исключать из числа предков человека.

Другое дело, что первоначальный вариант теории неандертальской стадии нуждается в уточнениях. Уже хотя бы по той причине, что, как теперь становится все яснее, существовали по меньшей мере две большие разновидности неандертальцев.

Первая — та, к которой принадлежал найденный во времена Фульротта экземпляр, поздние, «классические», западноевропейские неандертальцы, с весьма грубым строением руки и стопы и с большим, но не слишком развитым мозгом. И неандертальцы сапиентные, то есть с чертами современных людей, с более развитой рукой и мозгом.

6

Суровы горы Курдистана. Куда ни глянь, вздымаются кверху покрытые выжженной травой, местами и голые вершины. Загросский хребет. Ущелья, долины, на склонах гор — пастбища.

В этом не очень уютном уголке ныне живут курды, многострадальный народ, чьему благополучию мешают не только незавидные жизненные условия, но и та национальная рознь, которую до самого недавнего времени разжигали здесь властители Ирака.

На стык границ Ирака, Ирана и Турции курдов оттеснили их более сильные соседи. Как в любом горном районе, здесь много пещер. Одна из них приобрела в последние годы широкую известность.

Запомните ее имя: Шанидар. Точный адрес: гора Барадост, между городом Мосулом и озером Урмия. Высота семьсот пятьдесят метров над уровнем моря.

Высота пещеры — четырнадцать метров. Площадь — около тысячи квадратных метров.

В ней четыре слоя жизни.

Первый — от наших дней и до времен новокаменной эпохи.

Второй относится к двенадцатому тысячелетию до нашей эры.

Третий — древностью от двадцати девяти тысяч лет до тридцати четырех.

Самый интересный — четвертый: сорок пять — семьдесят тысяч лет назад.

...Кремневые отщепы с односторонней обработкой. Остатки огня. Упавшие с потолка камни. Скелеты людей.

Собственно говоря, скелетов там сейчас нет. Тот, кто их обнаружил — доктор Солецкий из Смитсоновского

Фигура мальчика-неандертальца из Тешик-Таша.
(Реконструкция М. Герасимова.)

института США, — увез их с собой для исследования, семь скелетов, найденных в Шанидаре с 1951 по 1960 год.

Они относятся к одной эпохе, но к разным временам. О четырех из них мы знаем: эти люди жили пятьдесят тысяч лет, шестьдесят тысяч, пятьдесят две тысячи и шестьдесят четыре тысячи лет назад.

Первые трое — взрослые. Последний — ребенок. Когда он умер, ему едва ли исполнился год.

Лучше всех сохранился первый скелет.

7

Это мужчина лет сорока, и, когда археологи его впервые увидели, он лежал под обломками скал, и эти обломки сместили и придавили кости скелета. Сместили — пусть, лишь бы разыскать их все: не каждый день встречаются скелеты древних людей.

...Исследователи видят череп; к счастью, он почти цел; они видят ребра, кости ног, руки. Правда, не все кости достаточно хорошо сохранились.

Но вскоре ученые спохватываются. Да, они сделали все как полагается: расчистили пласт, обнажили кости, очистили их от земли и грязи, хорошенько осмотрели. Где же кисть правой руки? Где предплечье?

Снова и снова рассматривают найденное ученые. Нет, ошибки тут нет: кисть и предплечье отсутствуют. Еще раз осматривают земляной пласт, снова пускают в ход скребки. Нет!

Человека задавило обвалом. Возможно, его тут же похоронили, поскольку уж очень аккуратно, прямо над скелетом, находятся обломки, и нет их вокруг — словно кто-то специально завалил тело камнями.

Почему же не все кости на месте? Истлели? Вряд ли — остальные-то более или менее целы!

Работа хищных зверей? Не похоже.

Но, может быть, человек был просто одноруким? Мало ли как мог он потерять руку: драки, войны, несчастные случаи существовали и тогда.

Странно другое: что, однорукий, он продолжал жить. Значит, его не оставили в беде, кормили, поили. Вряд ли бы он смог просуществовать один-одинешенек.

Но прежде всего, если он действительно был однорукий, то когда он потерял свою руку? Может, совсем незадолго до смерти?

...Этому человеку не слишком везло при жизни. Кто-то нанес ему сильнейший удар — лобная кость была рассечена чуть ли не насквозь. Ударили по глазу, да не

просто, а так, что пострадали надбровные кости, а глазница стала значительно шире, чем прежде. Остался ли глаз? Маловероятно, наверное, вытек.

Может быть, в этой схватке он лишился и руки?

Как же все-таки доказать, что он действительно ее лишился, и задолго до гибели. Может быть, в то же время, когда ему были нанесены эти страшные увечья? Задолго до того, как умер: ведь рассеченное место на голове успело зажить. Сглажены были заживленные костной тканью и разбитые края глазницы.

8

Антрополога Джеймса Стюарта осеняет: если человек мало-мальски долгое время был одноруким, то должны же быть какие-то изменения в скелете? Внимательнейшим образом рассматривает он теперь правое плечо, лопатку, ключицу. И убеждается: верхние кости ослаблены. Такое могло быть только, если человек долгое время не работал рукой или у него ее давно не было.

Теперь яснее становится, почему у мужчины из Шанидара такие странные зубы: стертые не только так, как обычно у всех, поживших на свете, но и с внутренней и с наружной сторон; и почему также были стерты передние зубы (это обстоятельство вызывало множество недоумений); и почему именно передние зубы, в частности нижние, были развернуты в стороны.

Однорукий инвалид носил что-то в зубах? Не исключено. Но то, что зубы помогали ему при какой-то работе, — это уж несомненно. Какой именно? Трудно сказать определенно. Возможно, он имел дело с своего рода дратвой. Может быть, разделявал шкуры...

Но вот что самое важное: и «шанидар первый», как его называли исследователи, и скелеты других жителей пещеры (отделенные, правда, от него тысячелетиями) были прежде всего интересны тем, что все принадлежали к людям единого типа. И этот тип был таков: с одной стороны, вполне определенно выраженные черты «классических» неандертальцев (как полагается, массивный надглазничный валик, тяжелые кости черепа); а с другой — у них явно наблюдались черты, присущие людям более поздним — кроманьонцам и компании.

Такие же, как в Шанидаре, неандертальцы заселяли и пещеру Кафзех, недалеко от Назарета. И люди эти, близкие по своим чертам к шанидарцам, были более древними.

Как не вспомнить и целый цикл открытий все в том же Восточном Средиземноморье, сделанных за двадцать лет до того, как исследователи познакомились с шанидарцами: в пещерах Мугарет-эс-Схул и Мугарет-эт-Табун на западном склоне горы Кармел, в северной части Палестины, в 1931—1932 годах.

...В последней все началось с находки костей ребенка. А потом удалось найти несколько взрослых черепов и значительное количество костей скелетов.

На пятнадцать с половиной метров уходят вглубь слои жизни в пещере Табун, и, судя по всему, жизнь тут не прекращалась очень долго. В Схуле слой не такой мощный, но находки оказались не менее интересными, чем в Табуне.

Вообще более сложной картины, чем та, которая возникла перед исследователями этих пещер, трудно себе представить. Чтобы не затруднять читателя деталями, скажем: самое главное тут — удивительное переплетение признаков, характерных для неандертальцев, но одновременно и для людей современного типа — неандерталоидных и сапиентных признаков. Это — самое главное и самое важное. И бесспорное.

А спорят ученые уже о конкретных вопросах: кто, что, почему, откуда. Иначе говоря, о происхождении кармельских палеоантропов и причинах столь большой разницы между «населением» как в той и другой пещерах, так и между ними. И если в пещере Табун дело обстоит все же несколько попроще и, как пишет советский ученый М. Урысон, «можно допустить прямую связь между ранними западноевропейскими палеоантропами и табунским типом кармельских палеоантропов как двумя последовательными ступенями трансформации палеоантропов в направлении *Homo sapiens*», то о населении пещеры Схул высказывают самые разные точки зрения. И все потому, что в очень уж сложный клубок тут все переплелось.

Подчеркнутое
ление Табуна
«классическ...

10

Несомненно
ловека — являе
она существо
большинство
просто еще н
неандертальц
возможно пре

Поздние з
ческие» неанд
от линии очес
чае в узком с
всей вероятно
роне осталис
(помните чел
зация выраже
европейских н

И тогда
формы пале
скомб) и пер
и люди Карм
Таша.

Еще точн
тальцы явил
рая в ходе э
к выкристалл
Промежут
формы.

Это не до

11

Почему ж
дертальцы? Э
тез говорит:
индивидуаль

Подчеркнем: кармельцы — и население Схула и население Табуна — бесспорно более древняя группа, чем «классические» неандертальцы.

10

Несомненно: неандертальская стадия в развитии человека — явление очень и очень непростое. Но то, что она существовала, — так, во всяком случае, считает большинство ученых — это факт. И хотя мы многого просто еще не знаем, хотя в сложной и долгой истории неандертальцев еще масса «белых» пятен, вернее всего, возможно представить себе дело следующим образом.

Поздние западноевропейские палеоантропы, «классические» неандертальцы, — ветвь, действительно ушедшая от линии очеловечивания (если брать его в данном случае в узком смысле — превращения в *Homo sapiens*). По всей вероятности (в том числе судя и по возрасту), в стороне остались и так называемые южные палеоантропы (помните человека из Брокен-Хилла?): у них специализация выражена еще, пожалуй, сильнее, чем у поздних европейских неандертальцев.

И тогда на передний план выдвигаются древние формы палеоантропов (Эрингсдорф, Крапина, Сванскомб) и переднеазиатские палеоантропы. В том числе и люди Кармела, шанидарские люди, мальчик из Тешик-Таша.

Еще точнее: именно ранние, «античные», неандертальцы явились той исходной массой, той основой, которая в ходе эволюции и естественного отбора и привела к выкристаллизованию вида человека разумного.

Промежуточным этапом здесь были палестинские формы.

Это не догма. Есть и другие теории.

11

Почему же «уклонились» поздние европейские неандертальцы? Это пока тоже не очень ясно. Одна из гипотез говорит: суровые условия. Понадобилась большая индивидуальная сила. Отсюда недоразвитость особенно-

Человек из пещеры Схул. (Графическая реконструкция М. Герасимова.)

стей, «связанных с усложнением социального поведения».

Но ведь кроманьонец начал свое победное шествие тоже отнюдь не в тепличных условиях!

Не вернее ли будет предположить, что тут, как и в более давние времена, процесс достаточно сложный. И признать, что те отдельные фрагменты, которыми мы располагаем, еще не складываются в достаточно четкую, а главное — последовательную картину. Уже хотя бы

потому.
II чрез
путь. Пу
ковыми
климатич
Челове

в руках пр
II все-т
еще лучш
выжил, че
Медлен

ции убист
андерталь
ции чело
и отработ
обществен
рактрным
Эпоха сер
производс

... Кор
короткими
уже знал
цену оруд
рил ассорт

Совмес
жизнь за
И есть все
появилась

Пройде
в пещерах
стры кром
мне хочет
останков

В нача
приметным
в окрестно
свои работ
шийся и

потому, что чрезвычайно для этого мало находок. И чрезвычайно непрост, извилист, многообразен был путь. Путь, быть может, со многими попытками, с тупиковыми линиями, в том числе и из-за разнообразных климатических и иных природных факторов.

Человек в те времена еще во многом был игрушкой в руках природы.

И все-таки он выжил! Выжил и закалился, выжил и еще лучше приспособился к условиям существования, выжил, через все барьеры идя к прогрессу.

Медленно? Да. Но заметьте: постепенно ход эволюции убыстрялся. И уж если говорить обо всей эпохе неандертальцев, то она одна из революционных в эволюции человека, в перестройке его организма, в создании и отработке того комплекса физических, моральных и общественных черт, которые в совокупности станут характерными для человека в узком смысле этого слова. Эпоха серьезных сдвигов и достижений в первобытном производстве.

... Коренастый, сутулый, с очень крепкими руками и короткими ногами, с большой головой, неандерталец уже знал огонь. И пользовался им. Охотник, он знал цену орудиям и оружию, усовершенствовал их, расширил ассортимент.

Совместная охота, изготовление орудий труда, сама жизнь заставляла людей спланиваться в коллективы. И есть все основания думать, что именно на этой стадии появилась у человека членораздельная речь.

Пройдет в конце концов не так уж много времени, и в пещерах у горнокаменных подножий зажгут свои костры кроманьонцы. О них в следующей главе. А сейчас мне хочется еще рассказать о судьбе двух найденных останков неандертальцев из Ле-Мустье и Комб-Капелля.

В начале нашего века Ле-Мустье было тихим и не-
приметным селением. Начиная с 1905 года здесь и
в окрестностях в поисках доисторических людей начал
свои работы австриец Гаузер. Человек он был увлекаю-
щийся и своеобразный, со своими не очень верно

оправдавшимися концепциями, не чуждый и торгашеского духа. Но тем не менее немало полезного сделавший для антропологии вообще, для воссоздания истории неандертальцев в частности.

В марте 1908 года в одно прекрасное утро Гаузеру докладывают, что его рабочие нашли в Ле-Мустье останки скелета, и в довольно древнем слое.

Действительно: в одном из гротов — находка первостепенной важности. Гаузер знает: поспешность в таких случаях вредна. Он приказывает прекратить работы и последующие несколько недель посвящает тому, что рассылает приглашения соответствующим специалистам.

Первой прибыла комиссия, назначенная французским правительством. Затем, в августе, — комиссия из девяти немецких ученых. Работы были возобновлены, и таким-то образом на свет появился скелет юноши лет четырнадцати — шестнадцати. Голова его покоилась на правой руке, частично на кусках кремня. Случайность? Трудно сказать, ибо тут же исследователям на глаза попадает отличное ручное рубило.

Так в распоряжение науки попал еще один довольно полный экземпляр неандертальца, относящийся к тем временам и к тому же обличью, что и известный уже нам, описанный Марселленом Булем неандерталец из Ла-Шапель-о-Сен.

Гаузер был, как мы уже говорили, не только искатель, но и торговец древностями. Недолго думая он продает свою находку и еще одни останки, найденные его рабочими в Комб-Капелле, в Южной Франции, Музею этнологии в Берлине.

Сумма немалая — 160 000 золотых марок!

Рассказывают, что каждый раз, приезжая в Берлин, Гаузер покупал букет красных роз и клал его перед витриной, где покоились проданные им скелеты.

В 1922 году обе находки попали в выделившийся из Музея этнологии Музей предистории и ранней истории.

Семнадцать лет спустя началась война. Черепа обоих наших знакомцев, причисленные к ценностям высшего ранга, были куда-то отправлены на специальное хранение. Они так и не были найдены после окончания военных действий.

А как
В фев
бомба...
Дадим
Гансу Бо
на улице
меня на в
останков
лежали, ч
ящичках,
ном, это
время и
не власт
человек,
тии, — вы
сотни лет
произошло
протяжени

Итак,
земли.
А как
вопросов
Впроче
ных (прав
цами то за
в который
мире — с
зование во
Чтобы
в этом суш
что речь и
и обладавл
потезе о то
случае, не
в тех или
профессор
градировав
цев...»

А кости скелетов запрятали в погребе музея.

В феврале 1943 года в здание попала зажигательная бомба...

Дадим слово немецкому писателю-популяризатору Гансу Бауэру: «Когда я летом 1956 года посетил музей на улице Штреземанна, его руководительница повела меня на второй этаж. И здесь я увидел жалкие остатки останков людей из Ле-Мустье и Комб-Капелля. Они лежали, частично завернутые в вату, в двух маленьких ящичках, разделенных внутри перегородками. В основном, это были небольшие кости. Более ста тысяч лет время и элементы, способствующие разрушению, были не властны над ними. Затем современный человек — человек, ушедший далеко в своем культурном развитии, — высвободил их из векового плена. Едва ли полсотни лет спустя в течение нескольких страшных минут произошло то, от чего эти останки были избавлены на протяжении целой эпохи в истории Земли».

13

Итак, неандертальцы постепенно исчезли с лица земли.

А как именно, почему — это тоже один из интересных вопросов науки.

Впрочем, исчезли ли они совершенно? Кое-кто из ученых (правда, очень немногие) связывают с неандертальцами то загадочное существо, что несколько лет назад — в который уже раз — наделало немало шума во всем мире — с загадочным «снежным человеком», чье существование вообще многие отрицают.

Чтобы не было недомолвок: те, кто хотят видеть в этом существе гоминоида, вовсе не настаивают на том, что речь идет о неандертальцах, изготовлявших орудия и обладавших членораздельной речью. Но (вопреки гипотезе о том, что «снежный человек» — это, в лучшем случае, неизвестная науке обезьяна) не осталось ли в тех или иных уголках земного шара, как пишет профессор Б. Ф. Поршнев, «теплящихся кое-где, деградировавших вымирающих остатков неандертальцев...»

1907 год. Английский ботаник Г. Элиус докладывает Королевскому географическому обществу о том, что в Тибете обитает какой-то неизвестный вид — волосатый дикий человек. О том же самом (какие только не бывают совпадения!) сообщает в Петербург монгольский востоковед Б. Барадийн: в песках Центральной Азии живет необычное существо, почти человек, но волосатый и скрывающийся от людей. Монголы называют его «алмаст».

И тому и другому сообщению не придают значения. Тексты их нынче утеряны. Проходит несколько лет, и в 1914 году в Российскую Академию наук поступает еще одно сообщение. Автор — молодой зоолог В. А. Хахлов, ныне профессор. Он пишет, что ему удалось путем сбора сведений и соответствующего исследования полученных данных установить: в Тянь-Шане и Центральной Азии обитает дикий вид. Хахлов предлагает дать ему наименование: первочеловек азиатский.

Сообщение попадает в папку (его оттуда извлекают сравнительно недавно) с характерным названием: «Записки, не имеющие научного значения». А слухи о загадочном существе, похожем то ли на какую-то горную обезьяну, то ли на человека, распространяются все шире. В разных районах, в том числе и в Гималаях, об этом рассказывают как о само собой разумеющемся. На Памире его называют каптаром, в Непале — йе-ти, «снежный человек».

— Ерунда, — отмаливаются многие, — в лучшем случае, легенды. Никаких людей, ни «снежных», ни «лесных», нет.

Конечно, формально экспедиция, которую лет двенадцать тому назад организовали англичане, искавшие на непальских склонах Гималаев йе-ти, закончилась неудачно. Неудачей закончилась и наша небольшая экспедиция на Памире. Однако, во-первых, так ли уж хорошо были организованы экспедиции (по принципу: «пойдем в горы — найдем»)? А во-вторых, сообщение одного из участников английской экспедиции, что скальп, якобы принадлежавший йе-ти (кусочек скальпа дали ему монахи того монастыря, где скальп хранится), на самом

В интересе
человеку» (это
гах-то существ
в СССР, сооб
встречались с
личных уголках

— Выдумки
вают сказки, бо

Но почему
лжецы сотни
покойный мар
Советского Со
М. С. Топильск

ко лишь потом
в руках» ни о
вспомнить, что
десять лет было
даже родов к
почти трехметр
«признавать» м
были только св

— Миф, —
прошлого.

Но почему
уголках мира,
схожие описани
справедливо под

деле подделка и что, следовательно, никакого йе-ти нет — в лучшем случае, плод недоразумения. Ведь то, что он сообщил насчет скальпа, в принципе не является чем-то новым. Известно, что в монастыре хранится «модель», а не сам скальп йе-ти.

Да и не в этом дело. Отсутствие йе-ти в том или ином районе (могли ведь и не найти!) вовсе не свидетельствует о том, что его нет вообще.

Тем более, что о загадочных «людях», как мы уже упоминали, говорят не только в Тибете и Непале. В Монголии тоже. В Северной Америке. На Кавказе.

15

В интересных сборниках, посвященных «снежному человеку» (это неудачное название, похоже, что в снегах-то существо почти не живет), вышедших у нас в СССР, собрано много свидетельств людей, которые встречались с загадочным индивидуумом в самых различных уголках нашей страны.

— Выдумки, — говорят скептики. — Люди рассказывают сказки, болтают невесть что.

Но почему же уж так записывать в выдумщики и лжецы сотни и сотни людей? В том числе и таких, как покойный маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза П. С. Рыбалко? Как генерал-майор М. С. Топильский? Как профессор К. А. Сарунин? Только лишь потому, что скептики до сих пор не «подержали в руках» ни одного экземпляра? И как тут, кстати, не вспомнить, что только за последние пятьдесят — шестьдесят лет было открыто около двадцати новых видов и даже родов крупных млекопитающих, в том числе и почти трехметровая горилла. А их тоже долго не хотели «признавать» многие ученые; о них тоже долгое время были только свидетельские показания.

— Миф, — говорят другие. — Пережитки темного прошлого.

Но почему же десятки и сотни людей в различных уголках мира, словно сговорившись, дают во многом схожие описания этого существа? Откуда бы им, как справедливо подчеркивает профессор Б. Поршневу, знать

такие антропологические, анатомические тонкости, которые доступны пониманию лишь узкого круга ученых.

И почему, когда этим свидетелям, как пишет советская исследовательница Ж. Кофман, показывали фотографии, изображающие различных антропоидов и питекантропа, «все очевидцы без колебаний выбирают последнего, как наиболее «подходящего», правда, с внесением некоторых поправок, но всегда одних и тех же».

Не будем голословны. Приведем несколько характерных свидетельств, относящихся в данном случае к некоторым областям Кавказа, в частности Кабарды.

«Лицо, как у человека, только губы сильно выдвинуты вперед. Нет, не совсем, как у обезьяны. Я видел обезьяну. У обезьяны морда сильно вытянута вперед, как у собаки. А у этого меньше, чем у обезьяны, но больше, чем у человека. У него морда — как бы середина между человеком и обезьяной» (Б. Гейсар, бывший разведчик).

«Орангутанг, но с более человеческим лицом и очень жесткой шерстью» (Н. Самедов, агроном).

«Вся волосатая, на голове длинные волосы [речь идет о женской особи. — А. В.]. Грудные железы опущены, висят, как у женщины, но ниже. Ногти длинные. Глаза раскосые, красные, зубы крупнее, чем у человека...» (М. Пшуков, строитель).

«Стоя на арбе, я увидел человеческую фигуру, которая, согнувшись, уходила в подсолнухи. Я хорошо рассмотрел только спину. На спине — длинные рыжие волосы, как у буйвола, на голове длинные волосы...» (Х. Ахаминов, колхозник).

Учтите, в какой-то мере то же самое сообщил профессор Хахлов и другие ученые.

Не удалось пока найти и какие-либо орудия?

Верно. Но, как писала в помещенном в журнале «Наука и религия» № 4 за 1965 год в открытом письме профессору В. Д. Авдееву, ярому противнику алмастов, Жанна Кофман, «термин «неандертальцы» объединяет в высшей степени полиморфную группу крайне разнообразных типов, от звероподобного родезийского человека, судя по всему не имевшего никаких орудий, до предразумного. Поручитесь ли вы за то, что любой неандерталец умел изготавливать орудия?»

И почему, наконец, в ряде средневековых хроник есть упоминание о существах, удивительно напоминающих описания алмастов и прочих?

16

Трудно, конечно, сказать что-либо определенное. Но как не задуматься над тем, что буквально во всех свидетельских показаниях об алмастах, йе-ти, каптарах — и как их еще там называют — фигурирует несколько основных признаков: весь покрыт волосами, сутулый, ходит на двух ногах, имеет длинные руки. У него покатый лоб и косо посаженные красные глаза, удлинённая голова, крупные зубы. Не говорит, а бормочет.

... Мы многого еще не знаем, и, хотя мир кажется основательно изученным, отнюдь не все тайны современного животного мира находятся в нашей власти.

Может быть, правы те, кто, так же как известные ученые-зоологи Бернар Эйвельманс, Айвен Сэндерсон, призывают отнестись с должным вниманием к данной проблеме. Кто считает: есть основания думать, что в труднодоступных уголках нашей планеты, быть может, обитают последние остатки какого-то диковинного, вымершего вида.

Б. Ф. Поршневу, защищающий этот взгляд, в своей вышедшей в 1964 году книге «Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах», пишет: «Речь идет не о том, что человек встретился с этим видом, а о том, что он с ним разошелся: это поистине остатки (реликты) его самого непосредственного предшественника».

Нет, все не так просто. Становление человека — процесс, значительно более долгий, значительно более сложный, чем мы это себе представляли еще сравнительно недавно. И нерешенных вопросов, зияющих пропастей, через которые нужно еще перекинуть мостики знаний, здесь сколько угодно.

Не все древние формы ископаемого человека в равной степени принимали участие в процессе формирования современного человека. Не секрет и другое: факты свидетельствуют об одновременном, в ряде случаев, сосуществовании питекантропов и ранних неандертальцев,

«классических» неандертальцев и ранних форм Homo sapiens. Эволюция — не ступеньки эскалатора, не прямая линия. Это лишний раз показывает разнообразие неандертальцев. Многие ученые сейчас предпочитают, в том числе и по отношению к неандертальцам, говорить о «пучке», о нескольких видах этих, в общем, отличавшихся всесторонним развитием мозга и умением выделывать орудия существ. Видах родственных и соседних, но тем не менее конкурировавших друг с другом, подверженных естественному отбору.

Много ли шансов было бы у человека стать человеком, если с самого начала был бы только один вид, только одна линия?

Глава II

ОХОТА БЫЛА ГЛАВНЫМ

...я охотно представляю себе нового пришельца возникшим из автономной, долгое время скрытой, хотя и в тайне активной эволюционной линии, которая в один прекрасный день выступила победоносно среди всех других линий, несомненно из самой сердцевины...

Тейяр де Шарден

1

И

вот он наконец появился, человек, которому еще в XVII веке великий Карл Линней дал в своем систематическом своде сущих на земле растений и животных гордое имя: человек разумный!

Обезьяньи черты исчезли. Завершено создание самой сложной и самой тонкой в мире нервной системы. Различные участки коры мозга объединились в единую функциональную систему. Налицо человеческий тип мышления и соответственно человеческая речь.

Сделан еще один решающий скачок.

Отныне развитие человека — это прежде всего развитие человеческого общества.

Когда без малого сто лет тому назад Олен Лаганны, а затем Луи Ларте увидели найденные при строительстве железной дороги черепа и фрагменты скелетов из грота Кро-Маньон, открытия еще только начинались.

Но уже тогда можно было не сомневаться: данные ископаемые люди — наши бесспорные и самые непосредственные предки. Череп современной формы. Достаточно выпрямленный позвоночный столб. Прямые ноги. Лицо современного человека. И даже красивого — с высоким лбом, прямым носом. И вообще этот человек был хорошо и пропорционально сложен.

Ложери-Басс, Дюрютьи, Отэ, Комб-Капелль, Ла-Мадлен, Солютре — вот далеко не полный список местечек и пещер в одной лишь Франции, где были найдены останки людей того же обличья. Но и в Бельгии, в Германии, в Чехословакии, в Советском Союзе. И вся Африка некогда, от Марокко до Туниса, была населена людьми, достаточно близкими к кроманьонцам.

Напомним еще раз: высокий рост (1 м 80 см), длинные и крепкие руки, длинные ноги, широкое и относительно короткое лицо.

Вскоре ученые убедились: среди ископаемых людей современного вида были и люди, несколько отличавшиеся от кроманьонца.

Человек из Шанселада, например. Скелет его впервые был найден в 1888 году, в местечке этого же названия, неподалеку от Периге, в Дордони (Франция). И уже первые же исследования показали: шанселадский человек немного иной, чем кроманьонец. Ростом он был ниже — 1 м 55 см, руки и ноги относительно небольшие, но чрезвычайно крепкие и, очевидно, мускулистые. Заметные скулы, лицо широкое. Высокая мозговая коробка.

Внимание привлекли и так называемые гримальдийцы. Они были найдены на итальянской земле, близ Ментоны, одного из самых знаменитых курортов на Ривьере, в пещере в 1901 году.

Всего здесь девять пещер, и все они имеют общее название «пещеры Гримальди», ибо здесь было поместье, принадлежавшее неким Гримальди, аристократам, родственникам и поныне правящей в Монако семьи. Та пещера, в которой были сделаны интересующие нас находки, имеет еще и свое собственное название — «Грот детей».

Так вот: здесь было двойное захоронение — пожилая уже женщина и юноша лет пятнадцати. Черепа, кости скелета сохранились довольно неплохо. Рост — примерно 1 м 60 см. И многие специалисты пришли к заключению, что у этих людей вроде бы заметны негроидные черты.

Впрочем, сейчас это оспаривается. Как и то, что шанселадец (это доказывали долго и упорно) был предком эскимосов. Сейчас считается, что шанселадский человек, в общем, не так уж отличается от других людей позднего палеолита, что высокое лицо и более высокие, чем у кроманьонца, орбиты встречаются и у явных кроманьонцев.

Единого мнения, однако, тут нет. До сих пор в науке существуют, по меньшей мере, три гипотезы, как о количестве вариантов среди первоначальных неантропов (людей современного типа), так и о той роли, которую они сыграли в образовании последующих рас.

Согласно одной из них, в полном соответствии с перечисленными нами открытиями, и существовало три расы. Номо sapiens'ов — гримальдийская, кроманьонская, шанселадская.

Согласно другой, к ним следует добавить еще одну — брюннскую. Об этом, так считают ее приверженцы, свидетельствует более длинная, чем у кроманьонцев, мозговая коробка, более узкое лицо, ряд других признаков. Поясним: речь идет о находках, сделанных северо-восточнее чехословацкого города Брно (до первой мировой войны он назывался Брюнн), в Моравии, в Пржедмостии.

Здесь с незапамятных времен был большой холм, и

Кроманьонец из Костенок. (Реконструкция М. Герасимова.)

еще в 1571 году, говоря о находках, сделанных в толще этого холма, епископ Иоганн Благослав в составленной им «Чешской грамматике» писал: «Тут много костей, принадлежавших гигантам, зубы такие же большие, как человечески головы, ребра, как балки, и огромные рога». В XVI веке не очень разбирались в зоологии, и поэтому

не следует особо придирается к сообщению почтенного епископа. Да тогда мало кого и интересовали все эти кости.

Заинтересовались ими в XIX веке. Но с весьма практической целью. Так же как и в некоторых других случаях, здесь тоже жителям пришлось по вкусу даровые удобрения. В самом деле, поройся немного в холме, нагрузи телегу, раздоби — и пожалуйста.

Ученые добрались до Пржедмоста только к концу века. Начал здесь раскопки Ванкель. А после его смерти их продолжили Маска и Криц. Именно Маска удалось разыскать в Пржедмосте двадцать человеческих скелетов — восемь взрослых и двенадцать юношеских.

Есть еще одна точка зрения: все неолиты — единая позднепалеолитическая раса.

5

Отличались ли древние европейцы от современных? Да, кое в чем второстепенном. В одной из своих статей советский ученый И. И. Гохман подчеркивает: большая ширина лица, возможно, некоторая уплощенность переднего плана лица.

И еще: они, вероятно, весили больше, чем современные люди. Мы говорим «вероятно» потому, что точных данных пока нет. Но судя по составленной известным советским антропологом Г. Ф. Дебецом формуле взаимосвязи между ростом и весом ископаемого человека, уже опробованной на людях неолита и бронзового века, разница была, и, возможно, существенная.

Предоставим слово самому ученому (его доклад, посвященный этой проблеме, был заслушан на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов с большим интересом).

«... Вес находится в тесной связи с объемом костей. Таким образом, средний вес представителей данной этнической группы может быть восстановлен с точностью примерно до двух килограммов. Причем критерий соответствия роста должен устанавливаться в соответствии с массивностью скелета.

Древний человек эпохи неолита и бронзового века отличался массивным сложением и длинными ногами.

Грот Грима

Грот Гримальди. Двойное захоронение — пожилая женщина (слева) и юноша (справа).

Но были ли в действительности такие люди гигантами? Средневесовые (весо-ростовые) соотношения показывают, что вес древних людей превосходил средние сегодняшние нормы. Так, чтобы не быть голословным, жители Енисея и Надпорожья эпохи неолита (IV тысячелетие до нашей эры) при росте 170—175 см имели вес 80—85 кг (сравните: средний рост современного мужчины 165—167 см при весе 65—66 кг).

Еще одна цифра: житель Москвы 1927 года весит на 15 кг меньше жителя Алтая первого тысячелетия до нашей эры».

Такое уменьшение массивности, утверждает Г. Ф. Дебец, не является повсеместным. Чем же можно объяснить изменение массы тела во времени?

«Казалось бы, — пишет исследователь, — что разница в питании, образе жизни, ведении хозяйства должна быть решающим фактором в весовых отличиях.

Однако влияние внешней среды намного сложнее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Приведу такой пример: в Северной Африке и Бретани в мезолитическую эпоху жили люди, поселения которых находились на морском побережье. Они питались моллюсками, мясная пища занимала небольшое место в их рационе. Они относились к древней форме европейской расы (в широком смысле слова — к кроманьонцам), и все же оказалось, что магрибцы (Северная Африка) на 15 килограммов тяжелее бретонцев той же эпохи.

До наших исследований многие утверждали, что климат влияет на вес той или иной категории, а поэтому люди в северных широтах тяжелее, чем в южных. А здесь получилось наоборот: южанин тяжелее северянина.

Значит, объем и длина костей не находятся в непосредственной зависимости от образа жизни и условий.

Перед учеными открывается новое поле исследований».

Следует заметить: люди кроманьонского типа — это отнюдь не только Европа (включая, разумеется, и территорию СССР).

Это и Азия: в знакомой нам пещере Чжоукоудянь найдено несколько костных останков, в том числе один мужской и два женских черепа.

Вероятнее всего, к позднему палеолиту относятся и известные нам два черепа из Вадьяка на Яве. Найдены черепа позднепалеолитических людей и в Австралии, и в Африке; среди них и черепа из Боскопа в Трансваале.

6

Климат в те времена был в достаточной степени холодный, к тому же вначале и сырой. Ледяной покров такой же, как во времена неандертальцев, а это значит, что, по меньшей мере, половина Европы находилась под двухметровым ледяным панцирем: снега и ледники лютуют в Бельгии и Голландии, покрывают значительную часть Германии, почти всю Швецию и северную часть Италии.

В Европе — мамонты, в Европе — олени.

Львы, медведи и гиены живут в пещерах.

И люди тоже.

Еще во времена неандертальцев — куда денешься! — человек по необходимости начинает все чаще и основательнее заселять пещеры: они дают хоть какую-то защиту от холода и непогоды. Конечно, в большинстве случаев это зимнее убежище.

В пещере более или менее тепло: тут очаг. Сюда, к огню, приносят добытую в честном охотничьем поединке всякую живность.

Зверь хитер и ловок. Но человек смысленнее. У него есть орудия и оружие, которые он совершенствует. И у него есть еще одно важное преимущество: люди действуют сообща.

7

Очень похоже, что уже существовали ловчие ямы, а о таком способе, как преследование, с тем чтобы загнать стадо в овраги, расселины, в воду, люди знали с древнейших времен. Широки были возможности и огневой охоты. Да и как иначе можно было выкурить из пещер извечного и страшного врага — медведя, как выгнать прятавшихся в запутаннейших подчас переходах других хищников?

II в недавнее сравнительно время у нас на Руси, в Сибири, смелые и сильные люди один на один хаживали с рогатиной на медведя. Вряд ли кто-нибудь из них задумывался, когда изобрели это верное, но немудрящее оружие. Сейчас мы имеем на сей счет кое-какие сведения. В 1948 году неподалеку от знаменитого французского города Вердена, где в первую мировую войну кипело кровопролитнейшее сражение, нашли рогатину, сделанную из тиса. Заостренный конец ее был обожжен в огне, и лежала эта времен раннего каменного века рогатина между ребрами древнего слона. Случайно попала она в яму с известковой водой, в которой были растворены отложения мергеля, — он и законсервировал это древнейшее оружие. Впрочем, известна еще одна примерно того же почтенного домостыерского возраста рогатина — из Клэктон-он-си в Англии. Но если домостыерцы пускали ее наряду с другим оружием в ход против слонов, то кроманьонцы, в особенности в первый, наиболее ранний период, так называемый ориньякский, с успехом с ее помощью охотились на мамонтов, — этих гигантов тогда было много.

О, мамонт — это было не просто! Его заставляли гоняться то за одним, то за другим охотником, его осыпали копьями, его, если могли, завлекали в ловчие ямы. Это было все чертовски опасно и очень трудно. Нужно было действовать решительно, собранно, «всем миром» — иначе не сдюжить. Но зато какая добыча! Какая гора мяса, жира, костей, сухожилий, костного мозга, бивней. Какая большая, плотная, покрытая толстым слоем меха шкура! У некоторых экземпляров — до тридцати квадратных метров.

Все находило себе применение, все годилось в хозяйство: попади только в сердце, желудок, брюшную полость, чтобы рухнул на колени 3½-метровый кормилец, весь заросший космами, прикрывавшими уши и глаза.

И здесь помогала техническая смекалка, изобретение новых видов оружия, усовершенствование старых. Пробить толстую шкуру легче, если на копье насадить каменный наконечник. Их начали выделять еще в древние времена. Теперь тщательно оббитые листовидные каменные наконечники с режущими краями становятся повседневным оружием.

Но камень х
максимум два
Даже ли добы
Где-то в поз
мастера начин
только након
все новые «сна

Человек с каменным топором.

Но камень хрупок, наконечник служит недолго: один, максимум два раза может им воспользоваться охотник. Даже если добыча поменьше, чем мамонт.

Где-то в позднем палеолите предприимчивые и умные мастера начинают изготавливать наконечники, да и не только наконечники, из кости, рогов, бивня. Появляются все новые «снаряды»: если соединить съемные наконеч-

ники дротиков длинной бечевой, то такой гарпун сможет значительно улучшить шансы при охоте на северного оленя.

... Лошади и олени, им по справедливости памятник бы полагался. Еще не приручив их, человек уже многим был им обязан. Мясо — в еду, жир — в еду и для освещения. Из шкур делали одежду и жилища (да, и жилища, ибо, точно так же как для жилищ использовали кости мамонта — они образовывали фундамент, использовалась и его шкура, так и олени шкуры тоже служили перекрытием). Люди каменного века совсем не всегда, как сравнительно недавно считали, пользовались пещерами. Вовсе нет! Новейшие открытия советских ученых показали, что в позднем палеолите человек неплохо строил прочные и теплые жилища. В Иркутской области на стоянке Мальта большими каменными плитами укрепляли стены полужемлянок.

Кости и рога шли на орудия, из сухожилий делали нитки.

И все в том же позднем палеолите на вооружение охотников поступили луки со стрелами.

Охота была главным. Она обеспечивала еду, давала одежду, в какой-то мере имела отношение и к жилищам.

8

Следует подчеркнуть: значительно более совершенные, чем в прежние эпохи, жилища и одежда в какой-то степени уменьшили зависимость человека от природы. И огонь тоже — огонь, который теперь научились добывать не только от головешки.

Источник тепла и света, средство для приготовления пищи, защита от хищников, орудие охоты, огонь становится одним из самых значительных факторов в извечной борьбе человека с природой, могучее природное явление, приспособленное человеком для преуспевания и самоусовершенствования.

Нелегко порой было кроманьонцу, когда вместе с двумя-тремя товарищами он добывал огонь, вращая заостренную палочку — огневое сверло — между ладонями. Нужны были сноровка, ловкость, сила. Надо было

внимательно следить за тем, чтобы вовремя перехватить стержень, ускользавший из рук вращавшего его человека. Ударять кремнем о камень и таким образом добывать огонь тоже, как показали соответствующие опыты, недавно проведенные, было совсем не так просто.

Опыты? Мы не оговорились: знать технологию производства древних людей — одна из важных и нужных задач. Уже хотя бы потому, что именно в ту эпоху были заложены основы всех дальнейших, в том числе и нынешних, завоеваний материальной и духовной культуры.

В последние годы советские ученые сумели тут раскрыть немало тайн. И нам самое время рассказать о работах Сергея Аристарховича Семенова и руководимой им лаборатории.

Глава III

КОНЕЦ ОДНОГО МИФА

Многое за прошедшее со времен Буше де Перта столетие рассказали ученым древние орудия труда — путеводная нить в глубинах веков.

Но нельзя ли их все же «допросить» построже? Нельзя ли, в частности, поосновательнее разобраться в их функциях? И не на глазок, не приблизительно, а вполне достоверно, чтобы и сомнений не оставалось. Чтобы исчезли начисто, скажем прямо, не слишком определенные наименования: «ножевидные пластинки», «клещевидные скребки», «дисковидные орудия». Чтобы явно стало в каждом отдельном случае, для чего и как использовались орудия, как их делали, что ими делали.

Когда Сергей Аристархович Семенов, ныне доктор исторических наук и старший научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР, впервые занялся историей древних орудий, его вело вперед чувство неудовлетворенности.

Нет, нельзя сказать, чтобы ученые уделяли им мало

внимания. Отнюдь! Немало было сделано описаний внешнего вида орудий. Достаточно — со времен Ларте — предпринималось и попыток систематизаций, соответствующих хронологическим построениям. Были попытки изготовлять орудия собственными руками. Пробовали, и вовсе не всегда безуспешно, проверить их эффективность, стойкость в работе, назначение.

Но отсутствовало главное: достаточно обоснованный научный метод. Все сводилось в основном к исследованию внешней формы и видимых следов работы.

2

Конечно, сама по себе мысль, что любое орудие, новейшее или древнее, помимо хорошо заметных, видимых следов работы, обязательно хранит мельчайшие царапины, завихрения, риски, то, что ученые обозначают мудреным термином «микропризнаки», была не очень нова. (В отличие от хорошо заметных общих следов обработки и работы, эти следы чрезвычайно малы, их почти не видно. Естественно, что их прежде даже не замечали.) Новым было другое — уверенность, что в наш технический век их можно рассмотреть попристальнее.

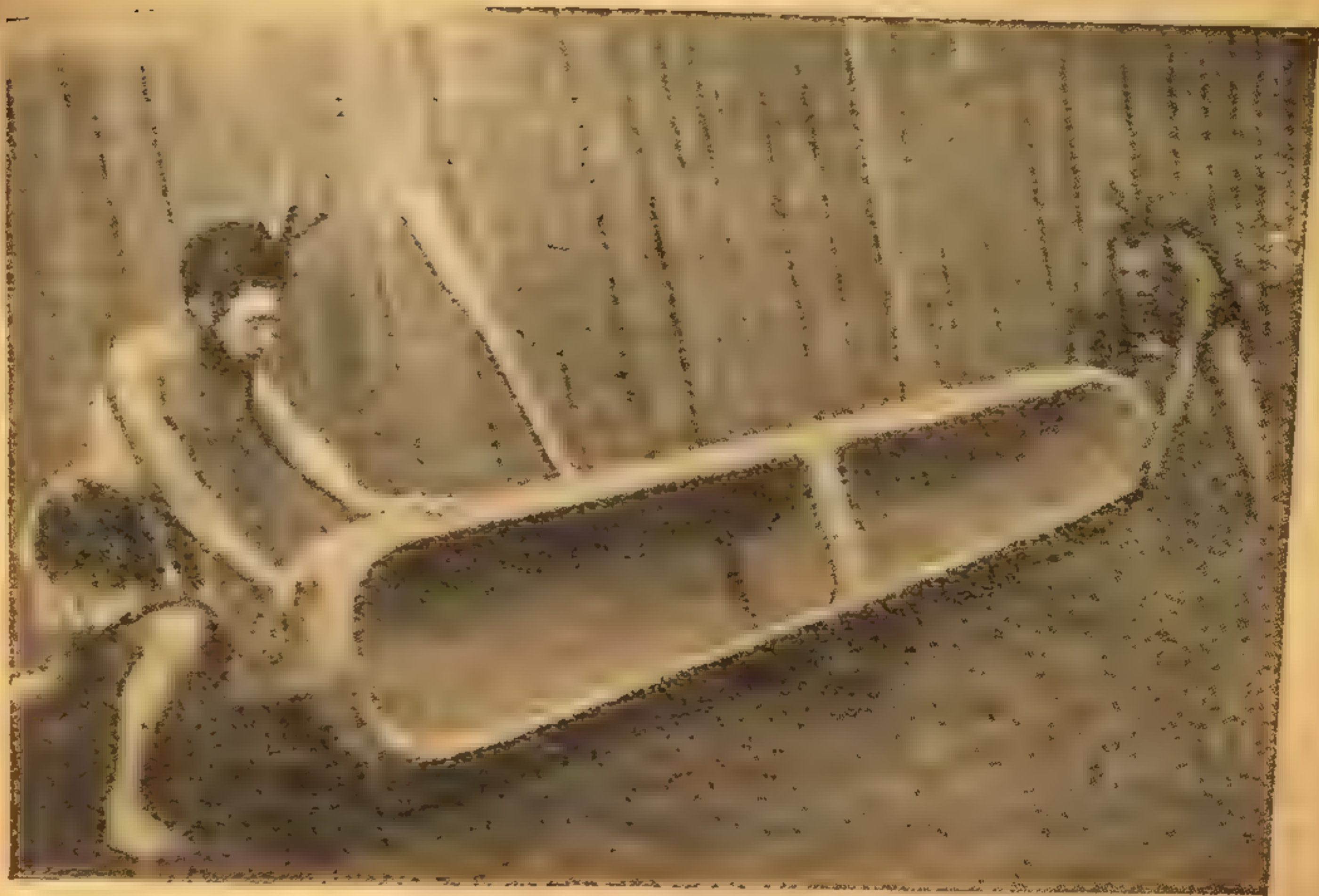
Не будем вдаваться в подробности. Оптический микроскоп, фотографии, просвечивание в инфракрасных лучах позволили установить: следы образуются по определенным законам. Пойми, по каким, и ты сумеешь определить, что и как делали тем или иным орудием. И как его сделали. Ты будешь знать: вот это резец, а это долото, здесь пест, а там молоток. И отличаются они от отбойника или ретушера такими-то и такими-то признаками.

И теперь достаточно посмотреть: если следы располагаются, допустим, перпендикулярно оси и по окружности — значит, сверло. На шильях следы параллельны оси и располагаются прямолинейно. На строгальных ножках — перпендикулярно лезвию и односторонне.

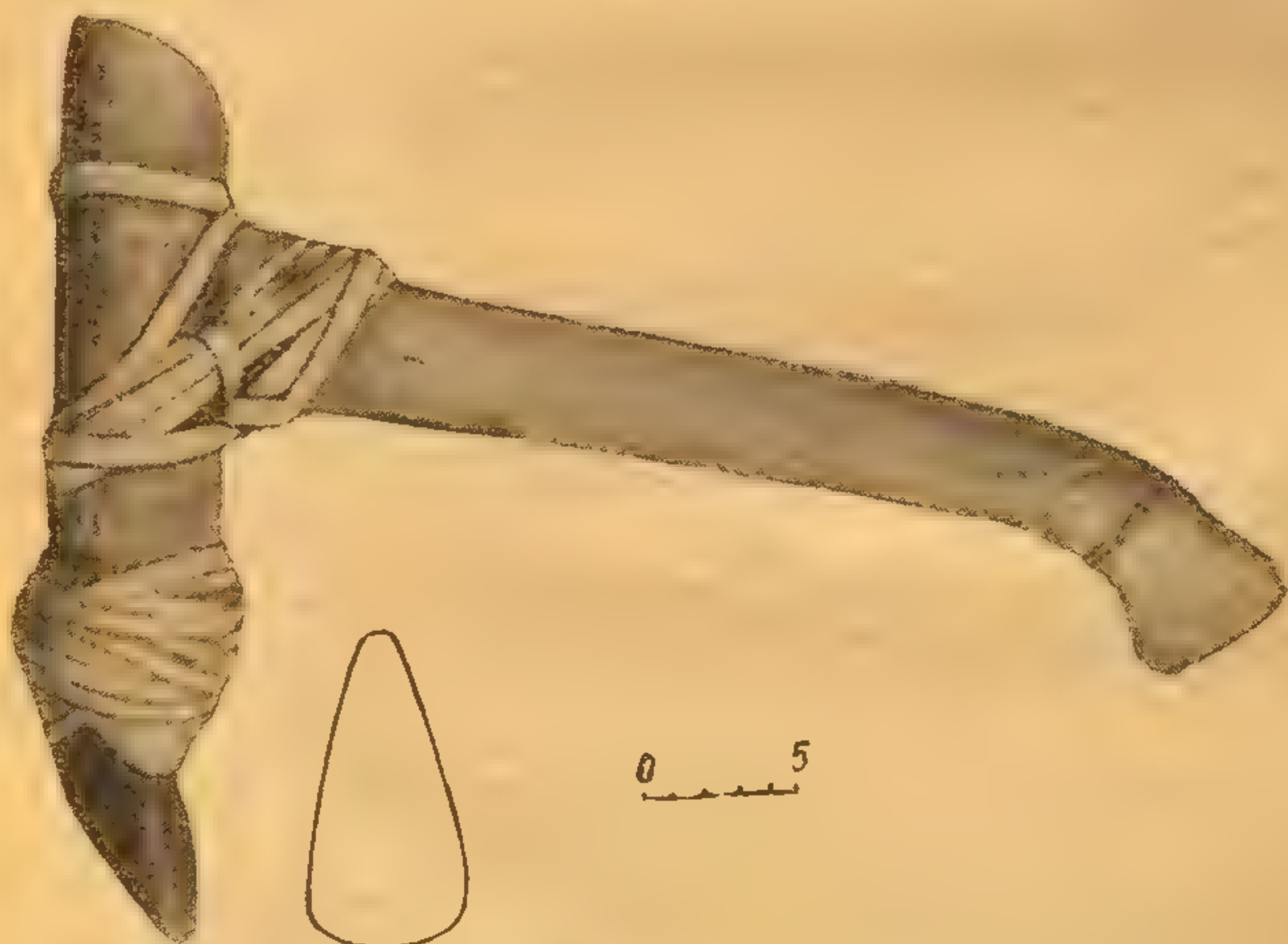
Вне зависимости от формы: форма орудия может быть разная!

Вот один только пример, относящийся, правда, к эпохе, уже более близкой к нам. Каменная китайская

Лодка вышла на славу.

Нефритовое орудие, сделанное по всем правилам техники
каменного века.

мотыга из поселения Лин-со имеет форму вишневого листа. Железная мотыга древнеегипетского земледельца похожа на тесло — у нее лезвие расположено перпендикулярно топорщику. Эскимосская мотыга сделана из бивня моржа и похожа на рог.

Тем не менее это все мотыги.

В результате работ, мы еще раз подчеркиваем — очень важных работ, С. А. Семенов можно считать твердо установленным: все основные трудовые процессы, будь то прокалывание, сверление, резание, рубка, скобление, имеют свою опознавательную систему. Они находят отражение в следах изнашивания.

Следы эти зафиксированы.

... Конечно, «Сезам, отворись!» в иных случаях дает и осечку. Тем более, что далеко не все орудия могут быть вообще подвергнуты изучению: если у них сбита поверхность, если они изуродованы до неузнаваемости, анализ невозможен.

Но в подавляющем большинстве случаев получаемые данные верны.

Это показала проверка.

О том же свидетельствуют многочисленные опыты.

К слову сказать, исследование мельчайших микроследов вовсе не исключает и изучение других признаков.

Форму рабочей части орудия, его общую форму, размер, вес, материал, из которого сделано орудие, — все должен учесть ученый, прежде чем вынесет окончательный приговор.

И еще одним принципиально важным вопросом заинтересовались С. А. Семенов и его сотрудники: действительно ли так отчаянно непроизводительны были древние орудия? Действительно ли, как писалось чуть ли не во всех книгах, справочниках, энциклопедиях, в первобытном обществе, чтобы построить хижину, изготовить орудия или утварь, нужно было затратить месяцы и годы?

И пришли к ответу, в корне меняющему совсем еще недавно бытовавшие представления. К ответу, который совершенно по-новому, а главное — верно осветил состояние производства в эпоху верхнего палеолита, в ту самую эпоху, когда начал свое победное шествие *Homo sapiens*.

В 1956 году, уже восстановив немало секретов древней технологии, Сергей Аристархович вместе со своими помощниками выехал под Каунас. Здесь, на берегу Немана, было вдоволь камней, воды, речного песка, а в ближайшем сосновом бору сколько угодно деревьев.

Добрых два месяца исследователи занимались тем, что изготавливали каменные и костяные топоры, тесла, ножи из тех самых материалов и по той самой (теперь, в основном, она не составляла секрета) технологии, которой пользовались наши предки.

И вот что выяснилось.

Для изготовления шлифованного топора из сланца (а шлифованный топор — работа высокой квалификации, и появился он сравнительно поздно, в конце палеолита) нужно затратить всего два — два с половиной часа. Топор из гранита или диорита можно отшлифовать за двенадцать — пятнадцать часов, кремневый топор при неполном шлифовании — но ведь именно так и сделаны многие найденные в земле древние топоры — за двадцать пять — тридцать часов.

Миф о том, что для изготовления шлифованного каменного топора необходимо было затратить недели, а то и месяцы напряженного труда, что топор полировался несколько десятков лет: начинал дед, кончал нередко внук, оказался развешанным. В 1958 году, в 1960 вновь, в полевых условиях проверял «древние» орудия Семенов. Результаты подтвердились.

В своей докторской диссертации, опираясь на многолетние свои работы, он написал: «Труд в первобытном обществе вовсе не был так чудовищно непроизводителен, как принято думать».

■

Сейчас уже стало ясно, что именно в конце палеолита, с той поры, как *Homo sapiens* заселил более или менее обширные уголки нашей Земли, началась и своеобразная революция в технике. Увеличение скорости движения, нововведения, уменьшающие сопротивление

материалов, более рациональное использование веществ и энергии — все это в немалой степени содействовало развитию палеолитического производства.

Чтобы не быть голословным: вот, скажем, силовой эффект. Очень долго человек пытался его усилить за счет увеличения веса ручных рубил. И без особых успехов — возможности человеческой руки ведь ограничены. Кремневый топор-камень, который нашли у нас в СССР в Новгород-Северске, весивший восемь килограммов, не очень-то удержишь в руке во время работы.

И поэтому, в основном, в древнем палеолите ручные рубила делали — это было рационально и практично — весом в четыреста — девятьсот граммов.

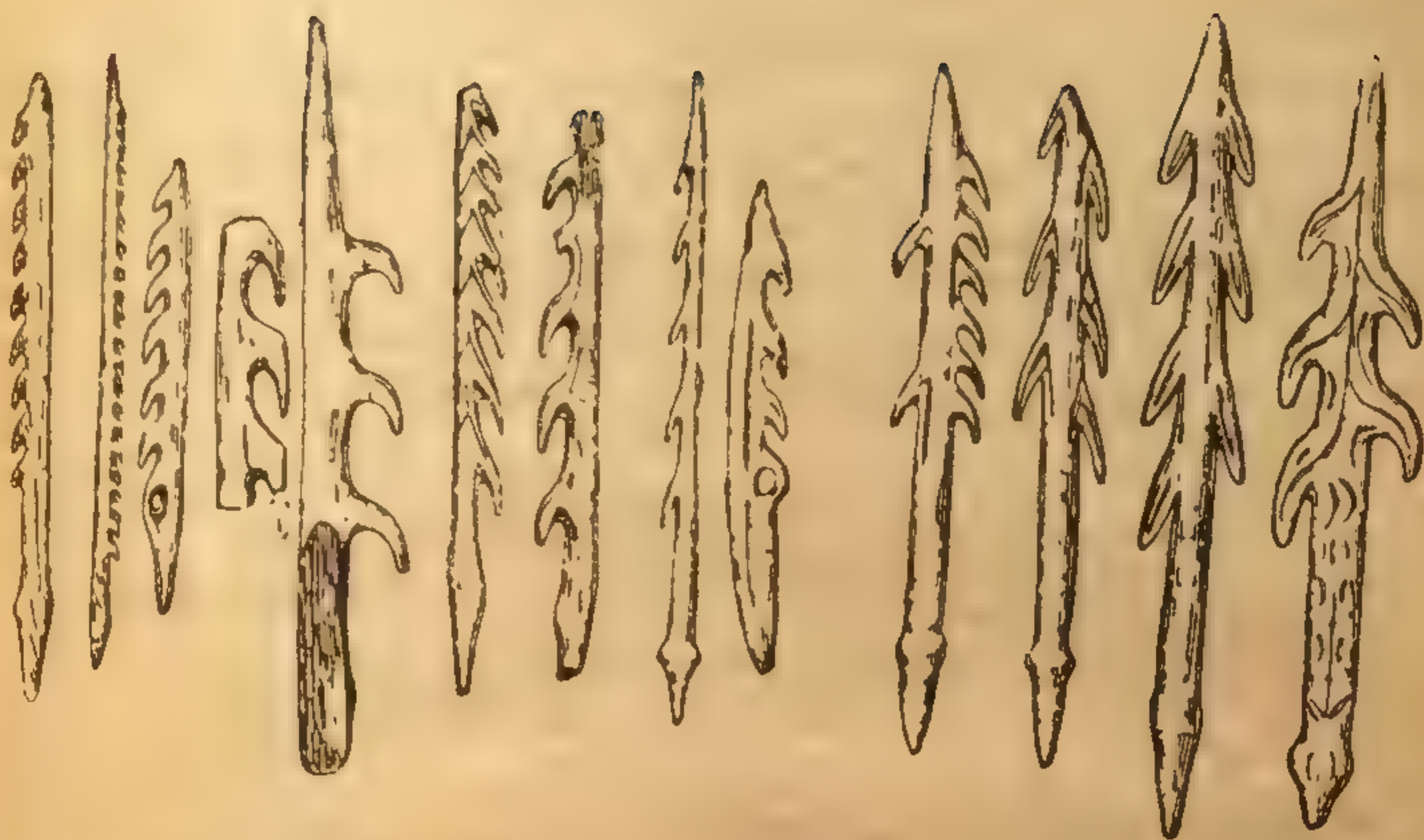
Выход был найден в конце палеолита. Ударные орудия: топоры, мотыги оснастили рукоятками. И не только ударные, режущие тоже. И это увеличило приложение полезной энергии в два-три раза.

Изобретение копьеметалки позволило метать дротики на восемьдесят — сто метров. И копье летело быстрее, чем брошенное рукой.

Еще один пример: двуручное сверло. Его изобрели в конце палеолита, и скорость его была по меньшей мере в десять раз большей, чем более раннего одноручного сверла.

5

Уже в мустьерскую эпоху человек располагал, помимо рубил, палиц и рогатин, скреблами, скобелями, ножами и наконечниками копий, каменными и костяными ретушерами. Теперь орудия становятся разнообразнее. Они приспособлены для исполнения не менее тридцати — сорока функций. И дело не только в количественных изменениях, не только в том, что происходит совершенствование и обособление различных технических отраслей (обработка дерева — это одно, камня — другое, притом камни тоже бывают разные, и, соответственно, требовался и различный подход и в технике оббивки, и в скалывании, и в расщеплении). Появляются и коренные, принципиальные изменения. В частности, овладение приемом работы с посредником, которому

Костяные гарпуны мадленской культуры.

суждено стать главным при обработке камня. И даже такие изобретения, что опережают свое время.

«Для палеолита, — пишет С. А. Семенов, — можно указать два таких случая: возникновение техники шлифования камня... и зачатки керамического производства. Абразивная обработка камня и обжигание глиняных изделий являются достижениями неолитической эпохи. Они связаны с общим хозяйственным и техническим прогрессом: усиленной обработкой дерева, строительством лодок, земледелием, оседлым образом жизни. Появление их у охотников на мамонта, т. е. на 15—20 тысяч лет раньше неолитического времени, казалось бы, нельзя рассматривать иначе, как несвоевременное достижение, просуществовавшее короткий срок. Однако сама возможность возникновения в столь отдаленную эпоху крупных, опережающих время новшеств свидетельствует о том, что технический прогресс вовсе не осуществляется только малыми шагами, по закону преемственности».

Складывается родовой строй. Убыстряется физическое, интеллектуальное, социальное развитие, хозяйственный и культурный прогресс. Человечество на одном из крутых поворотов своей истории.

... Темп «обживания» все увеличивается. Ритм жизни, в том числе и духовной жизни, убыстряется. Расши-

ряются, в особенности с того времени, как уйдут вспять ледники, площади расселения.

Двести веков тому назад всю нашу Землю населяли, быть может, несколько тысяч (в лучшем случае, десятков тысяч) кроманьонцев.

Сейчас на Земле три с лишним миллиарда людей.

Глава IV

БЫЛ НЕКОГДА ДЕНЬ...

1

Идет 1940 год. Четверо отправившихся на небольшую прогулку друзей-школьников берут с собой собаку.

Вы помните занятное происшествие с собакой охотника в Альтамире? Теперь, семьдесят два года спустя, но уже не в Испании, а во Франции история повторяется. Пес бежал впереди, а мальчишки шли сзади; дорога привычно петляла между невысокими, поросшими вереском холмами, как вдруг терьер — его звали Робот — исчез, словно провалившись сквозь землю.

Присмотревшись, ребята увидели возле поваленной сосны какую-то щель. Не там ли Робот? Но почему не слышно лая? Хотя нет, очень глухо, очень слабо, если приложить ухо к щели, все-таки что-то слышно.

Ребята немного увеличили щель и решили спуститься в нее: надо же было выручить собаку.

Первым полез Равида. Терьер принадлежал ему. И у него был по-хозяйски прихвачен в дорогу электрический фонарик.

Впоследствии в письме к своему школьному учителю Леону Лавалю он рассказывал об этом так: «...метров пять-шесть я полз головой вперед; потом уходящий вглубь проход немного расширился. Но почти в ту же секунду я поскользнулся, потерял равновесие и упал. Ушибся я довольно сильно. Все же поняв, что ничего

сверхъестественного не произошло, я нащупал выпавший у меня из рук фонарь, зажег его и увидел глубокую пещеру».

Он позвал друзей: «Спускайтесь осторожно».

2

Нужно отдать должное сообразительности мальчишек. Убедившись, что пещера большая и состоит как бы из двух помещений, они первым делом принялись рассматривать стены. Впрочем, мальчишки-то были из Дордони, и от деревушки, в которой они жили, всего лишь в четырнадцать километрах находился известный нам поселок Лез-Эйзи и гроты со следами росписи доисторических людей.

Все окрестные ребята знали про это и втайне мечтали сами разыскать такой грот.

Представьте же себе, как обрадовались наши следопыты, когда увидели рисунки!

Фонарик горел не очень исправно: толком разобрать они ничего не могли. Но то, что на стенах находились изображения различных зверей, было настолько ясно, что они тут же исполнили победную пляску. Подобрав изрядно разбившегося пса и выбравшись наружу, мальчишки первым делом побежали к своему учителю мосье Лавалю. Тот поленился пойти сам и послал одного своего бывшего ученика, студента, приехавшего на побывку домой да так и застрявшего в Дордони (немцы в тот год оккупировали пол-Франции и университеты были закрыты), посмотреть, что они там разыскали.

Но когда студент принес несколько зарисовок, флегму с мосье Лавалю как рукой сняло. Не без опаски протиснувшись в узкий, шириной лишь в полметра проход, он понял, что ребята действительно совершили открытие и что чем скорее сюда придут специалисты, тем будет лучше.

К счастью, ему удалось договориться со знаменитым аббатом Брейлем — старик уехал из Парижа, когда туда вступили немцы, и жил неподалеку.

Грузный аббат — ему уже под семьдесят — проводит в подземной галерее несколько часов.

Поднявшись на поверхность, он говорит: «Единственная в своем роде. — И добавляет: — Следует позаботиться, чтобы ее не испортили. Нужно самым тщательным образом изучить и исследовать пещеру. Находка уникальна!»

А в отчете для академии он подчеркнет: росписи на стенах пещеры Ласко не только не уступают, но, возможно, превосходят по исполнению росписи в Альтамире.

... Ныне здесь музей, один из наиболее удивительных музеев мира. В проходе, по которому вынуждены были протискиваться первые исследователи, теперь построена лестница.

В пещере всегда поддерживается определенная температура. Время от времени, чтобы уберечь росписи от плесени, применяют химикаты. Были сделаны специальные двери. В пещеру искусно подвели электрический свет: лампы, как при киносъемке, освещают самые интересные росписи.

Десятки книг и статей посвящены замечательной пещере. Она предмет национальной гордости французов. Ее росписи стали своего рода эталоном позднепалеолитического искусства.

3

Был некогда день, и древний художник, как уже много раз до этого, остался наедине со своими видениями, со своими грезами. Как всегда, шумели, собираясь на охоту, его родичи, играли дети, возились по хозяйству женщины. А он? Он стоял перед скалистой каменной стеной, и тонкая, заточенная кость в его руке служила ему инструментом. О чем думал, о чем мечтал, нанося контуры будущего рисунка на неподатливый камень? Было ли это всегда только привычной отработкой «задания»: племени нужно мясо, следовательно, нужно заколдовать будущую добычу, поразить ее стрелой на стене. Чтобы упал на полном бегу пораженный уже не нарисованной, а настоящей стрелой с костяным или обсидиановым наконечником бизон, чтобы не смогли убежать далеко олени, чтобы не ушел, ломая все на

своем пути,
враг — медь
Конечно
к тому вре
Но тол
наверняка
ров — ро
чала чело
ный к это
потом при
нее обесп
... Би
кость. Эт
как и о
жизни, —
цу. И кт
гих, мог
бликов
почти бо
вать кра

Вход в пещеру Ласко.

своем пути, грозный и злющий дикий кабан или злейший враг — медведь...

Конечно, верования, магия, колдовские обряды к тому времени уже играли немалую роль.

Но только ли они? И они ли в первую очередь? Ведь наверняка сначала — сейчас это уже не вызывает споров — родилось творчество, а лишь потом магия: сначала человек научился ваять и рисовать, подготовленный к этому сотнями тысячелетий труда и охоты, а уж потом принялся за «волшебство» с рисунками, дабы вернее обеспечить себя живностью.

... Бизон — это не только кусок мяса и вкусная кость. Это еще и красота и мощь живого существа, это, как и олени, как другие животные — сотоварищи по жизни, — реальность, подобно пещере, лесу, реке, солнцу. И кто знает, не замороженный ли красотой круторогих, могучеплечих животных, их силой, игрой солнечных бликов на гладкой, то коричнево-желтой, то черной, то почти белой шерсти животного, учась на живом познавать красоту живого, стремясь выразить радость бытия,

стоял тогда, в тот немыслимо далекий день, в своей убогой и темной «мастерской» художник древности.

Сейчас многие ученые считают, что искусство в палеолите было всего рода аккумулятором и передатчиком опыта. В подземных эрмитажах каменного века, в нетленных творениях *Homo sapiens*'а мы встречаемся с первобытной мифологией. А в ту пору в мифологии переплеталось все: реальное и фантастика. Мифы — это и история человеческого рода, и история зверей, и объяснение явлений природы. Мифы — это, если хотите, своеобразный учебник, это способ передачи знаний и познания мира.

И в этом, вероятно, ключ ко многим секретам живописи палеолита.

... Звери и их окружение — вот что было жизненно важным для человека той эпохи. Знание их повадок, привычек, умение разобратся, и хорошо разобратся, в том, «кто есть кто».

4

На каменных сводах в пещерах, на потолках, на стенах, сделанные сажей и охрой и еще с помощью каких-то других минеральных и растительных красок, секрет которых не раскрыт полностью даже в наше время, красные, черные, желтые, коричневые, фиолетовые, эти росписи производят неизгладимое впечатление. Один из секретов их обаяния — в естественной простоте. Здесь ведь все еще — не мудрствуя лукаво, здесь наши первые шаги. И если привычно сравнивать палеолит с детством человечества, то вполне смысленным и многое уже усвоившим был этот «ребенок» даже двадцать тысяч лет назад.

Быть может, самое большее, что поражает в Альтамире, в Ласко, во многих других известных теперь местах древних росписей (всего их разыскано сейчас около полутораста), — это интимность лучших творений палеолитического искусства. Интимность в том смысле, что прямо к тебе обращено оно. С тобой, человеком XX века, ведет здесь с глазу на глаз беседу твой далекий и умный предок. И хотя общий смысл той или иной композиции не всегда нам достаточно понятен, хотя бывают

Нак
изображения для
дающие описани
маешь этот язык
... Искусств
лимо от нау
знания. И не да
щериые рису
зано, неповто
зафиксирован
личить подви
С каждо
учеными по
них была не

5

Летом
Рюмин с
пещеру, ч

Настенная живопись. Пещера Ласко.

изображения для нас загадочные или, во всяком случае, дающие основания для различных толкований, ты понимаешь этот язык, тебе близки заботы и труды пращура.

... Искусство здесь во многом, по сути, еще неотделимо от науки, оно идет рука об руку с зачатками знания. И недаром современные зоологи используют пещерные рисунки как своеобразные и, к слову будь сказано, неповторимые атласы. Фауна ледниковой эпохи зафиксирована здесь с такой точностью, что можно различить подвиды той или иной разновидности животных.

С каждым годом увеличивается число разысканных учеными подземных пещер с росписями. Одна из последних была недавно найдена у нас в СССР.

■

Летом 1959 года биолог Александр Владимирович Рюмин с несколькими спутниками отправился в Капову пещеру, что на Южном Урале. Можно ли в этой круп-

Вход в Капову пещеру.

нейшей на Урале пещере, исследованной впервые еще чуть ли не двести лет назад, вошедшей во все энциклопедии, учебники, справочники, найти следы поселения людей каменного века, в частности росписи, — вот что интересовало Рюмина. Теоретически получалось, что вроде бы вполне возможно: пещера большая, в основном сухая, ничем не хуже, а может, и лучше, удобнее для обитания, чем многие французские и испанские. Но практически...

Ходы, гроты, обрывы... Где искать? Как искать?

Попеременно при свете фонаря разглядывают исследователи каждое пятнышко, буквально чуть ли не по сантиметру рассматривают стены, пытаясь за осклизлыми подтеками, за сеткой естественных трещин и царапин найти очертания каких-нибудь зверей или вообще хоть что-нибудь похожее на рисунок.

И находят. Иные рядом с вполне современными надписями о том, что здесь побывали такие-то туристы.

Правда, некоторые рисунки вызывают сомнение. Ну,

Вот и стени
реносные лам
тель экспеди
стене, где, по
гие звери.
После до
— Ошиб
тен, причудл
И все-та
приступили
действитель
Правда, в
видеть Рю
то и на ни
сделанные
треугольн
на лестни
Но зат
рисунки
кого сом
его голо
изображ
летия на
кой дре
бурела,
три мам
на проти
Сейч
лило за

откуда бы тут взяться саблезубому тигру? К эпохе верхнего палеолита на Урале эти хищники вымерли. И все же доклад, сделанный Рюминым осенью в Институте археологии в Москве, был выслушан с большим вниманием. Порешили послать для проверки экспедицию. Ее возглавил большой знаток археологии Урала, в ту пору кандидат, а ныне доктор исторических наук Отто Николаевич Бадер.

... Один за другим археологи входят под сорокаметровые своды скалистой арки. Проход ведет вглубь.

Все основательнее нависают каменные потолки, дневной свет сменяется полумраком. Потом становится совсем темно.

Вот и стена. На нее сейчас направлены мощные переносные лампы. Внимательно всматривается руководитель экспедиции, придирчиво разглядывает те места на стене, где, по словам Рюмина, находится и тигр, и другие звери.

После долгого молчания он говорит:

— Ошибка. Всего лишь игра темных и светлых пятен, причудливое переплетение натеков.

И все-таки Рюмин был прав! Это выяснилось, когда приступили к дальнейшим поискам. В Каповой пещере действительно оказались рисунки людей палеолита. Правда, в основном не на нижней галерее, где их хотел видеть Рюмин, а на верхней. Но если уж быть точным, то и на нижней галерее археологи обнаружили какие-то сделанные краской знаки — трапецию, а в ней вписан треугольник... Еще трапеция. Нечто похожее по форме на лестницу...

Но зато на втором этаже этой двухэтажной пещеры рисунки оказались куда более убедительными. Никакого сомнения: человек нарисовал мамонта и раскрасил его голову темно-красной охрой. Человеку принадлежит изображение древней дикой лошади, вымершей тысячу лет назад. Оно тоже сделано охрой — любимой краской древних художников. Краска, верно, несколько побурела, но рисунок сохранился вполне. Рядом — еще три мамонта, носороги, лошадь. В том же гроте наверху, на противоположной стене, еще три мамонта...

Сейчас число твердо опознанных рисунков перевалило за сорок.

Настенная живопись. Карлаа пещера

1

ТАД

1

К

оль

исхождения
работах еще

исследования в С

исследования в С

исследования в С

исследования в С

исследования в С

исследования в С

исследования в С

исследования в С

исследования в С

исследования в С

исследования в С

Пока в Каповой пещере не найдено изображений человека. Пока. Но надо искать. Надо искать и в других местах на Урале, в Сибири, на Алтае. Сейчас уже несомненно, что одним из очагов палеолитической жизни и культуры, возможно, таким же, как Пиренеи, если не более древним, был Урал.

Глава V

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ

1

Коль скоро речь зашла о новых открытиях, имеющих важное значение для исследования происхождения человечества, хотелось бы остановиться на работах еще одного советского ученого. Имя его широко известно в Советском Союзе и за рубежом тоже. Еще недавно то, что он делает, казалось чуть ли не волшебством.

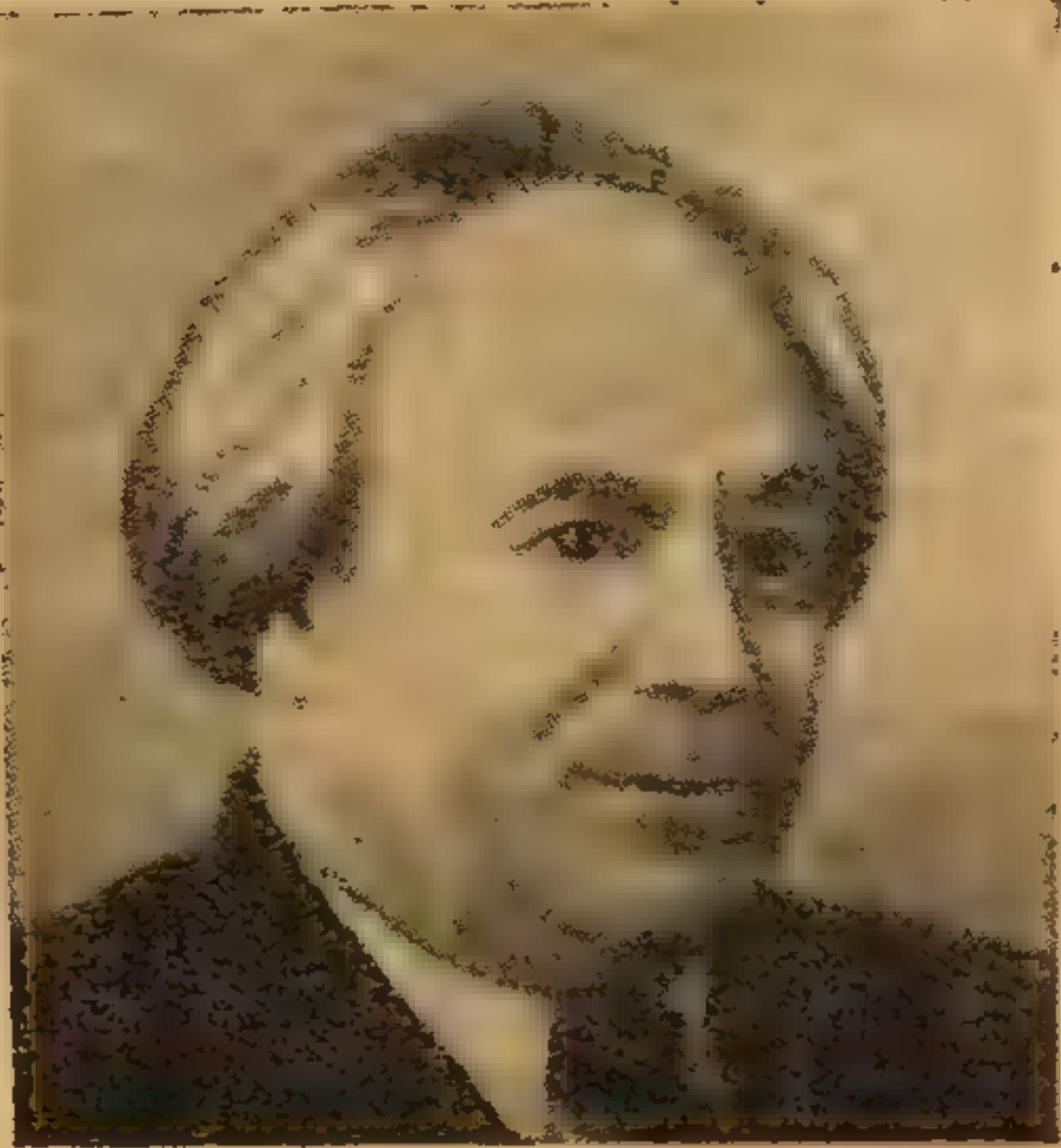
Но никакого волшебства, естественно, нет. А есть твердый расчет, единая методика, основанная на определенных, реально существующих закономерностях, и, разумеется, талант. И не только ученого, и скульптора.

Последнее, в данном случае, тоже сыграло немаловажную роль.

Это ему принадлежит вышедшая в 1964 году книга «Люди каменного века».

Вы открываете ее — и перед вами галерея наших далеких и близких предков, портреты, сделанные не по наитию, а на основании строжайших фактических данных.

Вот голова детеныша австралопитека, «бэби из Таунга», воспроизведенная по черепу. Вот воспроизведенный по черепу облик питекантропа; реконструкция части лица гейдельбергского человека (помните, здесь была найдена только челюсть); женщина-синантроп; неандер-

М. М. Герасимов.

та — негроиды Гримальди; негроид с Маркиной горы, найденный в 1954 году близ села Костенки, Воронежской области, А. Н. Рогачевым; знаменитый человек из грота Кро-Маньон; люди из Пржедмости; человек из Шанселада, монголоид из грота Чжоукоудянь, мужчина из грота Мурзак-Коба.

Всех не перечислишь...

Ожившие в скульптурных портретах наши далекие предки, со своими индивидуальными, неповторимыми чертами.

И эти документальные, строго научные портреты многое помогают нам понять в запутанной и сложной истории происхождения человека.

Фантастика? Нет, повторяю, всего лишь строго научный расчет.

Особенно впечатляет это «воскресение из мертвых», когда видишь все портреты, так сказать, наяву — в руководимой профессором, доктором биологических наук Михаилом Михайловичем Герасимовым лаборатории пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР.

В чем же сущность метода, предложенного М. М. Герасимовым, — метода пластической, или портретной, реконструкции?

Дадим слово его творцу. В одной из своих статей он рассказал об этом сам.

тальцы, в том числе и из Ла-Шапель-о-Сен, которого в свое время так детально описал Марселлен Буль; женщина из Гибралтара; знаменитый мальчик из грота Тешик-Таш; человек из Брокен-Хилла; люди, чьи останки были найдены в Кармеле, в пещере Схул; ребенок-неандерталец из Староселья, в Крыму, обнаруженный советским археологом А. А. Формозовым. Люди верхнего палеоли-

«Вопросы прошлого Земли интересовали меня давно. В большой библиотеке отца я находил великолепно иллюстрированные книги, относящиеся к древнейшим периодам жизни на Земле. Перед глазами проходили вереницы поколений ископаемых животных.

В книгах много писалось о каменных и бронзовых орудиях труда, демонстрировалась утварь ископаемого человека. Изредка можно было встретить изображение отдельных черепов и костей, но о внешности древнего человека всегда сообщалось очень скупо. Предлагаемые изображения ископаемого человека не внушали доверия: это были либо невероятные страшилища, либо дегенеративные существа. И как-то не хотелось верить, что современный человек произошел от этих существ.

Иркутская область, где проходили мое детство и юность, исключительно богата археологическими памятниками. Очень рано я смог принимать непосредственное участие в археологических раскопках. Однажды мне даже удалось совершенно самостоятельно раскопать сильно разрушенное неолитическое погребение, в котором был найден хорошо сохранившийся череп человека. Но я был бессилен воссоздать его лицо. Это окончательно утвердило меня в мысли: нужно искать пути к восстановлению облика ископаемого человека.

Было ясно, что только хорошее знание анатомии поможет решить поставленную задачу. Весь досуг я проводил в анатомическом музее, а позже и в секционном зале медицинского института. Познакомившись с профессором Александром Дмитриевичем Григорьевым, который стал моим учителем, я спросил его, нельзя ли по черепу сделать портрет человека.

«Наверно, можно, — ответил он. — Только ни у кого не получалось... Попробуй, поработай».

И он рассказал: «В начале XX века делались попытки реконструкции современного человека, но все они, как правило, кончались неудачей. Недостаточно тогда знали о взаимной связи между формой черепа и мягкими покровами лица, слишком мало имелось опыта. В результате сложилось убеждение, что эту задачу невозможно решить».

... Начались годы учебы. Занятия на кафедре судебной медицины Иркутского института уже в 1925 году позволили мне сделать первую реконструкцию современного человека. Было это так.

Однажды для работы мне дали череп молоденькой женщины. Женщина погибла в результате автомобильной катастрофы, но кто она, никому не было известно. В результате реконструкции получился портрет девушки 15—16 лет. Он понравился всем, и работа осталась на кафедре института.

Только через некоторое время удалось по ряду признаков (железнодорожному билету, одежде) установить личность убитой. И вот тогда оказалось, что сделанный мною портрет похож на те фотографии погибшей, которые сохранились у ее родственников.

Спустя полгода в экспозиции Иркутского музея появились выполненные мною реконструкции питекантропа и неандертальца. И хотя они были очень наивны, далеки от совершенства, но тем не менее это все же был первый рубеж.

11 лет спустя уже в Ленинграде мне вновь удалось сделать действительное портретное лицо современного человека.

К тому же времени относятся еще две интересные, на мой взгляд, реконструкции: одна — по черепу синантропа, а другая — по черепу женщины из мезолитического поселения Крыма Мурзэк-Коба. Многим очень понравилась вторая реконструкция. В печати появилось сразу несколько статей.

И тогда-то я вдруг получил совершенно удивительное письмо. Начиналось оно так: «Глубокоуважаемый товарищ Герасимов! Если ты тот самый шалопай Миша, который болтался у меня на кафедре в Иркутском медицинском институте, то есть если Вы тот самый Миша Герасимов, то читайте дальше; если же Вы другой человек, то простите мою фамильярность».

На другой страничке было написано: «Миша, из газет узнал, что ты не утратил интереса к своим первоначальным работам. Я сейчас заведу кафедрой судебной медицины 3-го медицинского института в Москве. В моем распоряжении Лефортовский морг. Я могу тебе обеспечить массовые контрольные опыты. Ответь мне,

пожалуй
Дмитрий
Уже
о начал
лярно
выработ
черепу.
Преп
тельные
найти с
и форм
этих
рентген

Череп из Брокен-Хилла.

пожалуйста, если ты в этом заинтересован. Александр Дмитриевич Григорьев».

Уже на другой день я был в Москве и договорился о начале опытов. Из Лефортовского морга стали регулярно приходить посылки. Именно тогда окончательно выработались основы метода восстановления лица по черепу.

Препарирования и многолетние наблюдения, тщательные измерения мягких покровов головы позволили найти соотношения, корреляции между рельефом черепа и формой мягких тканей. В значительной степени поиски этих зависимостей были облегчены использованием рентгена.

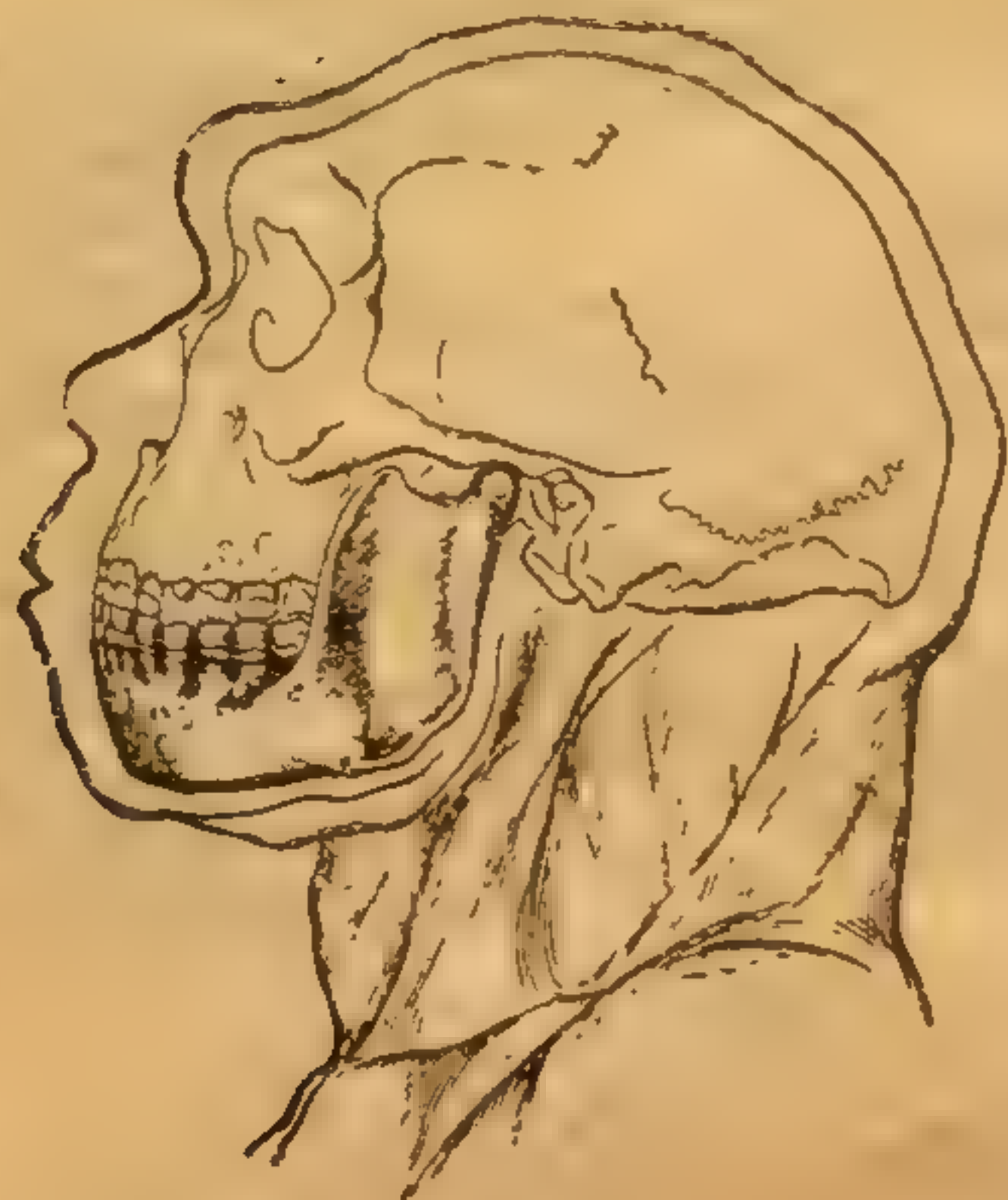

Схема воспроизведения головы неандертальца из Брокен-Хилла.

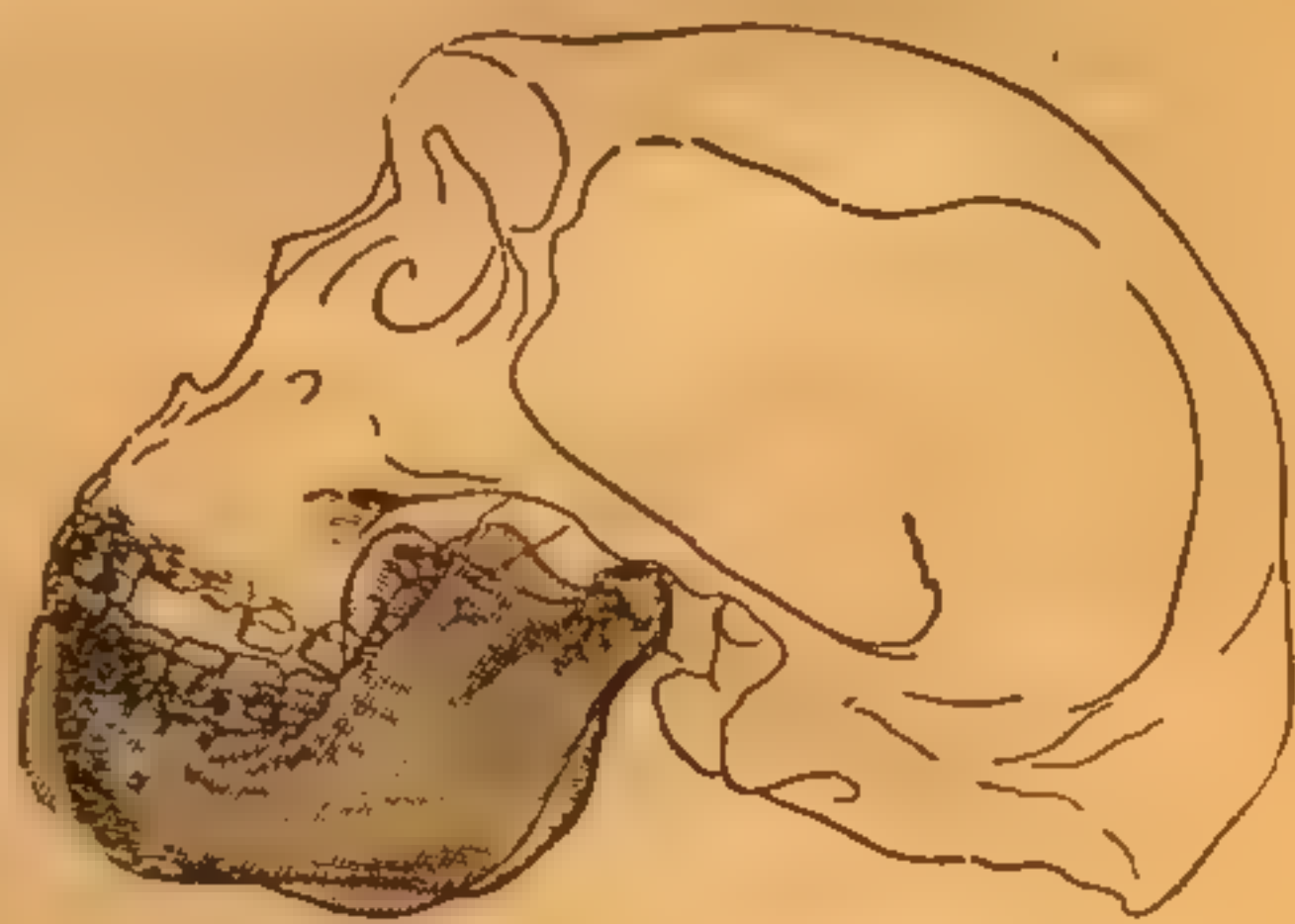
степени развития рельефа и величине черепа, а возраст устанавливается по степени срастания швов и изношенности зубов. Форма и величина основных жевательных мышц всегда отчетливо фиксируется формой черепа и восстанавливается достоверно. Эти мышцы определяют овал лица.

А вот, собственно, лицевой раздел таит в себе массу сложностей. Дело в том, что здесь нет прямых соотношений, видимых признаков, но существуют какие-то более сложные взаимоотношения между величиной и формой костной основы и мягкими тканями, образующими рот, нос, веки. Но, правда, и здесь можно найти целый ряд отдельных признаков, взаимно соподчиненных. Удалось выяснить, например, что толщина и форма мягких тканей на лице варьируют в соответствии с рельефом черепа. Все, конечно, видели на черепе большое отверстие носа. Оказывается, если это отверстие укороченных размеров, то фор-

Рентгеновские снимки позволяли видеть не только кости, но и профиль мягких покровов. Это дало возможность оценить взаимосвязи мягких лицевых частей с рельефом черепа.

Так появились таблицы и схемы соотношений в строении лица и черепа, которые можно было использовать в процессе работы.

По черепу мы определяем пол и возраст человека. Пол определяется главным образом по

Графическая схема реконструкции недостающей нижней челюсти черепа из Брокен-Хилла.

Человек из Брокен-Хилла. (Реконструкция М. Герасимова.)

ма носа не может быть узкой, если носовые косточки плоские, то нос не может сильно выступать вперед.

Величина рта и толщина губ прямо связаны с размерами зубов и челюстей, а характер смыкания губ определяется смыканием зубов. Эти детали всегда варьируют, поэтому и возникает индивидуальная форма рта.

Выработанные приемы служат как бы общим путеводителем, но в каждом конкретном случае надо всегда учитывать индивидуальные особенности черепа. Я убе-

дился, что нужно фиксировать всю совокупность черт и особенностей, а не выделять отдельные, кажущиеся главными черты, как это делают зарубежные ученые, которые восстанавливают индивидуальное лицо, подгоняя его под определенный этнический или расовый тип. Накопленный нами опыт позволяет утверждать, что закономерности связей между отдельными размерами тела для всех рас чрезвычайно сходны.

В ходе работ выработалась и единая методика исследования, единые отправные пункты восстановления черепа.

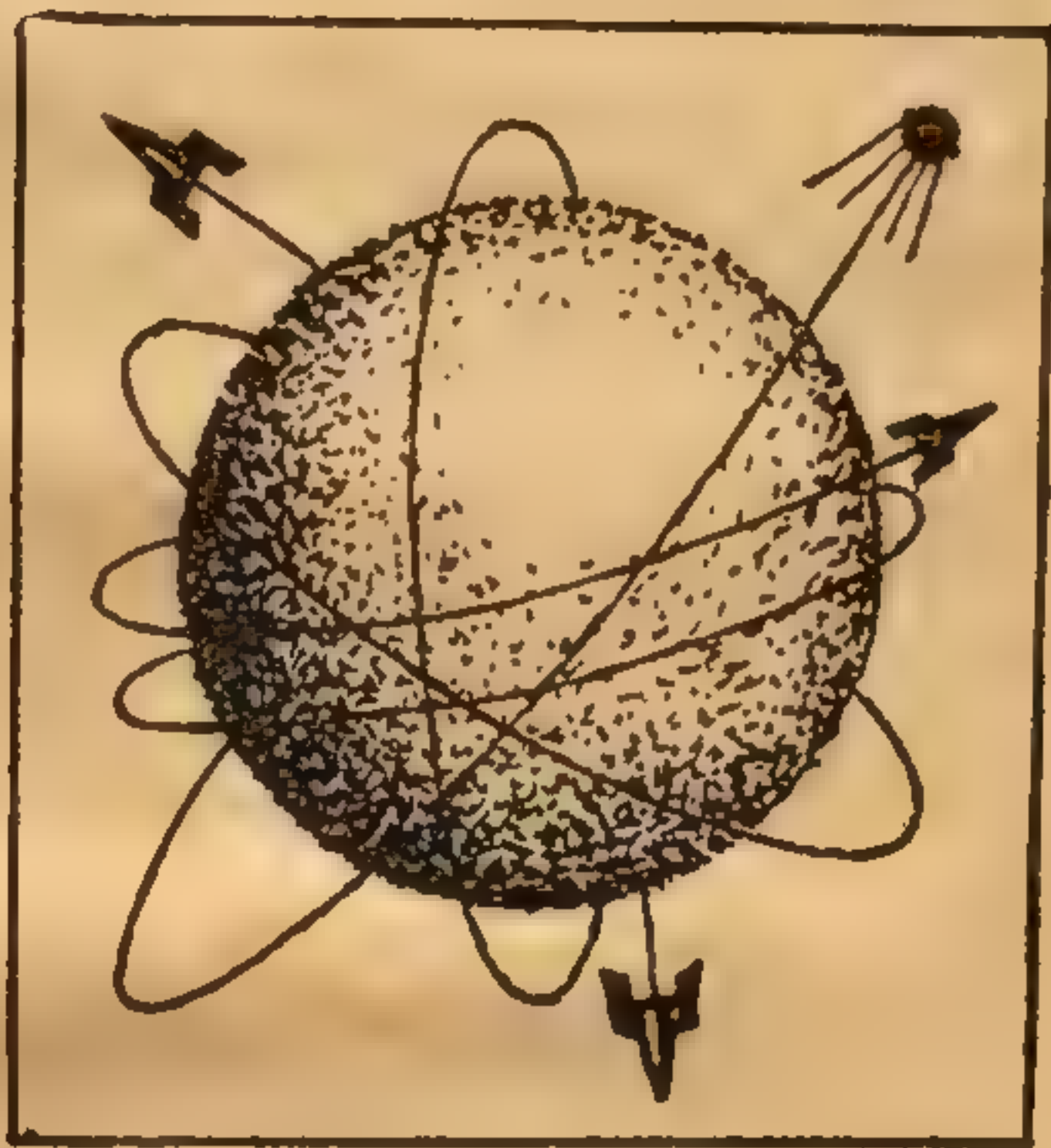
Так родился метод портретной реконструкции, под которым подразумевается объективная, беспристрастная скульптурная схема, документально построенная по черепу и максимально приближающаяся по своим чертам к внешнему виду субъекта. Все приемы и последовательность их применения были многократно проверены как моими собственными наблюдениями, так и работами моих учеников, в частности в области криминалистики. Портреты по черепу делают сейчас и Галина Вячеславовна Лебединская, и Таисия Сергеевна Сурнина, и Вадим Петрович Петров, и Урбонавичюс Витаутус Феликсович, и другие.

Из моих зарубежных коллег хотелось бы отметить работы немецкого антрополога Ульриха. Успешно трудится в Чехословакии Феттер».

Десятки реконструкций и портретов, сделанных Михаилом Михайловичем Герасимовым (кстати, не только первобытных людей), получили всеобщее признание.

Но работы тут еще непочатый край.

В том числе не только в восстановлении облика людей палеолита, но и более близких к нам людей неолитической эпохи, когда сложились уже современные расы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

К

ак
кан
циальной (об
за рамки на
ской, — изме

И здесь
антропологии
ваются, по
сколько угод

Если сум

к двум.

Первая:

кончена. Ест
огромной, те
свое значени
Земле возник

Конечно,

и в наше вр
«вырастать»
определенны
(известно в
кая, во вся
расселения
исключено,
ном отноше
его «умнее»
мо-морфоло
Но и толь
слабыми но

Нет, го

продолжает
дей произо
ва будет кр
тикальным,
исключено,
люди будут
будет увели

К каким станет человек будущего? Еще точнее: каким будет человек — не с точки зрения социальной (обсуждение этого вопроса выведет нас далеко за рамки нашей книги), а с точки зрения биологической, — изменится он или нет?

И здесь мы подходим к еще одной «горячей точке» антропологии. Ибо единого мнения, как вы догадываетесь, по этому вопросу нет, а разных точек зрения сколько угодно.

Если суммировать, они, однако, в основном, сводятся к двум.

Первая: биологическая эволюция человечества закончена. Естественный отбор, чья роль когда-то была огромной, теперь для человека практически потерял свое значение. И поэтому очень сомнительно, чтобы на Земле возник человек нового типа.

Конечно, говорят сторонники этой теории, человек и в наше время может несколько изменяться физически, «вырастать», допустим, или, наоборот, под влиянием определенных условий становиться меньше — ростом (известно ведь, что пигмеи невысоки потому — есть такая, во всяком случае, теория, — что вода в местах их расселения вымывает важные для роста элементы). Не исключено, что человек будет более развит в умственном отношении — сама жизнь, наука, техника сделают его «умнее». Может быть, изменятся и какие-то анатомо-морфологические особенности, вряд ли значительно. Но и только. «Марсиан», людей с большой головой и слабыми ногами и руками, не будет.

Нет, говорят другие, эволюция физического типа продолжается. И со временем во внешнем облике людей произойдут большие изменения. Несомненно, голова будет круглая и большего объема, лоб — более вертикальным, надглазничные дуги — более гладкими; не исключено, что человеку понадобится меньше зубов, что люди будут рано лысеть. А если мозговой отдел черепа будет увеличиваться и, следовательно, голова становить-

ся все больше, то, возможно, соответственно уменьшится и лицо.

И в доказательство ссылаются на то, что у питекантропа объем черепной коробки больше, чем у Homo habilis. У синантропа больше, чем у питекантропа. У неандертальца больше, чем у синантропа...

В этом есть своя логика. Вопрос только в том, можно ли брать за критерий развития изменение какого-нибудь одного признака? Не учитывая — мы приводим слова известного советского антрополога Я. Я. Рогинского — весь тот комплекс свойств, благодаря которому люди выделились из среды своих предшественников, не обращая внимания на то, что этот комплекс сохраняет свою устойчивость: сохраняет ее, ибо биологическая эволюция человека приостановилась. Чем, собственно, отличается от нас кроманьонец? Он ходит по земле уже пятьдесят тысяч лет.

Это еще не самый большой срок, отвечают сторонники больших перемен, можете не сомневаться: человек будущего будет еще более не похожим на нас, чем мы на питекантропа.

Можно не сомневаться лишь в одном: жизнь для своего развития располагает еще значительным запасом времени.

* * *

Настоящая история человечества еще только начинается. Прошло в масштабах Вселенной совсем не так много времени, всего несколько минут из тех двадцати четырех часов, что возникла на Земле жизнь, как существо с относительно плоским лицом и способное к прямохождению, существо, не имеющее острых когтей или клыков, чтобы убивать, сдирать кожу и разрывать на части животную пищу, пришло сначала к использованию, а затем и к производству орудий труда. С тех пор, как использование руки в процессе трудовой деятельности и для удовлетворения материальных потребностей человека привело к формированию и развитию духовных способностей, к прогрессивному развитию в мозге человека специфически человеческой части — коры, к развитию речи и выработке абстрактного представле-

ния — высшего этапа нервно-психических процессов. С тех пор, как коллективная трудовая деятельность людей, меняя естественно-биологические взаимоотношения, начала создавать новую социальную среду, а человек стал социальным существом.

Мир идет к коммунизму, к наиболее полному развитию всех физических и духовных сил человека, к тому царству свободы, о котором Маркс писал: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства... По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе».

И как не вспомнить тут вдохновенных слов французского ученого Тейяра де Шардена о будущем Земли, «где все более возрастающий «досуг» и все более широкие интересы найдут свой жизненный выход в деятельном стремлении все углубить, все испытать, все продолжить», где «гигантские телескопы и циклотроны поглотят больше золота и вызовут больше стихийного восхищения, чем все бомбы и пушки», где «не только для объединенной и находящейся на содержании армии исследователей, но и для человека с улицы животрепещущей проблемой будет отвоевание еще одного секрета и еще одного свойства у частиц, у звезд или у организованной материи», где «люди, как это уже случается, посвятят свою жизнь увеличению знания, а не увеличению имущества».

Человечество вступает в свое великое будущее.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	8
---------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Прозрение

Глава I. Таможенный чиновник меняет профессию	29
Глава II. Отшельник из Дауна	47
Глава III. Отшельник из Дауна (Продолжение)	69
Глава IV. Господин учитель Фульротт	94

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В поисках исчезнувших звеньев

Глава I. Родственник с острова Явы	109
Глава II. Вначале были зубы	124
Глава III. Одиссея Ральфа фон Кенигсвальда . .	138
Глава IV. По следам южной обезьяны	151
Глава V. Ущелье Олдовай	170
Глава VI. Предок питекантропа	180
Глава VII. Проконсул и К ^о	189
Глава VIII. Немного теории	196

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Восхождение к человеку разумному

Глава I. Кто такие неандертальцы?	205
Глава II. Охота была главным	230
Глава III. Конец одного мифа	241
Глава IV. Был некогда день...	248
Глава V. Портретная галерея	257
Послесловие	265

8

29
47
69
94

Для старшего возраста

Воршавский Анатолий Семенович

Человек ищет своих предков

Ответственный редактор *В. С. Мальт.*

Художественный редактор *Н. З. Левинская.*

Технический редактор *Е. М. Захарова.*

Корректоры *Л. М. Короткина* и *Э. Н. Сизова.*

Сдано в набор 15/V 1967 г. Подписано к печ. 2/IX

1967 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8,5. Усл. печ.

л. 14,28. (Уч.-изд. л. 13,21). Тираж 50 000 экз. ТП

1967 № 560. А03985. Цена 49 коп. на бум. № 2.

Издательство «Детская литература». Москва,

М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграф-

прома Комитета по печати при Совете Министров

РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 90.

09
24
38
51
70
80
89
96

205
230
241
248
257
265

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Если вас интересуют тайны прошлого человечества, рекомендуем вам прочесть вышедшие в издательстве «Детская литература» следующие книги:

Поступальская М.
ВЕЧНО ЖИВОЙ.

Книга об истории покорения огня

Баландин Р.
КАПЛИ ДЕВОНСКОГО ДОЖДЯ.

Книга о геологии, о том, как человек познавал свою планету, как шел от легенды к науке, от фантастических представлений об устройстве Земли и Вселенной к реальному научному знанию

Федоров Г.
ДНЕВНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ.

Знание пройденного пути помогает человечеству искать дорогу в будущее — такова основная мысль книги. Автор — доктор исторических наук — рассказывает о тяжелых и кропотливых исследованиях археологов, в результате которых выступают из прошлого судьбы давно ушедших цивилизаций, стран и народов

Варшавский А.
ВСЕ, ЧТО ВЫШЕ МАТЕРИКА.

Книга о самых значительных открытиях мировой археологии.

Эти книги вы можете приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом «Книга — почтой» областных, краевых и республиканских книготоргов.

А»

рекомендуем
ратура» сле-

Я.

ланету, как
и об устрой-
анию

дать дорогу
стор истори-
исследова-
из прошлого
родов

А.

еологии.

оторга и по-
тежом отде-
санских кни-

25

Цена 49 коп.

